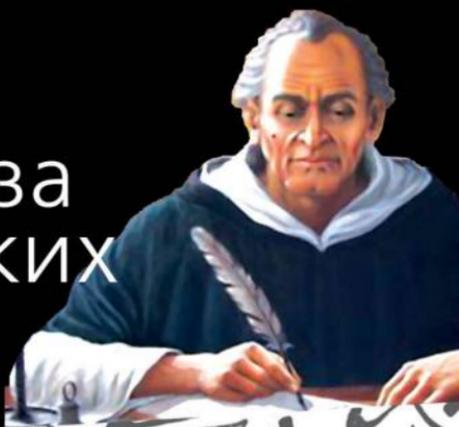

Проза
великих

ТОМАС

МОР

УТОПИЯ

ТОММАЗО

КАМПАНЕЛЛА

**ГОРОД
СОЛНЦА**

УДК 14
ББК 87.7
М 79

Мор Т.

М 79 Утопия. Город Солнца. — М.: Алгоритм, 2014. — 256 с.

ISBN 978-5-4438-0599-3

Люди во все времена мечтали о справедливом обществе. Их надежды и чаяния впервые озвучили мыслители и писатели древности. Самыми известными трудами данной тематики стали творения английского гуманиста Томаса Мора «Утопия» и итальянского философа Томмазо Кампанелла «Город Солнца». Оба автора размышляют о неравенстве и о наилучшем государственном устройстве, где люди не будут чувствовать себя рабами своих господ и работодателей. Эти мысли актуальны и сегодня. Может быть, решение многих своих проблем мы найдем, прочитав эту книгу?

**УДК 14
ББК 87.7**

© **Мархинин С., составл., предисл.,
коммент., 2014**

ISBN 978-5-4438-0599-3

© **ООО «Издательство Алгоритм», 2014**

При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах. Они измышляют и изобретают всякие способы и хитрости, во-первых, для того, чтобы удержать без страха потери то, что стяжали разными мошенническими хитростями, а затем для того, чтобы откупить себе за возможно дешевую плату работу и труд всех бедняков и эксплуатировать их, как выучный скот. Раз богачи постановили от имени государства, значит, также и от имени бедных, соблюдать эти ухищрения, они становятся уже законами.

Томас Мор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти два сочинения, «Утопия» Томаса Мора и «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, просятся под одну книжную обложку. Хотя сочинение Кампанеллы было написано почти столетие спустя после сочинения Мора («Утопия» написана в 1516 г., а «Город Солнца» в итальянской версии — в 1602 г., в латинской — в 1614 г.), но оба они принадлежат одной культурной эпохе — эпохе Возрождения. Эпоха пронизала эти сочинения единым духом гуманизма и социальности (см.: Штекли А.Э. «Город Солнца»: утопия и наука. М.: Наука. 1978. С. 43—63).

Особенно важно подчеркнуть следующий момент. Своеобразие эпохи Возрождения состоит в том, что она мыслит себя возрождением античной культуры, прежде всего — философии. Если говорить конкретно об авторах «Утопии» и «Города Солнца», то они осознают себя продолжателями фи-

лософского дела Платона (428 или 427—348 или 347 до н.э.) — дела создания проекта идеального общества и государства. Нельзя не согласиться, что выступивший позже Кампанелла находится, несмотря на фигуру умолчания по этому поводу, в зависимости от Мора, но и при всем том видит совершенное общество все-таки иначе, чем Мор (см.: Панченко Д.В. Кампанелла и «Утопия» Томаса Мора // История социалистических учений. Сб. ст. М.: Наука. С. 241—251), Существенней, однако, то, что объединяет образы «наилучшего государства» (выражение Мора) в сочинениях Мора и Кампанеллы не просто зависимость взглядов второго от взглядов первого из них, но гораздо большее, а именно то, что перекрывает различия, делает их различиями внутри единства. Речь идет о единстве, проистекающем из принадлежности образов совершенного государства у Мора и Кампанеллы к общему типу с тем идеальным государством, образ которого представил Платон в своем диалоге-трактате «Государство». Этот общий для Мора и Кампанеллы как продолжателей дела Платона тип представлений об идеальном обществе и государстве суть коммунистическая утопия.

При этом Т. Мор и Т. Кампанелла, стремясь быть более последовательными коммунистами, чем Платон, действие принципа общественной собственности, призванной заменить частную собственность, распространяют из высших социальных слоев, в качестве каковых у Платона выступают правители (философы) и стражи (воины), на все общество. Тем самым вместе с всецелым проведением принципа общественной собственности в «наилучшем государстве» они предполагают и всеобщность действия в нем принципа социального равенства.

Надо сказать, что объединяет «Утопию» и «Город Солнца» еще то, что значительность идей каждого из этих произведений оплачена высокой ценой: трагической судьбой их творцов. Т. Мор был казнен за верность своим убеждениям, разошедшимся с интересами королевской власти (Мор, будучи авторитетным политиком, опасным для короля, не от-

казался от мнения о предпочтительности сохранения в Англии католицизма в противоположность принятию англиканства, так как с католицизмом он связывал возможность более благоприятной для страны и народа социальной политики). Кампанелла за подготовку восстания против испанского владычества в Калабрии, с которым он связывал перспективу не только национального освобождения, но и установления социального строя в духе строя «Города Солнца», почти тридцать лет подряд, а в общей сложности около тридцати трех лет, провел в тюремных застенках испанских властей, страдая от жестоких пыток и ужасных условий заключения. Одновременно с испанцами Кампанеллу преследовала папская инквизиция, расценившая его творчество как ересь и приговорившая его к пожизненному заточению. Только чудом, благодаря случайному стечению обстоятельств, Кампанелла избежал казни и вышел на волю в конце жизни. В «Городе Солнца» он говорит, имея в виду самого себя, о Философе, способном доказывать верность своим взглядам, а значит, и верность их самих, даже путем испытания пыткой. Солярии, т.е. граждане Города Солнца, — пишет Кампанелла, — «неоспоримо доказывают, что человек свободен, и говорят, что если в течение сорокачасовой жесточайшей пытки, какую мучили одного почитаемого ими философа враги, невозможно было добиться от него на допросе ни единого словечка признания в том, чего от него добивались, потому что он решил в душе молчать, то, следовательно, и звезды, которые воздействуют издали и мягко, не могут заставить нас поступать против нашего решения» (Кампанелла Т. Город Солнца. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1947. С. 114). Впрочем, и в этом отношении — в отношении высокой, до готовности к жертвованию жизнью, меры верности коммунистической идее и убежденности в ее истинности, Мор и Кампанелла наследовали Платону, который тоже буквально рисковал жизнью, пытаясь убедить тирана Дионисия, а затем — и Дионисия младшего в необходимости осуществить на Сицилии учение об идеальном государстве.

Именно идущая от Платона через Мора и Кампанеллу литературная и философская традиция коммунистической утопии ближе, чем какие-либо иного рода представления о совершенном и желательном устройстве общества, подводит к философски и научно обоснованному К. Марксом и Ф. Энгельсом проекту будущего общества. Ближе, потому что марксистский проект, как и проекты названных утопистов, является тоже коммунистическим проектом. В той форме, какую коммунистическому проекту будущего общества придали классики марксизма, это уже не утопия, не «место, которого нет», а практически воплощаемый и воплощающийся, вопреки всем преградам, тип общества.

Сейчас, когда после поражения реального социализма в СССР и восточно-европейских странах процесс становления коммунистической формации переживает кризис, когда нащупываются новые пути и обновленные формы воплощения коммунистического идеала в реальность, интерес к утопиям Мора и Кампанеллы будет обостряться. Если еще совсем недавно они вызывали едва ли не исключительно академический интерес, рассматривались только в качестве примеров истории утопической мысли, то сейчас они будут интересны многим читателям и за пределами академической сферы, поскольку стимулируют попытки поиска ответов на злободневные вопросы о дальнейших судьбах реального социализма/коммунизма и в нашей стране, и в мире.

Думается, что нет непроходимой границы между утопией и наукой. По-настоящему значительные произведения утопической мысли, к которым, безусловно, относятся «Утопия» Т. Мора и «Город Солнца» Т. Кампанеллы, сохраняют свою актуальность в плане значения для научной социальной футурологии. Особенно в такой переломный момент истории, как нынешний, они способны и удовлетворять интерес широкого читателя, и, вместе с тем, питать научную мысль о перспективах социального развития. Осмысление содержания утопий, соотнесение их с нынешней реальностью дают импульсы, с одной стороны, для подтверждения

истинности определенных положений научно-философской теории становления общества социальной справедливости, а, с другой стороны, истинность иных положений теории ставят под вопрос.

С этой точки зрения мы бы обратили внимание на центральную идею коммунистических утопий Мора и Кампанеллы — идею о необходимости замены частной собственности общественной, а также еще на две остро звучащие в современной действительности темы: тему судьбы религии (шире — веры) и тему гендерных (социально-половых) отношений в будущем обществе.

Необходимость отмены частной собственности и введения общей собственности диктуется стремлением к достижению социальной справедливости и всеобщего благополучия. Соглашаясь в этом с Платоном, главный герой «Утопии» Мора Рафаил Гитлодей говорит, что он «твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то и у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей. Я, правда, допускаю, что оно может быть до известной степени облегчено, но категорически утверждаю, что его нельзя совершенно уничтожить» (Мор Т. Утопия. Пер. с лат. А.И. Малеина. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1947. С. 92). Общее благополучие определяется справедливостью. Как считают Мор и Кампанелла, справедливость должна в первую очередь заключаться в том, чтобы все способные к труду люди трудились каждый в меру своей способности на общее, а, значит, и на свое благо. При таком условии, даже и сокращенного трудового дня (до 6 часов по Морю или до 4 часов по Кампанелле) окажется достаточно для обеспечения изобилия материальных благ. В «Утопии» об этом сказано: «Так как все они (утопийцы — В. М.) заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, то в итоге у них получается изобилие во

всем» (Мор Т. Утопия... С. 119—120). Освободившееся же от труда время люди смогут тратить на обретение благ духовных — на приобщение к искусствам и наукам.

Идея возможности всеобщего благополучия, материального изобилия основанного на справедливом общественном строе, не была выдумана Мором и Кампанеллой, как до них и Платоном. Потенциально она содержалась уже в первобытно-мифологических представлениях о вселенском, а вместе с тем — и социально-коллективном, порядке: космосе, утверждающемся в борьбе со вселенским беспорядком — хаосом. Первобытной мифологемой становления космоса из хаоса предполагается органическое слияние индивидуального и коллективного, социального и вселенского начал в первобытном человеческом общегитии и сознании. Научные реконструкции первобытной формации показывают, что экономическим основанием органического слияния индивида и общности была примитивная жизнеобеспечивающая экономика. Распределение и потребление средств к жизни осуществлялось по принципу удовлетворения самых необходимых жизненных потребностей — но потребностей каждого индивида, независимо от его вклада в производство и от его статуса. Строй коллективной жизни характеризовался равноправием индивидов, поскольку социальное неравенство в жизнеобеспечивающей экономике попросту не могло иметь места. В общем, это был строй первобытного коммунизма и родоплеменной демократии.

В первобытно-коммунистическом обществе представления о социальной справедливости не могут быть особой темой. Они совпадают с представлениями о наличном космическом и социальном порядке. Его удержание и воспроизводство было естественным и само собой разумеющимся образом человеческой жизни. Тема справедливого общества в качестве особой темы, стремление к справедливо устроенному обществу появляются тогда, когда социальная справедливость становится проблемой, то есть когда разрушается

социальный порядок, встроенный мифологическим сознанием во вселенский космос. Несправедливость обнаруживается вместе с возникновением строя классового неравенства. Естественно, что оставшийся в прошлом строй первобытного коммунизма и демократии приобретает при этом идеализированный вид, выступает в образе «золотого века». В древнегреческом обществе впервые с особенной силой поставил проблему социальной справедливости поэт Гесиод, живший еще в 8—7 вв. до н.э. Начальную эпоху, «поколение людей золотое», будто бы изобильно вознаграждавшееся природой за справедливость и труд, совершавшийся вольно, лишь по желанию, Гесиод противопоставляет современной ему эпохе упадка, к которому живущее поколение «железных людей» привели творимые ими несправедливости. На последующих этапах развития общества народное сознание «размещает» образ справедливого общества в будущем времени. Например, в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» революционерка Праксагора, раскрывая план коммунистического переустройства общества, заявляет, что в итоге все несправедливости («обманы и кривды») останутся в прошлом, когда «по старинным мы жили законам».

Причем народное сознание не только в эпоху античности, но и в последующие эпохи развития строя классового неравенства, своим ожиданием будущего справедливого и изобильного общества и своей уверенностью в реальности его существования в каком-то месте и времени, продолжает оставаться почвой и побудительным фактором возникновения литературных коммунистических утопий. Примером могут послужить народные мечтания на родине Т. Мора, в Англии, о «Стране Коккейн» (англ. *соскаугне* от др.-ирланд. *cuisainn* — кухня, сладкий пирог и т.п.), оформленные, в частности, в 14 веке в фольклорную поэму. В этой поэме есть такие строки о мифологическо-коммунистическом Коккейне (цит. по : Мортон А.Л. Английская утопия. Пер. с англ. О.В. Волков. М.: Ин. лит-ра. 1956. С. 20):

День постоянно, нет места ночам,
Ссор и споров нету, поверь!
Живут без конца, не зная смерти,
В одежде и в пище нет нехватки,
У мужа с женой не бывает схватки...
Все вместе у всех — у юнцов, стариков,
У кротких, у смелых, худых, толстяков.

Очевидно, что источником утопий Мора и Кампанеллы являлись не только «Государство» Платона и иные литературно-утопические произведения, но как и у Платона до них, как и у других авторов коммунистических утопий после них, но также и народные надежды на осуществление справедливого устройства жизни вместо строя социальной несправдливости.

Таким образом, история свидетельствует, что идея справедливого общества как общества, устроенного на коммунистических началах, — это не плод прожектерской мысли, а изначальная, глубоко укорененная социокультурная традиция.

Но, скажут нам, разве от этого философская утопия не остается все-таки всего лишь утопией, изображением не существующего а, может быть, и вовсе не сбыточного строя? Разве не ясно, что главная идея коммунистического проекта Мора и Кампанеллы — идея, что всеобщая трудовая занятость окажется достаточным источником общественного изобилия, обнаружила свою несостоятельность? Потребовалось более, чем три века после Т. Мора, и более, чем два века после Т. Кампанеллы, чтобы сложились условия — нет вовсе не для осуществления их проекта — а для того лишь, чтобы К. Маркс смог научно поставить вопрос об осуществимости в будущем строя всеобщего труда и изобилия. Научно-философский анализ приводит К. Маркса к выводу, что и в 19 веке изобилие по-коммунистически, то есть таким образом, чтобы каждый, трудясь по способностям, получал по потребностям, все еще не осуществимо. Чтобы это стало возможным, необходимо не только введение всеобщности труда, но и создание ряда других важных предпосылок.

Маркс так излагает свой вывод: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому — по потребностям» (Маркс К., Энгельс Ф. Критика Готской программы // Маркс к. и Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. М.: Гос. изд-во политической литературы. 1961. С. 20).

Этой высшей фазе, как подчеркивает Маркс, предшествует, однако, фаза, на которой замена частной собственности собственностью общей («общественной») и всеобщая трудовая занятость не могут обеспечить осуществление принципа распределения материальных благ по потребностям каждого. На этой — социалистической — фазе, когда коммунистический строй еще не развился на собственной основе, а только выходит из капиталистического общества с его господством частной собственности, может быть осуществлено лишь распределение по труду: то же самое количество труда, которое производитель благ дает обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме (Там же. С. 18). Естественно, что распределение по труду противостоит возможности обеспечения социального равенства. Люди различаются физическими и умственными способностями, интенсивностью труда, размером семьи и пр., Поэтому: «При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное» (Там же. С. 19). Общество, только выходящее из капитализма, «во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умст-

венном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» (Там же. С. 18). И именно такого типа общество стало с начала 20 века свершающимся фактом мировой истории.

Но когда же в таком случае свершится возникновение коммунизма как такового, в реальной возможности которого убеждены утописты, облекшие народные чаяния о строе справедливости и изобилия в философски продуманные литературные формы? Разве — спросят нас вновь — сам Маркс, и последующая история реального социализма не отодвигают осуществление коммунизма в неопределенное будущее? Ответим так: социализм потому и есть фаза коммунистического строя, что вместе с реальным социализмом на сцену истории вступает и реальный коммунизм. Не в каком-то отвлеченном, а в самом конкретном смысле. В смысле образования в бюджете социалистической страны общественных фондов потребления, которые гарантируют удовлетворение, по крайней мере, всех минимально необходимых потребностей в материальных благах каждому индивиду, а, кроме того, — полное удовлетворение потребностей каждого в образовании, охране здоровья, материнства и детства. И этот, пусть не тотально, а частично проведенный коммунистический принцип распределения по потребностям, независимо от способностей и жизненных обстоятельств, должен действовать с самого начала вступления на путь реального движения к коммунистическому обществу, развивающемуся на собственной основе. Так это и было на родине реального социализма — в России-СССР, а так же в бывших социалистических восточно-европейских странах, так это и есть в странах, продолжающих развивать социалистический строй, и в странах, вступающих на путь социализма.

Причем эта коммунистическая черта социализма настолько привлекательна и притягательна для народных масс, что и в капиталистических обществах правящий класс, имитируя под напором масс стремление к социальной справедливости, вынужден прибегать к перераспределению некоторой

части общественного богатства в пользу наименее имущих слоев населения и расширять доступность некоммерческого сектора в образовании, медицинском обслуживании и др. Упомянем хотя бы такой яркий пример последнего времени как борьба президента и Демократической партии США за всеобщее медицинское страхование.

Авторы коммунистических утопий, следовательно, правы в своей уверенности в осуществимости принципа распределения общественного богатства по потребностям каждого члена общества, хотя и неправы в том, что он сразу может быть осуществлен тотально, во всей полноте.

Впрочем, известным оправданием этого заблуждения может, думается, служить убеждение в поразительной живучести и страшной социально-разрушительной силе частной собственности, так что она, на их взгляд, должна быть уничтожена сразу и полностью, а в противном случае она погубит все блага, которые способна обеспечить общая собственность, сколь бы эти блага не были изобильны. Как говорится в «Утопии», «где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те получают (надо бы добавить: с их точки зрения) отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют». (Мор Т. Утопия... С. 90). И еще: «Если каждый на определенных законных основаниях старается присвоить себе сколько может, то, каково бы ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим; а они, разделив его между собою оставляют прочим одну нужду» (Там же. С. 90—91; см. также: С. 92, 116, 211; Кампанелла Т. Город Солнца... С. 37).

Предостережение коммунистов-утопистов о демонической силе частной собственности звучит в наше время как нельзя уместно. Несмотря на то, что в современном обществе частная собственность («частная собственность на средства производства») глубоко опосредована глобально-кор-

поративными отношениями она, как подчеркивает выдающийся современный социальный мыслитель А.А. Зиновьев, остается главным мировым злом (Зиновьев А.А. Главное мировое зло — это частная собственность (Интервью Ирине Щегловой) // Экономическая и философская газета. 2006. № 7). В социалистическом обществе «родимые пятна капитализма», о которых говорил К. Маркс, способны регенерировать подобно раковым опухолям. Маркс, конечно, понимал, что развитие социализма — это сложный процесс изживания унаследованных от капитализма отношений, но, надо отдать должное коммунистам-утопистам: они задолго до Маркса и даже острее, чем он, предощутили страшную антикоммунистическую хватку частной собственности. Успех социалистического развития, очевидно, должен измеряться как раз тем, насколько продвигается тотализация действия принципа распределения по потребностям. Осмысление опыта нынешнего кризиса социализма под углом зрения, задаваемым чтением «Утопии» и «Города Солнца», не может не наводить на мысль об одной из, может быть, основных причин разрушения социалистического строя в СССР и восточно-европейских странах. Происходивший здесь динамичный рост общественных фондов потребления, вероятно, стимулировал рост разрушительной силы частной собственности и денег как ее дериватов вместо того, чтобы ограничивать их разрушительную силу посредством адекватного государственного регулирования взаимоотношений форм собственности. Надо надеяться, что из этого опыта строителями справедливого общества будет извлечен урок.

Перейдем теперь к другой из намеченных к рассмотрению актуальных для современности тем в утопиях Т. Мора и Т. Кампанеллы — теме религии.

Оба автора коммунистических утопий не мыслят совершенное общество без религии. Это не удивительно, так как оба они священники и теологи. Правда, Кампанелла обвинен папской инквизицией в ереси (у него обнаружили и вменили в вину, в частности, следующие мнения: «все существующие

монашеские ордена не являются необходимыми; вечное спасение возможно и без крещения» — см.: Штеккли А.Э. «Город Солнца»: утопия и наука... С. 41). Впрочем, если бы они признались, что разделяют с гражданами утопических государств их религиозные взгляды, то оба заслужили бы, наверное, еще большее обвинение в ереси, чем то, которое уже имел Кампанелла. Но оба дистанцируются от нехристианских религий, принятых в утопических государствах, предъявляя себя как благочестивых христиан. Так, Мор изображает рассказчика об Утопии и его спутников чуть ли не христианскими миссионерами, от которых утопийцы узнали «про имя Христа, про его учение, характер и чудеса» и т.п., так что в итоге, как говорится в «Утопии», «немалое количество их перешло в нашу религию и приняло омовение святой водой» (Мор Т. Утопия... С. 193; выделено мной — В. М.). А Кампанелла о своих соляриях, держащихся с европейской точки зрения весьма диковинной религии, сообщает, что они, тем не менее, «всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов» (Кампанелла Т. Город Солнца... С.62). Конечно, именно в вопросе о религии, обсуждение которого было в их время крайне рискованным, авторы утопий не могли с полной искренностью заявить свою позицию. Но нужно учесть и то, что сам жанр утопии предполагает необходимость изображения явлений культуры, отличных от уже известных. Но раз сами авторы — европейцы, и раз они религиозны, то их религия — христианство. Думается, нет оснований не считать искренними заверения Мора и Кампанеллы о том, что они верующие христиане. Не искренни они в другом — в том, что предъявляют себя церковной цензуре вполне ортодоксальными христианами. Очевидно, что на самом деле они хотели бы, чтобы христианство было реформировано в том духе, в каком религия предстает в их совершенных государствах — иначе не зачем было бы городить религиозный огород утопий. Другое дело, что очень не просто понять, каков же тот тип религии, который видится каждому из них в качестве достойного образца для реформирования христианства.

Многое становится понятнее в утопиях Мора и Кампанеллы, как мы уже знаем, при их соотнесении с утопией Платона. Но в данном случае бросается в глаза, что связной картины того, что можно было бы отнести к тематике религии, в «Государстве» Платона нет. Вообще такого рода тематика мало затрагивается в платоновской утопии. Тем не менее, поскольку она все же затрагивается, видно, что замыслы религиозной реформы у Мора и Кампанеллы могут быть навеяны Платоном.

Платон живет в период упадка традиционной греческой мифологии. Он, как и многие мыслители классической античности, критически относится к образам богов у Гомера, Гесиода и других мифопоэтов. Естественно, что он считает образы олимпийских богов несоответствующими принципу справедливого общества и задачам воспитания граждан идеального государства. Поэтому их культ надо, по его убеждению, признать неподходящим для государства, а произведения мифопоэтов, изображающих богов так, словно они имеют недостатки и слабости, подобные человеческим (коварство, разжигание распрей, колдовство, лживость, чревоугодие, трусливость и др.), в идеальном государстве следует запретить. Боги должны отождествляться и быть причиной не зла и несправедливости, а исключительно блага и справедливости. (Платон. Государство. 364 b — 367 a; 379 e — 383 c; др.). Однако боги блага лишь потому, что являются функциями демиурга — бога, творящего космос из материального вселенского хаоса по образцу блага, являющегося высшим идеальным началом. Демиург, как предполагается по умолчанию, это ни в коем случае не Зевс, стоящий во главе олимпийского пантеона, ибо для Платона Зевс — один из олимпийцев, скомпрометированных мифопоэтами. Но демиург — это и не бог религии, ибо он не личность. Демиург — личность только в условном, ироническом смысле — фигура созданного Платоном, по его признанию, правдоподобного мифа (Тимей, 29 e). Поистине же демиург — безличная мировая сущность, творческая потенция блага как высшего ми-

рового идеального начала. То есть, демиург — это, что называется, «философский бог», категория философская, а не религиозная, хотя и выступающая в псевдорелигиозной форме. Недаром в платоновском «Государстве» не упоминается ни о каком религиозном культе. Всем, что относится к осуществлению идеи блага, занимаются не священники, а правители философы. Стоит также упомянуть, что в диалоге «Государство» Платон богам, воплощающим эманации блага, уподобляет — скорее по аналогии, чем по отождествлению — Солнце (VI, 508 а — 509 с), а в примыкающем к «Государству» диалоге «Тимей» — также планеты и звезды (38 b — e).

В христианскую эпоху богословы из тех, кто хотел бы подтянуть взгляды Платона к взглядам, преобразующим христианство, стали толковать платоновскую категорию демиурга как образ бога в смысле монотеизма, т.е. в религиозном смысле. Поскольку это была натяжка, следование Платону в представлениях о боге с такой позиции было чревато колебанием между философией и религией. В христианскую же эпоху платоновское уподобление Солнца, а также планет и звезд богам было истолковано — вопреки тому, что сам он проводил уподобление скорее по аналогии, а не в плане отождествления — именно в смысле отождествления небесных тел с божествами, т.е. истолковано астрологически. Под астрологическом углом зрения следование «религии» Платона ведет к двойственности веры — с одной стороны, вера предстает как религия: вера в бога-творца, с другой — как язычество: вера в творческие силы самой природы — Солнца, планет, звезд. Вот эта та двойственность — философская и религиозная, религиозная и языческая, проистекающая из христианского и христианской эпохи толкования «религии» в идеальном государстве Платона, так или иначе прослеживается, на наш взгляд, и в тех верованиях граждан утопических государств, которые Мор и Кампанелла называют религией (религиями). Конечно, по-своему в каждом из этих государств.

Мор изображает религиозную ситуацию в Утопии как отличающуюся большим разнообразием. Есть здесь религии

почитания как бога Солнца, Луны, отдельных планет, какого-либо выдающегося человека. Есть также секты, в одной из которых признается существование бессмертной души у животных, а в другой — не скорбят об умерших ввиду ожидающего их души, как уверены адепты, загробного блаженства. Правда, не указывается, каким божествам поклоняются члены этих сект. Но если не говорить о христианстве, которое, как отмечалось, тоже нашло здесь своих приверженцев после рассказа о нем европейцев, то все остальные религии эволюционируют в сторону признания того, что у всех почитаемых в каждой из религий существ «одна и та же природа, божественной силе и величию которой соглашение всех народов усваивает первенство над всем» (Мор. Утопия... С. 192). Эта постепенно возникающая общая религия превосходит другие разумностью, Состоит она в вере в «единое высшее существо», создавшее Вселенную и обладающее силой провидения, т.е. управляющее ходом дел в мире. Все утопийцы называют это высшее существо Митрою. (Там же.).

Имея в виду преемственность утопических взглядов Мора с утопией Платона, религии поклонников Солнца, Луны и планет правомерно квалифицировать как языческие, религию поклонения выдающемуся человеку — как аналог обожествления Христа, как, следовательно, религию, переходную к тому же типу, что и христианство. Таким образом, исходная ситуация многообразия религий двойственна: языческая и религиозная. Моделью эволюции многообразия религий и сект в сторону общей религии Мору мог служить процесс становления христианства. Возникающая в Утопии общая религия, как и христианство, как очевидно из сказанного выше, — монотеизм. Но избавит ли этот религиозный монотеизм религиозную ситуацию в Утопии от прежней двойственности? Нет, что видно из данного ему утопийцами, т.е. Мором, имени — Митра. Митра — это божество индоиранского происхождения, связанное с дружественностью, договором, согласием и с солнечным светом. (Имя Митра — др.-инд. *Mitrá*, авест. *Miθra* означает: «дружба, договор, согласие»). Следова-

тельно, Митра — бог Солнца, а вера в него — языческая. Не случайно, что Мор, вольно или невольно признавая двойственный характер утопийской религии, в одном месте «Утопии» замечает: «Утопийцы признают, что созерцать природу и затем восхвалять ее — дело святое и угодное богу» (С. 200). Но, кстати, ведь и положение в христианском мире тоже двойственно: христианскую религию на всем протяжении ее существования сопровождает язычество, так что именно в этом смысле говорят о широко распространенном в христианских странах двоеверии. Замечательно еще то, что Митра символизирует своим именем дружественность и согласие — Мор подчеркивает, что в межрелигиозных отношениях в Утопии царят мир и согласие, закрепленные законом, установленным еще основателем этого государства Утопом.

Если в обрисованной Мором духовной ситуации в Утопии трудно обнаружить двойственность по линии «религия / философия», то в изображенном Кампанеллой городе Солнца она с очевидностью двойственна и по данной линии, и по линии «религия / язычество». Солярии с того момента, как бежали будто бы из Индии, спасаясь от разбоя завоевателей-монголов, решили в основанном ими городе Солнца «вести философский образ жизни общиной» (Кампанелла Т. Город Солнца... С. 37). Название города и именование верховного правителя — Солнце, как уместно предположить, является аллюзией на Митру у Мора и/или, как и у Мора восходит к платоновскому уподоблению Солнца богу. Но верховного правителя «на нашем языке» следует назвать Метафизиком. То есть в городе Солнца религия и философия находятся в нерасторжимом двуединстве. Что вера соляриев является религией, религиозным монотеизмом подобно христианству, об этом дает нам ясно понять сам автор «Города Солнца», когда упоминает, что среди множества изображений великих законодателей, пророков, божеств солярии имеют и изображение Христа. Подчеркнув, что солярии презирают только Магомета «как вздорного и ничтожного законодателя», автор устами главного героя книги Морехода, продол-

жает так: «Зато на почетнейшем месте увидел я образ Иисуса Христа и двенадцати апостолов, которых они глубоко чтут и превозносят, почитая их за сверхчеловеков» (Там же. С. 35). Что вера соляриев одновременно является языческим почитанием природы, после всего сказанного ранее -очевидно. Эта вера вся пронизана астрологией: не только Солнце, но и планеты и звезды выступают здесь как обожествляемые природные существа, как объекты поклонения. (Собственно астрологические сюжеты «Города Солнца», если в них решаются вникать читатели, доставляют им возможность крепко поломать голову).

Отдельно скажем о разряде священников и их функциях в Утопии и в городе Солнца. Сословие священников и там, и там очень немногочисленно, В Утопии священников выбирает народ и притом, как и других должностных лиц, тайным голосованием. Малочисленность священников соответствует коммунистическому принципу всеобщей трудовой занятости. Она составляет контраст положению дел в христианской Европе. Мор восклицает: «какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые чернецы!» (Мор. Утопия... С. 115). Тщательность подбора священников оправдана тем, что они и сами должны отвечать высоким моральным требованиям и, помимо отправления обрядов богослужения, быть блюстителями нравов в обществе и воспитателями детей как нравственно ответственных и достойных граждан государства В Утопии священники следят еще за тем, чтобы утопийцы не свирепствовали против побежденных, и вообще стараются умиротворить воюющие стороны. В городе Солнца священники тоже играют важную роль во время военных конфликтов. Поскольку солярии никогда не нападают, но всегда побеждают агрессоров, их священники, выполняя миротворческую миссию, убеждают противника отказаться от войны и лишь после неудачи вразумления врага объявляют ему войну.

Как оценить трактовку коммунистами-утопистами роли религии в совершенном обществе? Как известно, в класси-

ческом марксистском коммунизме религия трактуется как, главным образом, иллюзорно-идеологическая форма сознания, несовместимая со строем жизни в будущем обществе. Предполагается, что по мере его развития и развития науки религия будет отмирать, уступая место научно-рациональным формам сознания. (См., напр.: К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о религии. М. 1975. С. 5—20).

Однако, как видно по многим приметам, к настоящему времени все яснее становится, что классическая марксистская трактовка религии требует пересмотра. Все-таки религия по своей сути есть не иллюзорно-идеологическая, а мировоззренческая форма сознания, т.е. как таковая она является не выражением интересов отдельных социальных классов, а формой духовного отношения человека (независимо от того, каков его социальный статус) к миру. Другое дело, что в классовом обществе господствующие классы стремятся — и это в той или иной мере им удается — подчинить институт религии, церковь государству как инструменту своего господства. Но это является принуждением религии к выполнению несвойственной ей по ее сути функции. Религия как мировоззрение является, прежде всего, формой массового, народного сознания, составляющей одну из двух сторон целостного народного мировоззрения — веры либо в Бога, либо в самопорождающую силу Природы (так называемое «язычество»). И поскольку религия вместе с язычеством, это, прежде всего, формы народного мировоззрения, постольку есть достаточные основания для предположения, что они столь же вечны, сколь вечно сознание народов, коллективных субъектов истории. Предметной областью науки является эмпирически доступный окружающий мир, предметной областью веры — религии и «язычества», как и философии, но только по-особому, выступает чувственно не доступный мир в целом, вселенская реальность. Связь между этими предметными областями науки и веры является сложной и неоднозначной. Теперь уже хорошо известен тот факт, что вполне успешно способны осуществлять научную деятельность как ученые-

атеисты, так и ученые, имеющие религиозные убеждения. Так что, вероятно, правильно было бы думать, что в будущем обществе, преодолевающем классовые антагонизмы, вместе с развитием науки обнаружится не преходящий характер религии, а то, что преходящим является антагонистически конфликтный характер отношений веры и религии, религии и веры. (Подробное изложение предложенной здесь трактовки религии см.: Мархинин В.В. Народное мировоззрение и философия // Сборник научных трудов СурГУ. Гуманитарные науки. Сургут. Изд-во СурГУ. 2006. С. 105 — 117).

С точки зрения изложенной только что позиции представления Т. Мора и Т. Кампанеллы о духовной ситуации и роли религии в коммунистическом обществе, на наш взгляд, вовсе не ретроградны. Напротив, их изображение духовной ситуации в утопическом обществе следует, думается, признать прозорливым взглядом в будущее. Замечательно то, что в изображенной ими духовной ситуации выявляется структура двойственных духовных образований: двуединство веры и философии и внутри веры — двуединство религии и язычества (веры в Бога и веры в Природу). Ведь все эти духовные формообразования, взятые в их противоположности и единстве, являются вечными формами духовной жизни человечества.

Главное, на наш взгляд, что объясняет причастность веры — во всяком случае, христианской веры, каковую в первую очередь, пусть и иносказательно, и имеют в виду коммунисты-утописты — к поискам справедливого общества, это то, что это мировоззрение, культивирующее безусловным образом вечные моральные нормы. Нормы, имеющие смысл, в том числе и общезначимый, т.е. независимый от того, верит ли человек в Бога или в Природу. То, что христианство является народным мировоззрением, содержащим и культивирующим нравственные нормы, а нравственность не может не быть этикой справедливости, внутренним для него образом предполагает и его коммунистическую / тенденцию и его мощный социально-освободительный потенциал. В этом ключе, мы думаем, надо позитивно оценивать нравственно-

воспитательную роль священнослужителей, как ее видят в коммунистическом обществе Т. Мора и Т. Кампанелла. Не можем мы с нашим теперешним опытом конфликтов на межэтнической и межконфессиональной почве не оценить также идею Т. Мора о необходимости воспитания и поддержания силами государства предельной веротерпимости и согласия в отношениях между религиями.

Обратимся, наконец, к третьей из намеченных к рассмотрению тем утопий Мора и Кампанеллы — к гендерной теме, теме социальных отношений полов и освобождения женщины.

Коммунистам-утопистам принадлежит та заслуга, что именно это течение мысли первым выступило с обоснованием равенства способностей женщин и мужчин и, соответственно, с идеей социального освобождения женщины путем установления социального равенства полов.

Самым первым теоретическим «феминистом», выступившим за много веков до феминизма — движения женщин за свои права (оно начинает формироваться в XVIII в.), явился Платон. Платон обосновал равенство женщин мужчинам по природе — по задаткам и способностям, с той, правда, оговоркой, что «женщина во всем неможнее мужчины» (Государство, пер. А.Н. Егунов. V, 455 d — e). Но равенство полов может осуществиться лишь в совершенном обществе. Условием социального равенства мужчин и женщин должно стать соответствие характера отношений полов требованиям единства общества и общности достояний в идеальном государстве. Этим требованиям, как убежден Платон, соответствует установление общности жен и детей в высших стражах, особенно среди стражей.

Странно усматривать в выдвигании Платоном принципа общности жен какую-то мизогинию (с греч.: ненависть к женщинам) (см.: Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. I. Харьков, СПб. 2001). Ведь полная формула общности жен — это общность жен и мужей. Что же — обвинять Платона в мизан-

тропии? Принцип общности жен это, конечно, не что иное, как именно особая форма осуществления равенства полов.

Брачные отношения между женщинами и мужчинами, поскольку они постоянно занимаются вместе общим делом, устанавливаются естественным образом по взаимному любовному влечению. Кроме того, как считает Платон, правители должны тайно так направлять брачные выборы, чтобы они отвечали цели совершенствования человеческой породы в идеальном государстве. Дети не должны знать родителей, растить их будет государство. (Там же. 458 с — 460 d). Не можем не заметить, что установлению брака по взаимному любовному влечению противоречит своего рода евгеника (греч. *εὐγενής* — породистый) — воздействие на выбор брачных пар со стороны государства, прежде всего потому, что это воздействие — тайное.

С высоты прошедшей после Платона истории мы не можем согласиться с ним, что требованием совершенного общества должна быть общность жен и детей. Моногамная семья, пусть и с фактическими отступлениями от ее принципа, выдержала проверку многовековой историей и ей, думается, нет предвидимой альтернативы при условии, что род человеческий не пожелает завершить свою историю самоубийством. Но, как свидетельствует история, как раз господство отношений частной собственности является тем фактором, который скрепляет семью насильственно путем превращения женщины в предмет, принадлежащий собственнику-мужчине. Так что в результате моногамия, провозглашаемая как священный принцип, фактически постоянно нарушается явочным порядком (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. М, 1961. С. 34 — 85).

И если Платон не прав в отвержении моногамии в пользу общности жен и мужей, то он прав в самом существенном: в том, что необходимым основанием брачно-семейного союза является взаимное эротическое влечение мужчины и женщины. Платон предпочел моногамии общность жен лишь по-

тому, что еще не мог знать, что единственно только обретенная человечеством в ходе истории индивидуальная любовь, вопреки подменяющей ее, а потому деструктивной силе частной собственности, способна сохранить семью как институт, необходимый для воспроизведения человеческого рода и существования общества. Впрочем, Платон всячески подчеркивает, что как раз идея общности жен и детей в его проекте идеального полиса, как в плане полезности, так и в плане возможности этого установления, является особенно уязвимой для критики и признается, что здесь у него «сомнения и поиски», что положение его шаткое и ужасное (V, 450d — 451a). В общем, Платона извиняет то, что в этом пункте он и сам не претендует больше, чем на далекое от доказательности предположение.

В оправдание же евгеники Платона можно сказать, что элементы евгеники как государственной политики приемлемы, они вошли и в современную нам практику заключения брачных союзов. Например, согласно законодательству некоторых стран, лица, вступающие в брак, обязаны проходить медицинское обследование и сообщать партнеру о состоянии здоровья. Это говорит о прозорливости и известной перспективности соответствующей мысли Платона. В общем, если бы евгенические меры проводились государством не тайно, а в сотрудничестве с лицами, вступающими в брачный союз, то это бы усложняло — может быть, правомерно усложняло, но не попирало бы их взаимный любовный выбор. В таком случае мы бы одобрили евгеническую позицию Платона, на деле же нам остается лишь сожалеть, что она не такова.

Т. Мор и Т. Кампанелла, вероятно, считая, что это уже хорошо сделано Платоном, не находят нужным обосновывать равенство природных задатков и способностей женщин и мужчин. Женщины, как само собой разумеющееся, принимаются равными по способностям мужчинам. И в Утопии, и в городе Солнца они занимаются всем, чем занимаются мужчины: ремеслом, сельским хозяйством, военным делом, ис-

кусством. Женщины могут быть священниками. Мор и Кампанелла, вероятно, в отличие от Платона предполагают, что в условиях, позволяющих развивать способности, женщины не во всех занятиях окажутся немогущие мужчин. Наши утописты считают, что женщины останутся слабее только в физических занятиях и в соответствии с этим предлагают заниматься им в делах, не требующих тяжелой физической нагрузки. Из сочинения Кампанеллы видно, кроме того, что с его точки зрения в благотворных социальных условиях, по крайней мере, в отдельных занятиях женщины могут даже превзойти мужчин. Например, в городе Солнца музыка, наверное, по указанной причине является исключительно женским делом, хотя на трубах и барабанах женщины не играют (Кампанелла. Т. Город Солнца... С. 47). Вообще, с возвышением женщин Кампанелла связывает грядущие перспективы человечества. Солярии, сообщает Мореход — открыватель города Солнца, «говорят, что женское начало действует плодотворно в небе и над ними (т.е. соляриями — В. М.) начинается господство менее устойчивых сил. Откуда и понятно, что в этом веке начало преобладать правление женщин» (Там же. С. 111).

Интересно, что Т. Мор и Т. Кампанелла, развивая идею гендерного равенства в совершенном обществе, реализуют каждый одну из двух возможностей платоновской утопии в видении того, какую форму должны иметь брачные отношения. Мор ставит брачные отношения в зависимость, прежде всего, от взаимной любви, Кампанелла — от направляемого государством отбора партнеров с целью улучшения человеческой породы.

Взаимная любовь, благодаря которой возникает брачный союз в Утопии, как предполагается Мором, должна иметь индивидуально-личностный, исключительный характер. Это особенно хорошо видно из одного примера из жизни утопийцев. Согласно их законодательству, в случае, когда один из супругов оказывается уличенным в прелюбодеянии, другой освобождается от брачных обязательств по отношению к изменившему лицу и волен вступить в новый брак. Либо по-

страдавший супруг, если его любовь так сильна, что он хотел бы сохранить супружество, должен будет разделить с виновной стороной страшное наказание — отдачу в рабство (Мор Т. Утопия... С. 167—168). (Заметим, что рабство в Утопии — это не определение социального класса, а форма уголовного наказания). Само существование прецедентов, подобных упомянутому, говорит, что брак утопийцев основывается, как правило, на сильной индивидуальной любовной привязанности. И поэтому Мор вместо платоновской общности жен видит в совершенном государстве моногамную форму брака, но притом, что брак освобожден от влияния частной собственности и основан исключительно на индивидуальной взаимной любви. Мор живет в иное, чем Платон, время и благодаря этому оказывается способным разглядеть истинно достойную перспективу в развитии брачных отношений.

Но Мор не отвергает полностью и роль евгеники в брачных отношениях. В Утопии действует обычай: перед вступлением в брак жених в присутствии пожилой свидетельницы осматривает обнаженную невесту, а невеста в присутствии пожилого свидетеля — обнаженного жениха. Будущие супруги должны знать, нет ли у партнера каких-либо физических недостатков, чтобы с должной ответственностью принять окончательное решение вступать или не вступать в брак (Там же. С. 165—166). То есть Мор ставит евгенику на должное место, отводит ей роль, лишь подчиненную индивидуально-любовному выбору.

Кампанелла, хотя и выступил позже Мора и, по всей вероятности, знал его решение вопроса, тем не менее, не только не отказался от платоновской идеи евгеники как государственной политики, но и придал ей решающую роль в брачных отношениях утопического общества. Евгенической политикой в городе Солнца руководит, говоря на языке соляриев, Мор или, «на нашем языке», Любовь, один из трех соправителей при верховном правителе Солнце. «Ведению Любви, — уточняется в книге Кампанеллы, — подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин

и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой» (Кампанелла Т. Город Солнца... С. 36). Руководители, так сказать, на местах определяют подходящих для улучшения породы брачных партнеров и организуют их брачное соитие, соблюдая определенный ритуал и сообразуя время соития с астрологическими данными и советом врача (Там же. С. 52—53). То, что ведомство, руководящее порядком брачных отношений, возглавляет соправитель Любовь, говорит о том, что Кампанелла хотел бы невозможного: чтобы сама евгеника была любовной. Кампанелла не считает, что из совершенного государства любовь между мужчиной и женщиной должна быть изгнана вовсе. Но такая любовь, как он готов допустить, должна выражаться скорее не в вожделении, а в дружбе — радостном общении, дарении цветов, подношении стихов (Там же. С. 59). Возможно, здесь у Кампанеллы сказывается влияние куртуазного рыцарского понимания любви. Но этот идеал тем более обнажает безлюбовность евгенически организуемых брачных союзов. Надо признать, что в представлениях о браке в совершенном обществе Кампанелла, в отличие от Мора, развивает не перспективную тенденцию позиции Платона, а, напротив, усугубляет ее потенциальную ретроградность, состоящую в непонимании особой ценности для развития рода человеческого феномена индивидуальной половой любви мужчины и женщины.

Впрочем, в представлениях Кампанеллы о должном состоянии брачных отношений есть, на наш взгляд, и моменты, отвечающие потребностям гендерного и в целом общественного прогресса. Они связаны с этикой брачно-половых отношений.

И Мор, и Кампанелла считают неприемлемой с точки зрения интересов государства супружескую неверность в половых отношениях. Мор считает, что в идеальном государстве супружеская измена должна жестоко караться законом — вплоть, как мы упомянули, до отдачи виновника в рабство.

У Мора забота о соблюдении заповеди «не прелюбодействуй» мотивируется тем, что закрывать глаза на прелюбодеяние значит ослаблять семью, единством которой обеспечивается единство государства. Мы понимаем эту позицию Мора так: любовные основы семьи будут в должной мере обеспечивать прочность семьи и государства лишь при дополнении их строгой половой дисциплиной.

У Кампанеллы также измена брачному партнеру, определенному государством, «ни в коем случае не допускается» (другое дело, что в городе Солнца нет строгих наказаний, поскольку у соляриев практически нет преступлений, так что, видимо, нет и преступления измены). Мотивом для строгого недопущения внебрачных половых связей Кампанелла также считает защиту блага государства. Но у Кампанеллы, в соответствии с прокламируемой им евгенической политикой, особый акцент ставится на необходимости сохранения рода, рождения здорового потомства. Наверное, законодательное преследование адюльтера, как предлагается Мором, это чрезмерное требование, но в качестве нравственной нормы верность супружескому союзу и осуждение адюльтера очень актуальны в наше время и будут актуальны в будущем, особенно если речь идет о беспорядочных половых связях, угрожающих, как предупреждал еще Кампанелла, сохранению рода человеческого и здоровью потомства. С этой же точки зрения актуально еще резкое осуждение Т. Кампанеллой содомии, т.е. иначе гомосексуализма (Кампанелла Т. Город Солнца... С. 52). Особо актуально это осуждение в свете получившего довольно широкое признание в современной гендерной теории мнения, что борьба за легализацию гомосексуализма смыкается с борьбой за эмансипацию женщин. Признание «прав» гомосексуалистов и легализация гомосексуальных «браков» уже произошли в ряде стран Запада. Думается, что совершенно прав автор «Города Солнца», что гомосексуализм это «извращение общественного порядка», ведущее к вырождению человечества. Никакого отношения к решению проблемы женской эмансипации легализация

гомосексуализма не имеет. Ибо социальное освобождение женщин состоит в установлении равенства социальных прав и возможностей совместно мужчин и женщин, в том числе прав тех и других в сфере брачных отношений, а не отдельно прав мужчин и отдельно прав женщин, бесплодных в своей отдельности.

В предисловии у нас была возможность рассмотреть только некоторые темы коммунистических утопий Т. Мора и Т. Кампанеллы, продолжающих традицию, основанную великим Платоном. Читая «Утопию» и «Город Солнца», мы сможем вникнуть и во многие другие темы, которые в наши дни получают новое звучание, открывают новые грани поиска справедливого общества. Чтение этих произведений, тем более собранных под обложку одного тома, обязательно становится интеллектуальным приключением и большим событием.

В.В Мархинин

Томас Мор

УТОПИЯ

**Золотая Книга, столь же полезная,
как забавная, о наилучшем устройстве
государства и новом острове «Утопия»**

*Томас Мор шлет привет Петру Эгидию!*¹

Дорогой Петр Эгидий, мне, пожалуй, и стыдно посылать тебе чуть не спустя год эту книжку о государстве утопийцев², так как ты, без сомнения, ожидал ее через полтора месяца, зная, что я избавлен в этой работе от труда придумывания; с другой стороны, мне несколько не надо было размышлять над планом, а надлежало только передать тот рассказ Рафаила, который я слышал вместе с тобой. У меня не было причин и трудиться над красноречивым изложением, — речь рассказчика не могла быть изысканной, так как велась экспромтом, без приготовления; затем, как тебе известно, эта речь исходила от человека, который не столь сведущ в латинском языке, сколько в греческом, и чем больше моя передача подходила бы к его небрежной простоте, тем она должна была бы быть ближе к истине, а о ней только одной я в данной работе должен заботиться и забочусь.

Признаюсь, друг Петр, этот уже готовый материал почти совсем избавил меня от труда, ибо обдумывание материала и его планировка потребовали бы немало таланта, некоторой доли учености и известного количества вре-

¹ Петр Эгидий (1486 — 1533), гуманист, друг Томаса Мора и Эразма Роттердамского.

² Утопия (от др.-греч. *topos* — место, *u* — отрицательная частица; *utoria* — «место, которого нет») — литературный жанр и форма теоретической мысли, призванная передать черты идеального общества, которое, как предполагается, должно быть и будет некогда воплощено в жизнь. Термин «утопия» изобретен и впервые использован в сочинении Томаса Мора. С тех пор данный термин стал широкоупотребительным.

мени и усердия; а если бы понадобилось изложить предмет не только правдиво, но также и красноречиво, то для выполнения этого у меня не хватило бы никакого времени, никакого усердия. Теперь, когда исчезли заботы, из-за которых пришлось бы столько попотеть, мне оставалось только одно — просто записать слышанное, а это было уже делом совсем нетрудным; но все же для выполнения этого «совсем нетрудного дела» прочие дела мои оставляли мне обычно менее чем ничтожное количество времени. Постоянно приходится мне то возиться с судебными процессами (одни я веду, другие слушаю, третьи заканчиваю в качестве посредника, четвертые прекращаю на правах судьи), то посещать одних людей по чувству долга, других — по делам. И вот, пожертвовав вне дома другим почти весь день, я остаток его отдаю своим близким, а себе, то есть литературе, не оставляю ничего.

Действительно, по возвращении к себе надо поговорить с женою, поболтать с детьми, потолковать со слугами. Все это я считаю делами, раз это необходимо выполнить (если не хочешь быть чужим у себя в доме). Вообще надо стараться быть возможно приятным по отношению к тем, кто дан тебе в спутники жизни или по предусмотрительности природы, или по игре случая, или по твоему выбору, только не следует портить их ласковостью или по снисходительности из слуг делать господ. Среди перечеленного мною уходят дни, месяцы, годы. Когда же тут писать? А между тем я ничего не говорил о сне, равно как и обеде, который поглощает у многих не меньше времени, чем самый сон, — а он поглощает почти половину жизни. Я же выгадываю себе только то время, которое краду у сна и еды; конечно, его мало, но все же оно представляет нечто, поэтому я хоть и медленно, но все же напоследок закончил «Утопию» и переслал тебе, друг Петр, чтобы ты прочел ее и напомнил, если что ускользнуло от меня.

Правда, в этом отношении я чувствую за собой известную уверенность и хотел бы даже обладать умом и ученостью в такой же степени, в какой владею своей памятью, но все же не настолько полагаюсь на себя, чтобы думать, что я не мог ничего забыть.

Именно, мой питомец Иоанн Клемент¹, который, как тебе известно, был вместе с нами (я охотно позволяю ему присутствовать при всяком разговоре, от которого может быть для него какая-либо польза, так как ожидаю со временем прекрасных плодов от той травы, которая начала зеленеть в ходе его греческих и латинских занятий), привел меня в сильное смущение. Насколько я припоминаю, Гитлодей² рассказывал, что Амауротский мост³, который перекинут через реку Анидр⁴, имеет в длину пятьсот шагов, а мой Иоанн говорит, что надо убавить двести; ширина реки, по его словам, не превышает трехсот шагов. Прощу тебе порыться в своей памяти. Если ты одних с ним мыслей, то соглашусь и я и признаю свою ошибку. Если же ты сам не припоминаешь, то я оставляю, как написал, именно то, что, по-моему, я помню сам. Конечно, я приложу все старание к тому, чтобы в моей книге не было никакого обмана, но, с другой стороны, в сомнительных случаях я скорее скажу невольно ложь, чем допущу ее по своей воле, так как предпочитаю быть лучше честным человеком, чем благоразумным.

Впрочем, этому горю легко будет помочь, если ты об этом разузнаешь у самого Рафаила или лично, или пись-

¹ Иоанн, или Джон, Клемент вырос в доме Мора, женился на его приемной дочери.

² Гитлодей — выдуманная Т. Мором фамилия, греческое слово, первая часть означает: пустая болтовня, вздор; вторая: опытный, сведущий.

³ Амауротский мост (Амаурот) — название происходит от греческого слова: непознаваемый, темный. То есть ни такого моста, ни города Амаурот не существует.

⁴ Анидр — от греч.: река без воды, т.е. река, тоже несуществующая.

менно, а это необходимо сделать также и по другому затруднению, которое возникло у нас, не знаю, по чьей вине: по моей ли скорее, или по твоей, или по вине самого Рафаила. Именно, ни нам не пришло в голову спросить, ни ему — сказать, в какой части Нового Света расположена Утопия. Я готов был бы, разумеется, искупить это упущение изрядной суммой денег из собственных средств. Ведь мне довольно стыдно, с одной стороны, не знать, в каком море находится остров, о котором я так много распространяюсь, а с другой стороны, у нас находится несколько лиц, а в особенности одно, человек благочестивый и по специальности богослов, который горит изумительным стремлением посетить Утопию не из пустого желания или любопытства посмотреть на новое, а подбодрить и развить нашу религию, удачно там начавшуюся. Для надлежащего выполнения этого он решил предварительно принять меры к тому, чтобы его послал туда папа и даже чтобы его избрали в епископы утопийцам; его несколько не затрудняет то, что этого сана ему приходится добиваться просьбами. Он считает священным такое домогательство, которое порождено не соображениями почета или выгоды, а благочестием.

Поэтому прошу тебя, друг Петр, обратиться к Гитлодею или лично, если ты можешь это удобно сделать, или списаться заочно и принять меры к тому, чтобы в настоящем моем сочинении не было никакого обмана или не было пропущено ничего верного. И едва ли не лучше показать ему самую книгу. Ведь никто другой не может наравне с ним исправить, какие там есть, ошибки, да и сам он не в силах исполнить это, если не прочтет до конца написанного мною. Сверх того, таким путем ты можешь понять, мирится ли он с тем, что это сочинение написано мною, или принимает это неохотно. Ведь если он решил сам описать свои странствия, то, вероятно, не захотел бы, чтобы это

сделал я: во всяком случае, я не желал бы своей публикацией о государстве утопийцев предвосхитить у его истории цвет и прелесть новизны.

Впрочем, говоря по правде, я и сам еще не решил вполне, буду ли я вообще издавать книгу. Вкусы людей весьма разнообразны, характеры капризны, природа их в высшей степени неблагодарна, суждения доходят до полной нелепости. Поэтому несколько счастливее, по видимому, чувствуют себя те, кто приятно и весело живет в свое удовольствие, чем те, кто терзает себя заботами об издании чего-нибудь, могущего одним принести пользу или удовольствие, тогда как у других вызовет отвращение или неблагодарность. Огромное большинство не знает литературы, многие презирают ее. Невежда отбрасывает как грубость все то, что не вполне невежественно; полужайки отвергают как пошлость все то, что не изобилует стародавними словами; некоторым нравится только ветость, большинству — только свое собственное. Один настолько угрюм, что не допускает шуток; другой настолько неостроумен, что не переносит остроумия; некоторые настолько лишены насмешливости, что боятся всякого намека на нее, как укушенный бешеной собакой страшится воды; иные до такой степени непостоянны, что сидя одобряют одно, а стоя — другое. Одни сидят в трактирах и судят о талантах писателей за стаканами вина, порицая с большим авторитетом все, что им угодно, и продергивая каждого за его писание, как за волосы, а сами меж тем находятся в безопасности и, как говорится в греческой поговорке, вне обстрела. Эти молодцы настолько гладки и выбриты со всех сторон, что у них нет и волоска, за который можно было бы ухватиться. Кроме того, есть люди настолько неблагодарные, что и после сильного наслаждения литературным произведением они все же не питают никакой особой любви к ав-

тору. Они вполне напоминают этим тех невежливых гостей, которые, получив в изобилии богатый обед, наконец, сытые уходят домой, не принеся никакой благодарности пригласившему их. Вот и затевай теперь на свой счет пиршество для людей столь нежного вкуса, столь разнообразных настроений и, кроме того, для столь памятливых и благодарных.

А все же, друг Петр, ты устрой с Гитлодеем то, о чем я говорил. После, однако, у меня будет полная свобода принять по этому поводу новое решение. Впрочем, покончив с трудом писания, я, по пословице, поздно хватился за ум; поэтому, если это согласуется с желанием Гитлодея, я в дальнейшем последую касательно издания совету друзей и, прежде всего, твоему.

Прощайте, милейший Петр Эгидий и твоя прекрасная супруга, люби меня по-прежнему, я же люблю тебя еще больше прежнего.

ПЕРВАЯ КНИГА

Беседа, которую вел выдающийся муж Рафаил Гитлодей, о наилучшем состоянии государства, в передаче знаменитого мужа Томаса Мора, гражданина и виконта славного британского города Лондона

У непобедимейшего короля Англии Генриха, восьмого с этим именем, щедро украшенного всеми качествами выдающегося государя, были недавно немаловажные спорные дела¹ с пресветлейшим государем Кастилии Карлом.

Для обсуждения и улаживания их он отправил меня послом во Фландрию в качестве спутника и товарища не-

¹ В 1515 г. Т. Мор по поручению английских купцов улаживал конфликт по поводу ввоза английской шерсти в Нидерланды.

сравненного мужа Кутберта Тунсталла¹, которого недавно, к всеобщей радости, король назначил начальником архивов. В похвалу ему я не скажу ничего, но не из боязни, что дружба с ним не будет верной свидетельницей моей искренности, а потому, что его доблесть и ученость стоят выше всякой моей оценки; затем повсеместная слава и известность его настолько исключают необходимость хвалить его, что, поступая так, я, по пословице, стал бы освещать солнце лампой.

Согласно предварительному условию, в Бругге встретились с нами представители государя, все выдающиеся мужи. Среди них первенствовал и был главою губернатор Бругге, а устами и сердцем посольства был Георгий Темзиций², настоятель собора в Касселе, красноречивый не только в силу искусства, но и от природы. К тому же он был превосходным знатоком права и выдающимся мастером в ведении переговоров благодаря своему уму, равно как и постоянному опыту. После нескольких встреч мы не пришли к полному согласию по некоторым пунктам, и потому они, простившись с нами, поехали на несколько дней в Брюссель, чтобы узнать волю их государя. А я на это время, по требованию обстоятельств, отправился в Антверпен.

Во время пребывания там наиболее приятным из всех моих посетителей был Петр Эгидий, уроженец Антверпена, человек, пользующийся среди сограждан большим доверием и почетом и достойный еще большего. Неизвестно, что стоит выше в этом юноше — его ученость или нравственность, так как он и прекрасный человек, и высокообразованный. К тому же он мил со всеми, а к друзьям особенно благожелателен, любит их, верен им, относится к

¹ Кутберт Тунсталл (1474 — 1559) — занимал ряд высоких должностей в государстве и в церкви; друг Эразма Роттердамского и Т. Мора.

² Георгий Темзиций — малоизвестен; может быть, Georg Temsecke, бельгийский сановник и писатель (ум. в 1536 г.).

ним так сердечно, что вряд ли найдешь где другого человека, которого можно было бы сравнить с ним в отношении дружбы. Он на редкость скромн, более всех других ему чужда напыщенность; ни в ком простодушие не связано в такой мере с благоразумием. Речь его весьма изящна и безобидно остроумна. Поэтому приятнейшее общение с ним и его в высокой степени сладостная беседа в значительной мере облегчили мне тоску по родине и домашнему очагу, по жене и детям, к свиданию с которыми я стремился с большой тревогой, так как тогда уже более четырех месяцев отсутствовал из дому.

Однажды я был на богослужении в храме девы Марии, который является и красивейшим зданием, и всегда переполнен народом. По окончании обедни я собирался вернуться в гостиницу, как вдруг случайно вижу Петра говорящим с иностранцем, близким по летам к старости, с опаленным от зноя лицом, отпущенной бородой, с плащом, небрежно свесившимся с плеча; по наружности и одежде он показался мне моряком. Заметив меня, Петр тотчас подходит и здоровается. Я хотел ответить ему, но он отводит меня несколько в сторону и спрашивает:

— Видишь ты этого человека? — Одновременно он показывает на того, кого я видел говорившим с ним.

— Я собирался, — добавил он, — прямо отсюда вести его к тебе.

— Его приход был бы мне очень приятен, — ответил я, — ради тебя.

— Нет, — возразил Петр, — ради тебя, если бы ты знал этого человека. Нет ведь теперь никого на свете, кто мог бы рассказать столько историй о неведомых людях и землях, а я знаю, что ты большой охотник послушать это.

— Значит, — говорю, — я сделал неплохую догадку. Именно, сразу, с первого взгляда, я заметил, что это — моряк.

— И все-таки, — возразил Петр, — ты был очень далек от истины. Правда, он плавал по морю, но не как Палинур¹, а как Улисс-Одиссей, вернее — как Платон². Ведь этот Рафаил — таково его имя, а фамилия Гитлодей — не лишен знания латыни, а греческий он знает превосходно. Он потому усерднее занимался этим языком, чем римским, что всецело посвятил себя философии, а в области этой науки, как он узнал, по латыни не существует ничего сколько-нибудь важного, кроме некоторых сочинений Сенеки и Цицерона. Оставив братьям имущество, которое было у него на родине (он португалец), он из желания посмотреть на мир примкнул к Америго Веспуччи и был постоянным его спутником в трех последующих путешествиях из тех четырех, про которые читают уже повсюду, но при последнем не вернулся с ним. Ибо Рафаил приложил все старание и добился у Веспуччи быть в числе тех двадцати четырех, кто был оставлен в крепости у границ последнего плавания. Таким образом, он был оставлен в угоду своему характеру, более склонному к странствиям по чужбине, чем к пышным мавзолеям на родине. Он ведь постоянно повторяет следующие изречения: «Небеса не имеющих урны укроют»³ и: «Дорога к всевышним отовсюду одинакова»⁴. Не будь божество благосклонно к нему, такие мысли его обошлись бы ему очень дорого.

В дальнейшем, после разлуки с Веспуччи, он с пятью своими товарищами по крепости объездил много стран, и напоследок удивительная случайность занесла его на Та-

¹ Палинур — кормчий кораблей троянского царевича Энея (по «Энеиде» Вергилия).

² Платон — греческий философ (428 или 427 — 348 или 347 гг. до н. а.). В своей «Утопии» Т. Мор продолжает традицию коммунистической утопии (идеального государства, справедливого общества) Платона.

³ Стих римского поэта Лукана (I в. н. э.).

⁴ Похожее высказывание приписывается греческому философу Анаксагору (V в. до н. э.).

пробану¹; оттуда прибыл он в Каликвит², где нашел, кстати, корабли португальцев и в конце концов неожиданно вернулся на родину.

После этого рассказа Петра я поблагодарил его за услужливость, именно — за усиленную заботу о том, чтобы мне насладиться беседой с тем лицом, разговор с которым, как он надеялся, будет мне приятен. Затем я поворачиваюсь к Рафаилу. Тут после взаимных приветствий и обмена теми общепринятыми фразами, которые обычно говорятся при первой встрече лиц незнакомых, мы идем ко мне домой и здесь в саду, усевшись на скамейке, покрытой зеленым дерном, начинаем разговор.

Рафаил рассказал нам, как после отъезда Веспуччи он сам и его товарищи, оставшиеся в крепости, начали мало-помалу, путем встреч и ласкового обхождения, приобретать себе расположение жителей той страны. В результате они не только жили среди них в безопасности, но чувствовали себя с ними по-приятельски; затем они вошли в милость и расположение к одному государю (имя его и название его страны выпали у меня из памяти). Благодаря его щедрости, продолжал Рафаил, как сам он, так и его товарищи получили в изобилии продовольствие и денежные средства, а вместе с тем и вполне надежного проводника. Он должен был доставить их — по воде на плотах, по суше на повозках — к другим государям, к которым они ехали с дружескими рекомендациями. После многодневного пути Рафаил, по его словам, нашел малые и большие города и густонаселенные государства с отнюдь не плохим устройством.

Действительно, под экваториальной линией, затем с обеих сторон вверх и вниз от нее, почти на всем про-

¹ Тапробана — остров к юго-востоку от Индостана.

² Каликвит — Каликут, город на юго-западном побережье Индии.

странстве, которое охватывает течение солнца, лежат обширные пустыни, высохшие от постоянного жара; в них повсюду нечистота, грязь, предметы имеют скорбный облик, все сурово и не возделано, заселено зверями и змеями или, наконец, людьми, не менее дикими, чем чудовища, и не менее вредными. Но по мере дальнейшего продвижения все мало-помалу смягчается: климат становится менее суровым, почва — привлекательной от зелени, природа живых существ — более мягкой. Наконец открываются народы, города, большие и малые; в их среде постоянные торговые сношения по суше и по морю не только между ними и соседями, но даже и с племенами, живущими в отдалении.

По словам Рафаила, он имел возможность осмотреть многие страны во всех направлениях потому, что он и его товарищи весьма охотно допускались на всякий корабль, снаряжавшийся для любого плавания. Он рассказывал, что корабли, виденные им в первых странах, имели киль плоский, паруса на них натягивались из сшитых листьев папируса или из прутьев, в иных местах — из кож. Далее находили они кили заостренные, паруса пеньковые, наконец — во всем похожие на наши. Моряки оказались достаточно сведущими в знании моря и погоды.

Но, как он рассказывал, он приобрел у них огромное влияние, сообщив им употребление магнитной иглы, с которой они раньше были совершенно незнакомы и потому с робостью привыкали к морской пучине, доверяясь ей без колебаний не в иную пору, как только летом. Ныне же, крепко уповая на эту иглу, они презирают зиму. Результатом этого явилась скорее их беззаботность, чем безопасность; поэтому можно опасаться, как бы та вещь, которая, по их мнению, должна была принести им большую пользу, не явилась, в силу их неблагоприятия, причиной больших бедствий.

Слишком долго было бы излагать его рассказы о том, что он видел в каждой стране, да это и не входит в план настоящего сочинения и, может быть, будет передано нами в другом месте. Особенно полезным будет, конечно, прежде всего знакомство с теми правильными и мудрыми мероприятиями, которые он замечал где-либо у народов, живущих в гражданском благоустройстве. Об этом и мы расспрашивали его с большою жадностью, и он распространялся охотнее всего. Между тем мы оставили в стороне всякие вопросы о чудовищах, так как это представляется отнюдь не новым. Действительно, на хищных Сцилл¹, и Целен², и пожирающих народы Лестригонов³ и тому подобных бесчеловечных чудовищ можно наткнуться почти всюду, а граждан, воспитанных в здравых и разумных правилах, нельзя найти где угодно.

И вот, отметив у этих новых народов много превратных законов, Рафаил, с другой стороны, перечислил немало и таких, из которых можно взять примеры для исправления заблуждений наших городов, народов, племен и царств; об этом, как я сказал, я обещаюсь упомянуть в другом месте. Теперь я имею в виду только привести его рассказ об обычаях и учреждениях утопийцев, но предварительно все же передам тот разговор, который послужил как бы путеводной нитью к упоминанию этого государства.

Именно Рафаил стал весьма умно перечислять сперва ошибки наши и тех народов, во всяком случае, очень многочисленные с обеих сторон, а затем мудрые и благоразумные распоряжения у нас, равно как и у них. При этом он

¹ Сцилла и Харибда — морские чудища из древнегреческой мифологии. Одиссей, герой одноименной эпической поэмы Гомера, проходя на корабле тесным проливом между Сциллой и Харибдой потерял шесть товарищей — их сожрала Сцилла.

² Целено — в греческой мифологии одна из гарпий, чудище с лицом девушки, телом коршуна и огромными когтями.

³ Лестригоны — в греческой мифологии народ великанов-людоедов.

излагал обычаи и учреждения каждого народа так, что казалось, будто, попадая в какое-либо место, он прожил там всю жизнь.

Тогда Петр в восхищении воскликнул:

— Друг Рафаил, почему ты не пристроишься при каком-либо государе? Я убежден, что ты вполне угодишь каждому из них, так как в силу такой своей учености и такого знания мест и людей ты способен не только позабавить, но привести поучительный пример и помочь советом. Вместе с тем таким способом ты сможешь отлично устроить и собственные дела, оказать большую помощь преуспеянию всех твоих близких.

— Что касается моих близких, — возразил Рафаил, — то я не очень волнуюсь из-за них. Я считаю, что посильно выполнил лежавший на мне долг по отношению к ним. Именно, будучи не только вполне здоровым и бодрым, но и молодым человеком, я распределил между родственниками и друзьями свое имущество. А обычно другие отступаются от него только под старость и при болезни, да и тогда даже отступаются с трудом, будучи не в силах более удержать его. Думаю, что мои близкие должны быть довольны этой моей милостью и не будут требовать и ждать того, чтобы ради них я пошел служить царям.

— Не выражайся резко! — заметил Петр. — Я имел в виду не служить царям, а услужить им.

— Но это, — ответил Рафаил, — только один лишний слог по сравнению с служить.

— А я, — возразил Петр, — думаю так: как бы ты ни называл это занятие, именно оно является средством, которым ты можешь принести пользу не только тесному кругу лиц, но и обществу, а также улучшить свое собственное положение.

— Улучшится ли оно, — спросил Рафаил, — тем путем, который мне не по сердцу? Ведь теперь я живу так, как

хочу, а я почти уверен, что это — удел немногих порфириносцев! Разве мало таких лиц, которые сами ищут дружбы с владыками, и разве, по-твоему, получится большой урон, если они обойдутся без меня или без кого-либо мне подобного?

Тогда вступаю в беседу я:

— Друг Рафаил, ты, очевидно, не стремишься ни к богатству, ни к могуществу, и, разумеется, человека с таким образом мыслей я уважаю и почитаю не менее, чем и каждого из тех, кто обладает наивысшим могуществом. Но, как мне кажется, ты поступишь с полным достоинством для себя и для твоего столь возвышенного и истинно философского ума, если постараться даже с известным личным ущербом отдать свой талант и усердие на служение обществу; а этого ты никогда не можешь осуществить с такой пользой, как если ты станешь советником какого-либо великого государя и, в чем я уверен, начнешь внушать ему надлежащие честные мысли. Не надо забывать, что государь, подобно неиссякаемому источнику, изливает на весь народ поток всего хорошего и дурного. Ты же всегда, даже без большой житейской практики, явишься превосходным советником для всякого из королей благодаря твоей совершенной учености и даже без всякой учености благодаря твоей многосторонней опытности.

— Друг Мор, — ответил Рафаил, — ты дважды ошибаешься: во-первых, в отношении меня, во-вторых, по сути дела. У меня нет тех способностей, которые ты мне приписываешь, а если бы они и были, то, жертвуя для дела своим бездействием, я не принес бы никакой пользы государству. Прежде всего все короли в большинстве случаев охотнее отдают свое время только военным наукам (а у меня в них нет опытности, да я и не желаю этого), чем благим деяниям мира; затем государи с гораздо большим удовольствием, гораздо больше заботятся о том, как бы за-

конными и незаконными путями приобрести себе новые царства, нежели о том, как надлежаще управлять приобретенным. Кроме того, из всех советников королей нет никого, кто действительно настолько умен, чтобы не нуждаться в советах другого, однако каждый представляется самому себе настолько умным, что не желает одобрять чужое мнение. Впрочем, есть исключение: советники льстиво и низкопоклонно потворствуют каждому нелепому мнению лиц, пользующихся у государя наибольшим влиянием, желая подобной лестью расположить их к себе. И, во всяком случае, природой так устроено, что каждому нравятся его произведения. Так и ворону мил его выводок, и обезьяне люб ее детеныш.

Поэтому, если в кругу подобных лиц, завидующих чужим мнениям и предпочитающих собственные, кто-нибудь приведет факт, вычитанный им из истории прошлого или замеченный в других странах, то слушатели относятся к этому так, как будто вся репутация их мудрости подвергается опасности и после этого замечания их сочтут круглыми дураками, если они не сумеют придумать чего-нибудь такого, чем можно опорочить чужую выдумку. Если других средств нет, то они прибегают к следующему: это, говорят они, нравилось нашим предкам, а мы желали бы равняться с ними в мудрости. И на этом они успокаиваются, считая, что подобным замечанием прекрасно себя защитили. Как будто великая опасность получится от того, если кто в каком-либо деле окажется умнее своих предков. А между тем всему, что ими удачно установлено, мы с полным спокойствием предоставляем существовать. Но если по какому-либо поводу можно придумать нечто более благоразумное, то мы тотчас страстно хватаемся за этот довод и цепко держимся установленного ранее. С подобными высокомерными, нелепыми и капризными суждениями я встречался неоднократно в других местах, а особенно однажды столкнулся с ними в Англии.

— Скажи, пожалуйста, — спрашиваю я, — так ты был в нашей стране?

— Да, — ответил он, — и провел там несколько месяцев после поражения западных англичан в гражданской войне против короля, которая была подавлена безжалостным их избиением. В это время я многим обязан был досточтимому отцу Иоанну Нортону¹, архиепископу Кентерберийскому и кардиналу, а тогда также и канцлеру Англии. Этот муж, друг Петр (я обращаюсь к тебе, так как Мор знает, что я имею в виду сказать), внушал уважение столько же своим авторитетом, как благоразумием и добродетелью. Стан у него был средний, но не согбенный от возраста, хотя и преклонного. Лицо внушало почтение, а не страх. В обхождении он был не тяжел, но серьезен и важен. У него появлялось иногда желание слишком сурового обращения с просителями, впрочем без вреда для них; он хотел этим испытать, какую находчивостью, каким присутствием духа обладает каждый. В смелости их, но отнюдь не связанной с нахальством, он находил большое удовольствие, так как это качество было сродни и ему самому, и он признавал такого человека пригодным для служебной деятельности. Речь его была гладкая и проникновенная. Он обладал превосходным знанием права, несравненным остроумием, на редкость дивной памятью. Эти выдающиеся природные качества он развил учением и упражнением.

Король вполне полагался на его советы; в мою бытность там находило в них опору и государство. С ранней юности, прямо со школьной скамейки, попал он ко двору, провел всю жизнь среди важных дел и, постоянно подвергаясь превратностям судьбы, среди многих и великих

¹ Иоанн Нортон (1420 — 1500) — государственный деятель, игравший важную роль в политической жизни Англии; человек, авторитетный для Т. Мора, который в молодости был вхож в его дом.

опасностей приобрел большой государственный опыт, который, будучи получен таким образом, нескоро исчезает.

По счастливой случайности я присутствовал однажды за его столом; тут же был один мирянин, знаток ваших законов. Не знаю, по какому поводу он нашел удобный случай для обстоятельной похвалы тому суровому правосудию, которое применялось в то время по отношению к вора́м; их, как он рассказывал, вешали иногда по двадцати на одной виселице. Тем более удивительным, по его словам, выходило то, что, хотя незначительное меньшинство ускользало от казни, в силу какого-то злого рока, многие все же повсюду занимались разбоями. Тогда я, рискнув говорить свободно в присутствии кардинала, заявил:

«Ничего тут нет удивительного. Такое наказание воров заходит за границы справедливости и вредно для блага государства. Действительно, простая кража не такой огромный проступок, чтобы за него рубить голову, а с другой стороны, ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удерживать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание. В этом отношении вы, как и значительная часть людей на свете, по-видимому, подражаете плохим педагогам, которые охотнее бьют учеников, чем их учат. В самом деле, вору назначают тяжкие и жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать».

«В этом отношении, — отвечал тот, — приняты достаточные меры, существуют ремесла, существует земледелие: ими можно поддержать жизнь, если люди сами не предпочтут быть дурными».

«Нет, так тебе не вывернуться, — отвечаю я. — Оставим, прежде всего, тех, кто часто возвращается домой калеками с войн внешних или гражданских, как недавно у

вас после битвы при Корнуэлле и немного ранее — после войн с Францией. После потери членов тела ради государства и ради короля убожество не позволяет им вернуться к прежним занятиям, а возраст — изучить новые. Но, повторяю, оставим это, так как войны происходят через известные промежутки времени. Обратимся к тому, что бывает всякий день.

Во-первых, существует огромное число знати: она, подобно трутням, живет праздно, трудами других, именно — арендаторов своих поместий, которых для увеличения доходов стрижет до живого мяса. Только такая скупость и знакома этим людям, в общем расточительным до нищеты. Мало того, эти аристократы окружают себя также огромной толпой телохранителей, которые не учились никогда никакому способу снискивать пропитание. Но стоит господину умереть или этим слугам заболеть, как их тотчас выбрасывают вон. Хозяева охотнее содержат праздных, чем больных, и часто наследник умершего не в силах содержать отцовскую челядь. И вот они усиленно голодают, если не начинают усиленно разбойничать. Действительно, что им делать? Когда в скитаниях они поизносят несколько платьев и поизносятся сами, то подкошенных болезнью и покрытых лохмотьями не соблаговолит принять благородные и не посмеют крестьяне. Эти последние прекрасно знают, что человек, деликатно воспитанный среди праздности и наслаждений, со шпагой на боку и со щитом в руке, привык только хвастливо бросать гордые взгляды на соседей и презирать всех по сравнению с собою, а отнюдь не пригоден для того, чтобы с заступом и мотыгой за скудное вознаграждение и скромный стол верно служить бедняку».

На это мой собеседник возразил:

«А нам, однако, надо особенно поддерживать людей этого рода; в них ведь, как в людях более возвышенного и

благородного настроения, заключается, в случае если дело дойдет до войны, главная сила и крепость войска».

«Отлично, — отвечаю я, — с таким же основанием ты мог бы сказать, что ради войны надо поддерживать и воров, от которых, несомненно, вы никогда не избавитесь, пока у вас будут эти дворовые. Почему, с одной стороны, разбойникам не быть вполне расторопными солдатами, а с другой, солдатам — самыми отъявленными трусами из разбойников, — до такой степени эти два занятия прекрасно подходят друг к другу. Впрочем, этот порок, несмотря на свою распространенность у вас, не составляет, однако, вашей отличительной особенности: он общий у всех почти народов. Так, что касается Франции, то ее сверх этого разоряет другая язва, еще более губительная: вся страна даже и во время мира (если это можно назвать миром) наполнена и осаждена наемными солдатами, призванными в силу того же убеждения, в силу которого вы признали нужным держать здесь праздных слуг. Именно, эти умные дураки решили, что благо государства заключается в том, что оно должно иметь всегда наготове сильный и крепкий гарнизон, состоящий главным образом из ветеранов: эти политики отнюдь не доверяют новобранцам. Поэтому им приходится искать войны даже и для того, чтобы дать опыт солдатам и вообще иметь людей для резни; иначе, по остроумному замечанию Саллюстия¹, руки и дух заоченеют в бездействии.

Франция познала собственным бедствием, насколько губительно содержать чудовищ такого рода, а с другой стороны, то же доказывают примеры римлян, карфагенян, сирийцев и вообще многих народов. Постоянные войска всех этих народов уничтожили по разным поводам не только их владычество, но поля и даже самые го-

¹ Гай Саллюстий Крисп (86—34 гг. до н. э.) — римский историк. Цитата из его сочинения «О заговоре Катилины».

рода. В какой степени, однако, это не вызывается необходимостью, видно хотя бы из следующего: даже и французские солдаты, вполне от молодых ногтей закаленные в боях, при столкновении с вашими призывными не могут слишком часто похвастаться победами. Впрочем, я не буду дальше распространяться об этом в вашем присутствии, чтобы не оказаться льстецом. Но нельзя думать, чтобы и у вас *праздные телохранители аристократов внушали больший страх вашим городским ремесленникам или простым и грубым земледельцам*, кроме разве как тем из них, кто по своему телосложению не отличается особой физической силой и отвагой или чья бодрость надломлена имущественными недостатками. Поэтому нет никакого основания опасаться, что эти сильные и крепкие физические люди (ведь только отборные устаиваются развращенного внимания аристократии), теперь слабеющие в праздности или в занятиях чуть ли не женских, станут недостаточно мужественны, если получают подготовку для жизни в полезных ремеслах и мужских трудах. Во всяком случае, мне отнюдь не представляется полезным для государства содержать на случай войны, которой у вас никогда не будет без вашего желанья, беспредельную толпу людей такого рода; они вредят миру, о котором, во всяком случае, надо заботиться гораздо больше, чем о войне.

Впрочем, это не единственная причина для воровства. Есть другая, насколько я полагаю, более присущая специально вам».

«Какая же это?» — спросил кардинал.

«Ваши овцы, — отвечаю я, — обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей¹, разоряют и опустошают поля, дома и города. Имен-

¹ Со времен Мора высказывание о людоедской прожорливости английских овец стало крылатым выражением. Это знаменитое высказывание Мора использует и К. Маркс, описывая и анализируя в первом

но, во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и потому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты, люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастают от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а, пожалуй, даже и вредит ему. Так вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают города, делают из храмов свинные стойла. Эти милые люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли, как будто и без того у вас мало ее теряется под загонами для дичи и зверинцами.

Таким образом, с тех пор¹ как всего один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров, он выбрасывает вон арендаторов, лишает их — или опутанных обманом, или подавленных насилием — даже их собственного достояния или, замучив обидами, вынуждает к продаже его. Во всяком случае, происходит переселение несчастных: мужчин, женщин, мужей, жен, сирот, вдов, родителей с малыми детьми и более многочисленными, чем богатыми, домочадцами, так как хлебопашество требует много рук. Они переселяются, повторяю, с привычных и насиженных мест и не знают, куда деться; всю утварь, стоящую недорого, даже если бы она могла дожидаться покупателя, они продают за бесценок при необходимости

томе «Капитала» процесс первоначального накопления капитала. Маркс пишет: «В своей «Утопии» Томас Мор говорит об удивительной стране, где «овцы пожирают людей» <...>», см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. М.: Госуд. из-во полит. лит-ры, 1960. Т. 23. С. 731, прим. 193.

¹ После этих слов текст Т. Мора до конца абзаца в несколько иной редакции цитируется К. Марксом в Капитале, см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. М.: Госуд. из-во полит. лит-ры, 1960. Т. 23. С. 746, прим. 221 а.

сбыть ее. А когда они в своих странствиях быстро потратят это, то что им остается другое, как не воровать и попадать на виселицу по заслугам или скитаться и нищенствовать? Впрочем, и тут, как бродяги, они попадают в тюрьму за свое праздное хождение, — никто ведь не нанимает их труд, хотя они самым пламенным образом предлагают его. А хлебопашеству, к которому они привыкли, нечего делать там, где ничего не сеют. Ведь достаточно одного овчара или пастуха вообще, чтобы пустить под пастбище ту землю, для надлежащей обработки которой под посев требовалось много рук.

От этого также сильно поднялась во многих местах цена на хлеб. Мало того, и сама шерсть возросла в цене настолько, что покупать ее стало совершенно не под силу более бедным людям, занимавшимся приготовлением из нее одежды, и потому большинство из них от дела должно переходить к праздности. Дело в том, что после умножения пастбищ бесчисленное количество овец погибло от чумы, как будто этот мор, посланный на овец, был отмщением свыше за алчность их владельцев, хотя справедливее было бы обратить эту гибель на собственные головы владельцев. Но если даже количество овец сильно возрастет, то цена на шерсть все же несколько не спадет, потому что если продажу ее нельзя назвать монополией, так как этим занято не одно лицо, то, во всяком случае, это — олигополия¹. Ведь это дело попало в руки немногих и притом богатых людей, которых никакая необходимость не вынуждает продавать раньше, чем это им заблагорассудится, а заблагорассудится им не раньше, чем станет возможным продать, за сколько им заблагорассудится. Та же причина вызывает одинако-

¹ Олигополия — от др-греч. *ολίγος*, малочисленный, и *πωλέω* — (продаю, торгую) — тип рынка, на котором правом на торговлю обладает крайне малое количество торговцев; слово *олигополия* образовано по тому же принципу, что и слово *монополия*.

вую дороговизну и прочих пород скота, и даже в тем большей степени, что с разрушением поместий и сокращением хлебопашества нет лиц, которые бы заботились о приплоде. Упомянутые богачи не выращивают ни ягнят, ни телят, но, купив их в других местах за дешевую цену, они откармливают их на своих пастбищах и перепродают дорого. Позволяю себе думать, что все неудобство такого положения дел еще не ощущается. Именно, до сих пор эти лица создают дороговизну скота только там, где продают его. Но когда они будут вывозить его с места покупки несколько быстрее, чем он может рождаться, то и там также запас его будет мало-помалу уменьшаться, и здесь по необходимости недостаток его будет очень ощутителен.

Таким образом, ненасытная алчность немногих лиц обратила в гибель вашему острову то самое, от чего он казался особенно счастливым. Эта дороговизна хлеба служит причиною того, что каждый отпускает от себя возможно большее количество челядинцев, но, спрашивается, на что, как не на нищету или — к чему можно легче склонить благородные натуры — на разбой?

Далее, к этой жалкой нищете и скудости присоединяется неуместная роскошь. Именно, и у слуг знати, и у ремесленников, и почти что у самих крестьян, одним словом, у всех сословий заметно много чрезмерной пышности в одежде, излишняя роскошь в еде. Разве не посылают прямо на разбой своих поклонников, после предварительного быстрого опустошения их кошельков, все эти харчевни, притоны, публичные дома и еще раз публичные дома в виде винных и пивных лавок, наконец, столько бесчестных игр — кости, карты, стопка¹, большие и малые мячи, диск?

Уничтожьте эти губительные язвы, постановите, чтобы разрушители ферм и деревень или восстановили их,

¹ Стопка — может быть, игра в кости, которые бросают из маленького стакана, стопки.

или уступили желающим восстановить и строить. Обуздайте скупки, производимые богачами, их своеволие, переходящее как бы в их монополию. Кормите меньше дармоедов. Верните земледелие, возобновите обработку шерсти, да станет она почетным делом! Пусть с пользой занимается им эта праздная толпа: те, кого до сих пор бедность сделала ворами, или те, кто является теперь бродягами либо праздными слугами, — то есть в обоих случаях будущие вору. Если вы не уврачуете этих бедствий, то напрасно станете хвастаться вашим испытанным в наказаниях воровства правосудием, скорее с виду внушительным, чем справедливым и полезным. В самом деле, вы даете людям негодное воспитание, портите мало-помалу с юных лет их нравственность, а признаете их достойными наказания только тогда, когда они, придя в зрелый возраст, совершат позорные деяния; но этого можно было постоянно ожидать от них, начиная с детства. Разве, поступая так, вы делаете что-нибудь другое, кроме того, что создаете воров и одновременно их караете?»

Во время этой моей речи упомянутый правовед сосредоточенно приготовился к возражению. Он решился прибегнуть к тому обычному способу рассуждения, когда с большим старанием повторяют доводы противника, чем отвечают на них; такие возражатели вменяют себе в заслугу прежде всего свою хорошую память.

«Ты, конечно, — начал он, — сказал красиво; но легко догадаться, что ты иностранец, который мог скорее кое-что слышать об этих делах, чем иметь о них какие-либо точные сведения; это я и выявлю в немногих словах. Именно, прежде всего я перечислю по порядку твои доводы; затем покажу, в каких пунктах ты ошибся в силу незнания наших обстоятельств; наконец, разобью и опровергну все твои положения. Так вот, начиная, согласно обещанию, с первого, ты, как мне показалось, в четырех пунктах...»

«Молчи, — перебил кардинал, — раз ты начинаешь так, то собираешься отвечать не в немногих словах. Поэтому мы освободим тебя в настоящее время от этого тягостного ответа. Но сохраним за тобою такую задачу целиком во второй вашей встрече; ее мне желательно было бы устроить завтра, если ничто не помешает ни тебе, ни Рафаилу. А пока, друг Рафаил, я очень охотно услышал бы от тебя, почему ты не признаешь нужным карать воровство высшей мерой наказания и какую кару за него, более полезную для общества, назначаешь ты сам; ведь и ты также не признаешь воровство терпимым. А если теперь люди рвутся воровать, несмотря на смерть, то, раз устранен будет страх ее, какая сила, какой страх может отпугнуть злодеев: смягчение наказания они, пожалуй, истолкуют как поощрение и приглашение к злодеянию?»

«Во всяком случае, всемилостивейший владыка, — отвечаю я, — по моему мнению, совершенно несправедливо отнимать жизнь у человека за отнятие денег. Я считаю, что человеческую жизнь по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира. А если мне говорят, что это наказание есть возмездие не за деньги, а за попрание справедливости, за нарушение законов, то почему тогда не назвать с полным основанием это высшее право высшею несправедливостью? Действительно, нельзя одобрить, с одной стороны, достойные Манлия¹ законы, повелевающие обнажать меч за малейшее нарушение дисциплины; с другой стороны, порицания заслуживают и стоические положения, признающие все прегрешения до такой степени равными, что, по их мнению, нет никакой разницы между убийством человека и кражей у него гроша; а на

¹ Луций Манлий Торкват — римский полководец (ум. в 47 г. до н. э.), известный, в частности, приказом казнить своего сына за нарушение воинской дисциплины, а именно — за вступление в битву вопреки строгому запрету отца.

самом деле между этими преступлениями, рассматривая их сколько-нибудь беспристрастно, нет никакого сходства и родства. Бог запретил убивать кого бы то ни было, а мы так легко убиваем за отнятие ничтожной суммы денег. Если же кто-нибудь стал бы толковать это так, что данное повеление божие запрещает убийство во всех случаях, кроме тех, когда оно допускается человеческими законами, то что же мешает людям точно таким же образом согласиться между собой о допустимости разврата, прелюбодеяния и клятвопреступления? Бог отнял право лишать жизни не только другого, но и себя самого; так неужели соглашение людей об убийстве друг друга, принятое при определенных судебных условиях, должно иметь такую силу, чтобы освобождать от применения этой заповеди сто исполнителей, которые без всякого указания божия уничтожают тех, кого велел им убить людской приговор? Не будет ли в силу этого данная заповедь божия правомочной только постольку, поскольку допустит ее право человеческое? В результате люди таким же образом могут принять общее постановление о том, в какой мере следует вообще исполнять повеления божий. Наконец, и закон Моисеев¹, несмотря на все его немилосердие и суровость (он дан был против рабов, и притом упрямых), все же карал за кражу денежным штрафом, а не смертью. Не будем же думать, что в новом законе милосердия², где бог повелевает, как отец детям, он предоставил нам больший произвол свирепствовать друг против друга.

Вот причины, по которым я высказываюсь против казни. А насколько нелепо и даже губительно для государства карать одинаково вора и убийцу, это, думаю, известно всякому. Именно, если разбойник видит, что при осуждении только за кражу ему грозит не меньшая опасность, как за

¹ Закон Моисеев — Библия, Исход, XXII, 1-9.

² Речь идет о Новом Завете, собственно христианской части Библии.

уличение еще и в убийстве, то этот один расчет побуждает его к убийству того, кого при других обстоятельствах он собирался только ограбить. Действительно, в случае поимки опасность для него нисколько не увеличивается, а при убийстве она даже уменьшается, так как с уничтожением доказчика преступления можно иметь большую надежду скрыться. Поэтому, стремясь чересчур сильно устрасить воров, мы подстрекаем их к уничтожению хороших людей.

Что же касается обычного дальнейшего вопроса, какое наказание может быть более подходящим, то ответить на это, по моему мнению, несколько легче, чем на то, какое наказание может быть еще хуже. Зачем нам сомневаться в пользе того способа кары за злодеяния, который, как мы знаем, был так долго в ходу у римлян, весьма опытных в управлении государством? Именно уличенных в крупных злодеяниях они присуждали к каменоломням и рудникам, держа их, кроме того, постоянно в кандалах.

Впрочем, в этом отношении я ни у одного народа не нахожу лучшего порядка, чем тот, какой я наблюдал и заметил, путешествуя по Персии, у так называемых полилеритов¹; это — народ не маленький и вполне разумно организованный. За исключением дани, платимой им ежегодно персидскому царю, он в остальных отношениях свободен и управляется по своим законам. Живя далеко от моря и будучи почти со всех сторон окружены горами, они довольствуются плодами своей земли, отнюдь ни в чем не скупой, и сами нечасто посещают других, нечасто и посещаются; по старинному национальному обычаю, они не стремятся к расширению своих границ, которые в

¹ Полилериты — выдуманное Т. Мором название, состоящее из двух греческих слов: многий и нелепая болтовня, вздор; очевидно, имеется в виду, вероятно, что не следует принимать всерьез существование такого народа.

их теперешнем виде легко защищены от всякого несправедливого посягательства горами и платой, вносимой могущественному властелину. Вполне свободные от военной службы, они живут не столько блестяще, сколько благополучно, и скорее счастливо, чем пышно и славно; даже самое имя их известно только ближайшим соседям.

Так вот, у полилеритов пойманные при краже возвращают утащенное хозяину, а не государю, как это обычно делается в других местах: по мнению этого народа, у государя столько же прав на украденную вещь, как и у самого вора. Если же вещь пропадет, то после оценки стоимость ее выплачивается из имущества воров, остальное же отдается целиком их женам и детям, а сами воры осуждаются на общественные работы. Если совершение кражи не осложнено преступлением, то похитителей не сажают в тюрьму, избавляют от кандалов, и они свободно и беспрепятственно занимаются общественными работами. Если же преступники уклоняются от них или производят их слишком вяло, то их не столько наказывают кандалами, сколько поощряют ударами. Работающие усердно избавлены от оскорблений; только ночью, после поименного счета, их запирают по камерам. Кроме постоянного труда, их жизнь не представляет никаких неприятностей. Питаются они не скудно: работающие для государства — на казенный счет, в других случаях — по-разному. Иногда траты на них собираются путем милостыни; хотя это путь очень ненадежный, однако, в силу присущего данному народу милосердия, он дает результат, лучший всякого другого; в других местах назначаются для этого известные общественные доходы. В иных местах для этой потребности устанавливают определенный поголовный налог. Наконец, в некоторых местностях преступники не исполняют никаких общественных работ; но если то или иное частное лицо нуждается в наемных рабочих, оно нанимает на рынке любого

из них за определенную плату, несколько дешевле по сравнению со свободным человеком; кроме того, раба за его леность допускается наказывать бичом.

В результате эти люди никогда не бывают без работы, и, помимо заработка на свое содержание, каждый вносит еще нечто в государственную казну. Все вместе и каждый в отдельности одеты они в один определенный цвет, волос им не бреют, а подстригают немного выше ушей, одно из которых слегка подрезают. Друзья могут давать каждому пищу, питье и платье надлежащего цвета; но дать деньги считается уголовным преступлением как для дающего, так и для получающего; не менее опасным является для человека свободного получать по какой бы то ни было причине монету от осужденного, равно как рабам (так называют осужденных) запрещается касаться оружия. Каждая область различает своих рабов особой отметкой, бросить которую, считается уголовным преступлением, равно как показаться вне своих пределов и вести какой-либо разговор с рабом другой области. Замысел бегства является столь же опасным, как и самое бегство. За соучастие в таком решении рабу полагается казнь, свободному — рабство. С другой стороны, доносчику назначены награды: свободному — деньги, рабу — свобода, далее, обоим прощение и безнаказанность за соучастие; таким образом, приведение в исполнение дурного намерения ни в каком случае не может доставить большую безопасность, чем раскаяние в нем.

Законы и порядки насчет воровства таковы, как я сказал. Легко можно видеть, насколько они человечны и удобны. Гнев проявляется настолько, чтобы уничтожить пороки; но люди остаются в целости и встречают такое обхождение, что им необходимо стать хорошими и в остальную часть жизни испустить все то количество вреда, какое они причинили раньше.

Далее, не может быть никакого опасения за то, что они вернутся к прежним нравам. Мало того, путешественники при своем отправлении куда-либо считают себя в наибольшей безопасности, когда их проводниками являются именно эти рабы, которых они неоднократно меняют в каждой области. Действительно, для совершения разбоя рабы не видят ни в чем никакой подмоги: руки у них безоружны, деньги явятся только доносчиком злодеяния, в случае поимки кара наготове, и нет абсолютно никакой надежды убежать куда бы то ни было. В самом деле, как сделать незаметным и скрыть свое бегство человеку, несколько не похожему платьем на остальных? Разве только уйти голому? Да и в этом случае беглеца может выдать его урезанное ухо. Но, наконец, может, пожалуй, еще явиться опасение, что они вознамерятся составить заговор против государства. Как будто какая-нибудь отдельная округа может возыметь такую надежду, не опросив и не договорив предварительно рабов многих областей! Они не только лишены возможности устраивать заговоры, но им нельзя даже собраться вместе побеседовать и обменяться приветствиями: тут же надо признать, что они бесстрашно вверят своим сотоварищам такой план, умолчать о котором, как известно, опасно, а выдать его будет очень выгодно. С другой стороны, никто из рабов отнюдь не лишен надежды на то, что если он будет послушен, скромнен и подаст доказательства своего стремления исправиться в будущем, то он может под этими условиями рассчитывать на обратное получение свободы; это и делается ежегодно для нескольких лиц из уважения к их терпеливости».

Вот что я сказал и прибавил, что не вижу основания, почему бы этот образ действия не мог принести и в Англии гораздо большие плоды, чем та справедливость, которую так превозносил упомянутый правовед. Тогда этот последний заметил:

«Никогда ничего подобного нельзя установить в Англии, не подвергая государство величайшей опасности».

При этих словах он покачал головою, скривил презрительно губы и замолчал. Все присутствовавшие охотно согласились с его словами.

Тогда кардинал заметил:

«Нелегко угадать, будет ли это иметь успех или нет, раз не сделано никакого предварительного опыта. Но если по произнесении смертного приговора государь велит отложить казнь, то можно применить обычай полилеритов, уничтожив привилегию заповедных мест¹; и вот тут, если результат дела докажет его пользу, правильно было бы ввести это установление; в противном случае заслуженная казнь тех, кто уже подвергся осуждению, будет так же полезна для государства и так же справедлива, как если бы она была совершена ранее; между тем опасности от этого не может быть никакой. Мало того, по-моему, подобный образ действия можно было бы со значительным успехом применить и к бродягам, а то в отношении их мы до сих пор не добились никаких результатов, несмотря на издание многочисленных законов».

Как только кардинал сказал это, все наперерыв осыпали похвалами его мысль, к которой раньше, в моих устах, отнеслись с пренебрежением; особое же одобрение заслужил пункт о бродягах, так как это была его собственная прибавка.

Не знаю, не лучше ли умолчать о том, что произошло далее, так как это было смешно; но все же я расскажу: эта было недурно и имело некоторое отношение к настоящей теме.

¹ Т.е. убежищ, в которых преступник обретает право неприкосновенности.

Случайно тут стоял один блюдолиз, который, по-видимому, хотел строить из себя дурака, но, притворяясь таковым, был очень близок к настоящему. Шутки его, которыми он старался насмешить, были настолько плоски, что сам он вызывал смех гораздо чаще, чем его слова. Но иногда все же у него вырывалось нечто совсем неглупое, что могло оправдать правильность поговорки: «При частой игре добьешься и выигрыша». Именно, один из гостей сказал, что я в своей речи говорил о надлежащих мерах против воров, кардинал подумал о бродягах, и теперь государству остается только позаботиться о тех, кого довела до нищеты болезнь или старость и сделала их непригодными к труду для снискания себе пропитания. Тогда упомянутый блюдолиз заметил:

«Позволь мне, я и это устрою правильно. Я страстно желаю удалить куда-нибудь с глаз долой людей этого рода. Они мне сильно и часто надоедали своим требованием денег, сопровождаемым жалобными воплями, но никогда все же причитания их не имели такого успеха, чтобы вытянуть у меня монету. Выходило как-то всегда одно из двух: или мне не хотелось давать, или даже и нельзя было, так как не было ничего. Поэтому теперь они стали умнее; когда они видят, что я иду, то не тратят своего труда и пропускают молча: они совершенно не ждут ничего от меня, как будто бы я был священником. Так вот я и вношу закон, чтобы всех этих нищих разместить и распределить по бенедиктинским монастырям и сделать из них так называемых монахов-мирян, а женщинам я велю стать монахинями».

Кардинал улыбнулся и одобрил это как шутку, а другие приняли ее и всерьез.

Но замечание о священниках и монахах сильно развеселило одного из этих последних, ученого богослова, так что он и сам захотел пошутить, хотя в общем был серьезен до свирепости.

«Но и в этом случае, — заметил он, — ты не отделаешься от нищих, если не подумаешь и о нас — монашествующей братии».

«Да это уже предусмотрено, — ответил паразит. — Ведь кардинал прекрасно позаботился о вас, когда выносил постановление о задержании и привлечении к работе бродяг, ведь вы-то и есть главные бродяги».

При этих словах все взглянули на кардинала и, заметив, что он не отрицает этого, очень охотно подцепили это замечание, все, кроме монаха. Он (что и не удивительно), пораженный такой колкостью, пришел в негодование и до того раскипятился, что не мог удержаться от ругательств: он назвал противника негодяем, подлецом, клеветником и сыном погибели, приводя вместе с тем страшные угрозы из Священного писания.

Тогда шут вошел в свою роль всерьез и почувствовал себя вполне как дома.

«Не гневайся, добрый брат, — ответил он, — сказано в Писании: «В терпении вашем овладеете душами вашими»¹.

На это монах (приведу его подлинные слова) ответил:

«Я не гневаюсь, висельник, или, по крайней мере, не грешу, и псалмопевец говорит: „Гневайтесь и не согрешайте“².

Затем, в ответ на мягкое внушение кардинала удерживать свои страсти, монах заметил:

«Я говорю, как должен, по доброму усердию. Ведь у святых людей было доброе усердие; отсюда и сказано: „Усердие по доме твоем съело меня“. И в церквях поют: «Над Елисеем кто смеялся³, когда в храм тот направлял-

¹ Библия, Евангелие от Луки, XXI, 19.

² Библия, Псалтирь, IV, 5.

³ Елисей — древнееврейский пророк. Однажды он разгневался на малых детей, смеявшихся над его плешивостью, и проклял их. После чего из лесу вышли две медведицы и растерзали сорок два ребенка из насмешников (Библия, Четвертая Книга царств, II, 23 — 24).

ся», усердие плешивого почуяли, — как почует, вероятно, и этот насмешник, шут, грубиян».

«Ты, — ответил кардинал, — поступаешь, может быть, с наилучшими побуждениями, но поступишь, по-моему, еще благочестивее, во всяком случае разумнее, если поведешь себя так, что не будешь вступать в смешное состязание с человеком глупым и смешным».

«Нет, владыка, — ответил тот, — я не поступил бы разумнее. Ведь сам премудрый Соломон говорит: „Отвечай глупому по глупости его“¹, как я теперь и делаю и указываю ему яму, в которую он упадет, если не побережется как следует. Ведь если многие насмешники над Елисеем, который был только один плешивый, почувствовали усердие плешивого, то насколько сильнее почувствует это один насмешник над многими братьями, среди которых есть много плешивых? И вдобавок у нас есть папская булла, по которой все осмеивающие нас подлежат отлучению».

Кардинал, увидев, что этому не будет конца, отослал кивком головы паразита и свел удачно разговор на другую тему, а затем немного спустя встал из-за стола и занялся делами своих подчиненных, отпустив нас.

Вот, друг Мор, каким длинным рассказом я замучил тебя; мне было бы очень стыдно так долго передавать это, но ты, с одной стороны, пламенно желал этого, а с другой, казалось, слушал так, как будто не желал ничего упустить из этого разговора. Но, во всяком случае, мне, хотя бы и в сжатом виде, надо было передать это, потому что те же

¹ На самом деле «премудрый Соломон говорит: «Не отвечай глупому по глупости его»: Библия, Притчи Соломона, XXVI, 4; Соломон — третий еврейский царь Израильского царства в 965 — 928 гг. Считается автором «Книги Екклесиаста», книги «Песнь песней Соломона» и Книги «Притчи Соломона», а также некоторых псалмов.

лица, отвергнув высказанную мною мысль, сейчас же сами одобрили ее, услышав одобрение ей от кардинала. Они угождали ему до такой степени, что льстили даже выдумке его паразита, которую кардинал не отверг как шутку, и чуть не приняли ее всерьез. Отсюда ты можешь определить, какую цену имели бы в глазах придворных я и мои советы.

— Конечно, друг Рафаил, отвечаю я, — ты доставил мне большое удовольствие, до такой степени разумна вместе и изящна была вся твоя речь. Кроме того, во время ее мне представлялось, что я не только нахожусь на родине, но даже до известной степени переживаю свое детство, предаваясь приятным воспоминаниям о том кардинале, при дворе которого я воспитывался мальчиком. Друг Рафаил, хотя ты вообще очень дорог мне, но ты не поверишь, насколько стал ты мне дороже оттого, что с таким глубоким благоговением относишься к памяти этого мужа. Но все же я никоим образом не могу еще переменить своего мнения, а именно: если ты решишься не чуждаться дворцов государей, то своими советами можешь принести очень много пользы обществу. Исполнить это ты обязан прежде всего как человек честный. Ведь и твой Платон полагает, что государства будут благоденствовать только в том случае, если философы будут царями или цари философами; но как далеко будет это благоденствие, если философы не соблаговолят даже уделять свои советы царям?

— Нет, они не настолько неблагодарны, чтобы не делать этого с охотой, — возразил он, — наоборот, многие уже и выполнили это изданием своих книг; только бы носители верховной власти были готовы повиноваться добрым советам. Но Платон, без сомнения, отлично предвидел, что если цари не станут сами философами, то совершенно пропитанные и зараженные с детства превратными

мнениями, они никогда не одобряют планов философов: это Платон испытал и сам при дворе Дионисия¹.

Как по-твоему, если я при дворе какого-нибудь короля предложу проекты здравых распоряжений и попытаюсь вырвать у него злые и губительные семена, то разве я не подвергнусь немедленно изгнанию и не буду выставлен на посмешище?

Ну вот, предположи, что я нахожусь при дворе французского короля, состою в его Совете, и тут на самом секретном совещании, под председательством самого короля, в кругу умнейших людей, усиленно обсуждается вопрос, какими средствами и ухищрениями король может удерживать Милан, привлечь к себе обратно беглый Неаполь, а затем разорить Венецию, подчинить себе всю Италию, далее захватить власть над Фландрией, Брабантом, наконец, над всей Бургундией и, кроме того, над другими народами, на королевства которых он давно уже нападал мысленно. Тут один советник предлагает заключить союз с венецианцами, имеющий силу на столько времени, на сколько это будет удобно королю, сообщить им свои планы, даже оставить у них некоторую часть добычи, чтобы потребовать ее обратно при удовлетворительном окончании дела. Другой подает мысль о найме германцев, третий о том, чтобы задобрить деньгами швейцарцев, четвертый о том, чтобы умиловить золотом, как жертвой, гнев августейшей воли его величества императора; пятому представляется необходимым уладить дела с королем Арагонии и, в залог мира, отказаться от чужого, не французского, королевства Наваррского; шестой предлагает опутать

¹ Дионисий Младший — правитель Сицилии (в 367 — 356 и 346 — 343 гг. до н. э.). Платон пытался влиять на Дионисия Младшего, как ранее и на его отца Дионисия, с целью направить его на воплощение замысла идеального государства. Учительство Платона успеха не имело, пребывание Платона при дворе Дионисия едва не повлекло гибель философа.

какими-нибудь брачными надеждами короля Кастилии и привлечь, за определенную ежегодную плату, на свою сторону несколько знатных его царедворцев. Тут встречается главнейшее затруднение, какое решение принять касательно Англии, во всяком случае, надо вести с ней переговоры о мире и закрепить наиболее прочными узами всегда непрочный союз с ней; надо называть англичан друзьями, а рассматривать как недругов. Поэтому следует всегда держать наготове, как на карауле, шотландцев, имея их постоянно в виду для всяких случайностей, и тотчас выпустить на англичан, если те чуть-чуть зашевелиятся. Для этого надо тайно (открытому осуществлению этого мешают союзные договоры) поддерживать какого-нибудь знатного изгнанника, который утверждает, что это королевство принадлежит ему, и таким средством обуздывать подозрительность короля Франции. Так вот, повторяю, если бы в такой напряженной обстановке, когда столько выдающихся мужей предлагают наперерыв свои планы для войны, встал вдруг я, ничтожный человек, и предложил повернуть паруса обратно, посоветовал оставить Италию и сказал бы, что надо сидеть дома, так как и одно Французское королевство слишком велико, чтобы им мог надлежаще управлять один человек, а потому пусть король откажется от мысли и расчетов на приобретение других земель, как ко мне отнеслись бы? Затем я мог бы предложить их вниманию постановления ахорийцев¹, народа, живущего к юго-востоку напротив острова Утопии. Именно эти ахорийцы вели когда-то войну, чтобы добыть своему королю другое королевство, которое, как он утверждал, должно было принадлежать ему по наследству в силу старинных уз свойства.

¹ Ахорийцы — выдуманное Т. Мором название народа, составленное из греческого слова *страна* (*пространство*) и отрицательной частицы «а», т.е. из названия видно, что ахорийцы — народ несуществующей страны вроде *Утопии*.

Добившись наконец этого королевства, ахорийцы сразу увидели, что удержать его стоит отнюдь не меньше труда, чем сколько они потратили для его приобретения: новые подданные были постоянно недовольны ахорийцами или подвергались иноземным набегам, поэтому надо было все время воевать или за них, или против них, и никогда не представлялось возможности распустить войско; а между тем собственная страна ахорийцев подверглась разграблению, деньги уплывали за границу, они проливали свою кровь ради ничтожной и притом чужой славы, мир не делался нисколько крепче, война испортила нравы внутри государства, жители прониклись страстью к разбоям; убийства укрепили в них наглую дерзость; законы стали предметом презрения. Между тем царь, внимание которого развлекалось между двумя царствами, не мог сосредоточиться на каком-нибудь одном из них. Напоследок ахорийцы, видя, что этим сильным бедствиям не предвидится никакого конца, в результате совещания очень вежливо предложили своему королю удержать за собою одно, какое он хочет, царство, так как на два у него не хватит власти. Они говорили, что их слишком много для того, чтобы ими могла управлять половина короля, а с другой стороны, никто не согласится на то, чтобы даже погонщик мулов у него был общий с другим хозяином. Таким образом, этот благодушный монарх принужден был предоставить новое царство одному из друзей, который в скором времени был изгнан, а сам удовольствовался старым.

Так вот, если бы после истории об ахорийцах я указал королю, что все эти воинственные предприятия, которые по его вине вносят замешательство в жизнь стольких народов, истощат его казну, разорят подданных, а могут в силу какой-либо случайности кончиться ничем, и предложил бы ему заботиться о своем унаследованном от дедов королевстве, насколько возможно украшать его, привести

его в самое цветущее состояние, любить своих подданных, снискать их любовь, жить одною с ними жизнью, управлять ими мягко и оставить в покое другие государства, раз то, которое ему досталось, более чем достаточно по своей величине, — как ты думаешь, друг Мор, с каким настроением принята была бы подобная речь?

— Разумеется, не очень благосклонно, — отвечаю я.

— Ну так пойдем дальше, продолжает он. — Допустим, что советники какого-либо короля в беседе с ним обсуждают и измышляют средства, как ему увеличить казну. Один советует повысить стоимость монеты, когда надо будет платить деньги, и, с другой стороны, понизить ценность ее ниже нормы, когда надо будет собирать капитал, — таким образом можно будет заплатить большую сумму малым количеством денег и за малую сумму приобрести много. Другой внушает притворно готовиться к войне и под этим предлогом собирать деньги, а, устроив это, заключить торжественный мир с религиозными обрядами и создать этим в глазах жалкой черни такое впечатление, что вот, мол, благочестивый государь из жалости к человечеству прекратил кровопролитие. Третий приводит ему на мысль какие-то старинные, съеденные червями законы, устаревшие от долгого неприменения их; так как никто не помнит об их издании, то они нарушены всеми, за что следует взыскивать штраф; доход от этого будет обильнее и почетнее всякого другого, так как на этом будет лежать личина справедливости. Четвертый предлагает запретить, под угрозой больших штрафов, многое, особенно такое, что идет вразрез с народными интересами, а потом поделиться полученными деньгами с теми, чьим выгодам наиболее препятствует этот указ; таким образом можно снискать расположение народа и получить двойную выгоду: с одной стороны, штрафам подвергаются только те, кого загнала в эти сети алчность к наживе, а с другой —

дорогая цена на привилегии стоит в полном соответствии с прекрасными нравственными качествами государя, который с трудом дарует какому-нибудь частному лицу что-либо, идущее вразрез с выгодами народа, да и то не иначе, как по высокой цене. Пятый убеждает привлечь на свою сторону судей, чтобы они в решении всякого дела принимали во внимание права короля; кроме того, их следует позвать во дворец и приглашать разбирать дела в королевском присутствии; тогда ни одно дело короля не будет настолько несправедливым, чтобы кто-нибудь из судей — или из желания противоречить, или из стыда повторить то же самое, или с целью снискать милости властелина — не нашел в этом процессе какой-нибудь щели, через которую могла бы проскользнуть какая-нибудь кляуза; таким образом, при разногласии судей дело, само по себе вполне очевидное, возбуждает обсуждение, и истина вызывает споры, а это как раз предоставляет королю повод для истолкования закона в свою пользу; остальные присоединятся к этому или из стыда, или из страха; поэтому в результате с трибунала бестрепетно произносится соответственный приговор; ведь при подаче голоса за государя предлог всегда найдется: для этого достаточно, чтобы на его стороне были или справедливость, или слова закона, или запутанность смысла документа, или, наконец, то, что в глазах благочестивых судей стоит выше законов, — неоспоримая прерогатива государя. Все эти советники вполне единодушно и согласно признают следующие положения: правильность изречения Красса¹, что никакого количества золота недостаточно для государя, которому надо

¹ Марк Лициний Красс (115 — 53 до н.э.) — древнеримский полководец и политический деятель, один из богатейших людей своего времени. Римский писатель I в. н. э. Плиний Старший сказал о Крассе: «Марк Красс признавал богачом только того, кто на свой годичный доход может содержать легион», Плиний Старший. Естественная история, XXXIII, 10.

содержать войско; затем король даже при самом сильном своем желании ни в чем не может поступать несправедливо, потому что все и у всех принадлежит ему, как и самые люди, а у каждого имеется собственность лишь настолько, насколько ее не отняла у него королевская милость; при этом для государя очень важно, чтобы такой собственности было возможно меньше, потому что главный оплот его власти заключается в том, чтобы не дать народу избаловаться от богатства и свободы, когда люди не очень-то мирятся с жестокими и несправедливыми приказаниями, между тем как, наоборот, нищета и недостаток притупляют настроение, приучают к терпению и отнимают у угнетенных благородный дух восстания.

И вот тут опять поднимаюсь я и стану спорить, что все эти советы для короля и бесчестны и губительны, так как не только честь его, но и его безопасность заключаются скорее в благосостоянии народа, чем в собственной казне короля. Затем я покажу, что они выбирают короля для себя, а не для него самого, именно — чтобы, благодаря его труду и расположению, жить в благополучии и безопасности от обид, и королю подобает больше заботиться о том, чтобы хорошо было народу, а не ему самому; таким же образом на обязанности пастуха, поскольку он является овчаром, лежит скорее питать овец, чем себя самого. Если далее советники полагают, что нищета народа служит охраной мира, то они жестоко ошибаются по самой сути дела. Действительно, где можно найти больше ссор, как не среди нищих? Кто интенсивнее стремится к перевороту, как не тот, кому отнюдь не нравится существующий строй жизни? У кого, наконец, проявятся более дерзкие порывы привести все в замешательство с надеждой откуда-нибудь пожить, как не у того, кому уже нечего более терять? Поэтому если какой-нибудь царь вызывает у своих подданных такое презрение или ненависть, что может удержать

их в повиновении, только действуя оскорблениями, грабежом и конфискацией и доводя людей до нищенства, то ему, конечно, лучше будет отказаться от королевства, чем удерживать его такими средствами, при которых если он и удерживает свой титул властелина, то, во всяком случае, теряет свое величие. Несовместимо с королевским достоинством проявлять свою власть над нищими, а скорее над людьми достаточными и зажиточными. Это именно и отметил муж ума высокого и благородного, Фабриций¹, в своем ответе, что он предпочитает управлять богачами, а не быть богачом. И, конечно, допускать, чтобы кто-нибудь один жил среди изобилия удовольствий и наслаждений, а другие повсюду стонали и плакали — это значит быть сторожем не королевства, а тюрьмы. Наконец, как полным неучем является тот врач, который умеет лечить болезнь только болезнью же, так и тот, кто не может исправить жизнь граждан другим путем, как только отнимая у них блага жизни, должен признаться в своем неумении управлять людьми свободными; мало того, ему следует отказаться от своей косности или высокомерия: этими пороками он вызовет у народа или презрение, или ненависть; он должен, никому не вредя, жить на свои средства, сводить расход с приходом, обуздывать злодеяния, правильным наставлением подданных скорее предупреждая их, чем давая им усиливаться с целью потом карать их; не следует зря возобновлять законы, отмененные обычаем, особенно такие, которые давно устарели и никогда не были желательными; никогда под предлогом штрафа не следует брать ничего такого, чего судья не позволил бы получить ни одному частному лицу, как добытого несправедливо и обманно. Наконец, я мог бы предложить на этом совещании закон макарийцев², которые также живут не очень да-

¹ Гай Фабриций Лусцин (III в. до н.э.), римский консул и полководец.

² Макарийцы — от *греч.* блаженный, счастливый.

леко от Утопии. Именно их король в первый день по вступлении на престол, после торжественных жертвоприношений, дает клятвенное обязательство не иметь никогда в казне одновременно свыше тысячи фунтов золота или серебра, равного по цене этому золоту. Говорят, что этот закон установил один превосходный король, больше заботившийся о благе родины, чем о своих богатствах. Закон должен был служить преградой для таких огромных накоплений денег, которые могли бы вызвать недостаток их в народе. Король видел, что этого капитала будет достаточно, если ему придется бороться с мятежниками или его королевству с вражеским нашествием, но этой суммы не хватит, чтобы создать соответственное настроение для нападения на чужие владения. Это было главной причиной для издания закона; вторая, по мнению короля, заключалась в предупреждении недостатка в деньгах для повседневного обращения их в народе; а так как король обязан выплачивать все то, чторосло в казне выше указанного законного размера, то в силу этого ему не надо будет искать повода к причинению обид подданным. Такой король будет внушать страх злодеям и приобретет любовь хороших граждан. Так вот, если эти и подобные положения я буду навязывать людям, сильно склонным к совершенно обратному образу мыслей, то не выступлю ли я в роли проповедника перед глухими?

— Несомненно, даже и перед сильно глухими, — отвечаю я. — Я, право, несколько не удивлюсь этому, да, говоря по правде, мне и не представляется необходимым навязывать подобные разговоры и давать такие советы, которые, ты уверен, никогда не примут. Действительно, какую пользу может принести или каким образом может повлиять такая необычная речь на настроение тех, в чьем сердце заранее поместилось и засело совершенно противоположное убеждение? В дружеской беседе среди близких

приятелей подобные схоластические рассуждения не лишены привлекательности, но в Советах государей, где обсуждаются дела важные и с полным авторитетом, для них нет места.

— Это, — возразил он, — то самое, что я говорил: у государей нет места для философии.

— Да, — отвечаю я, — для той схоластической, которая считает, что она пригодна везде и всюду. Но есть и другая философия, более житейская, которая знает свою сцену действия и, приспособляясь к ней в той пьесе, которая у нее в руках, выдерживает свою роль стройно и благопристойно. Вот ее-то тебе и надо применять. Иначе допустим, что играют какую-нибудь пьесу Плавта, где жалкие рабы говорят вздор друг с другом, а ты вдруг выйдешь в философском одеянии на сцену впереди всех и начнешь декламировать из «Октавии»¹ то место, где Сенека рассуждает с Нероном: разве не лучше будет изобразить лицо без речей, чем, декламируя неподходящее, устраивать подобную трагикомедию? Действительно, ты испортишь и исказишь данную пьесу, припутывая к ней противоположный материал, даже и в том случае, если твои прибавки будут лучше оригинала. Играй возможно лучше ту пьесу, которая у тебя под рукою, и не приводи ее в совершенный беспорядок тем, что тебе приходит на память из другой, хотя бы и более изящной.

Так обстоит дело в государстве, так и на совещаниях у государей. Если нельзя вырвать с корнем превратные мнения, если ты по своему искреннему убеждению не в силах излечить прочно вошедшие в житейский обиход пороки, то из-за этого не следует покидать государственных дел, как

¹ «Октавия» — трагедия, которую приписывают римскому писателю и философу Сенеке (ок. 6 г. до н. э. ~ 65 г. н. э.). Октавия — Клавдия Октавия, первая жена римского императора Нерона, с которой он развелся (в 68 г.).

нельзя оставлять корабля в бурю, раз ты не можешь удерживать ветров. Но нельзя насильно навязывать новые и необычные рассуждения людям, держащимся противоположных убеждений, так как эти рассуждения не будут иметь у них никакого веса; тебе же надо стремиться окольным путем к тому, чтобы по мере сил все выполнить удачно, а то, чего ты не можешь повернуть на хорошее, сделать, по крайней мере, возможно менее плохим. Ведь нельзя, чтобы все было хорошо, раз не хороши все люди, а я не ожидаю, что это случится всего через несколько лет в будущем.

Рафаил ответил:

— Из этого не может выйти ничего другого, как то, что, стремясь вылечить бешенство других, я сам с ними сойду с ума. Ведь раз я хочу говорить правду, мне и необходимо так говорить. Впрочем, я не знаю, дело ли философа говорить ложь: но, во всяком случае, это не мое дело. Правда, эта моя речь, может быть, будет неприятна и тягостна моим противникам, но я все же не вижу, почему она должна казаться необычной до нелепости. Допустим, что я говорил бы то, что воображает Платон в своем «Государстве» или что делают утопийцы в своем; хотя это и было бы лучше, как оно и есть на самом деле, но все же могло бы показаться чуждым для нас, потому что здесь у каждого есть частная собственность, а там все общее.

Что касается моей речи, то она предостерегает от опасностей и указывает на них; поэтому она может быть неприятной только для тех, кто, идя по противоположной дороге, решил сбросить вместе с собою в пропасть и других; иначе что в моих словах было такого, что бы нельзя было или не следовало сказать везде? Действительно, если надо опускать, как чуждое и нелепое, все то, чему порочные нравы людей придали вид необычного, то и у христиан надо скрывать многое из учения Христова, а он не только запретил скрывать это, но велел даже открыто на

крышах проповедовать¹ своим то, что нашептал им на ухо. Огромная часть этого гораздо более чужда современным нравам, чем была моя речь. Правда, проповедники — люди хитрые, следуя, думаю, твоему совету и видя, что для людей затруднительно приспособить свои нравы к правилам Христовым, приладили его учение к нравам, как свинцовую линейку, чтобы, разумеется, хоть каким-нибудь образом сочетать их. Я вижу, что они добились этим только того, что дурным людям живется беззаботнее; и я, конечно, добьюсь в Советах государей столь же больших результатов. Или я буду держаться мнений, противоположных высказываемым, а это будет все равно, как если бы меня не было никаких, или я буду думать то же самое и стану, по словам Теренциева Микиона², помощником их безумия. Я не постигаю, что значит тот окольный путь, которым, по-твоему, надо стремиться к тому, чтобы если нельзя всего сделать хорошим, то хоть удачно повернуть это и превратить, насколько возможно, в наименьшее зло. Там нет места для того, чтобы прятаться или смотреть сквозь пальцы; надо открыто одобрять самые скверные мнения и подписываться под самыми губительными решениями. Но даже скупая похвала бесчестным постановлениям была бы достойна только шпиона и почти что предателя.

Далее, попадая в такую среду, которая легче может испортить даже прекрасного человека, чем исправиться сама, ты не можешь встретить ничего такого, где ты мог бы принести какую-нибудь пользу. Извращенные обычаи такого общества или испортят тебя, или, оставаясь непорочным и невинным, ты будешь служить прикрытием чужой злобы и глупости; нечего и говорить тут о каких-либо достижениях путем упомянутой окольной дороги.

¹ Библия, Евангелие от Луки, XII, 3.

² Микион — действующее лицо из комедии римского писателя Теренция (184 — 159 гг. до н. э.) «Братья» (I, 2, 65).

Поэтому Платон в очень красивом сравнении поясняет правильность воздержания философов от занятий государственными делами¹. Именно, философы видят, что, высыпав на улицы, народ попал под проливной дождь, и не могут уговорить его укрыться от дождя — зайти под крышу; и вот, зная, что если они выйдут на улицу, то ничего не добьются, кроме того, что промокнут сами, они остаются в доме, довольствуясь тем, что если не могут вылечить чужую глупость, то, по крайней мере, находятся в безопасности.

Впрочем, друг Мор, если сказать тебе по правде мое мнение, так, по-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те получают отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют.

Поэтому я, с одной стороны, обсуждаю сам с собою мудрейшие и святейшие учреждения утопийцев, у которых государство управляется при помощи столь немногих законов, но так успешно, что и добродетель встречает надлежащую оценку и, несмотря на равенство имущества, во всем замечается всеобщее благоденствие. С другой стороны, наоборот, я сравниваю с ними столько других наций, которые постоянно создают у себя порядок, но никогда ни одна из них не достигает его; всякий называет там своей собственностью то, что ему попало; каждый день издаются там многочисленные законы, но они

¹ У Платона говорится: Философ «сохраняет спокойствие и делает свое дело, словно укрывшись за стеной от пыли, поднятой ураганом. Видя, что все остальные преисполнились беззакония, он доволен, если проживет здешнюю жизнь чистым от неправды и нечестивых дел, а при исходе жизни отойдет радостно и кротко, уповая на лучшее». — Государство, VI, 496 d — e (пер. А.Н. Егунов).

бессильны обеспечить достижение, или охрану, или ограничение от других того, что каждый, в свою очередь, именует своей собственностью, а это легко доказывают бесконечные и постоянно возникающие, а с другой стороны — никогда не оканчивающиеся процессы. Так вот, повторяю, когда я сам с собою размышляю об этом, я делаюсь более справедливым к Платону и менее удивляюсь его нежеланию давать какие-либо законы тем народам, которые отвергали законы, распределяющие все жизненные блага между всеми поровну. Этот мудрец легко усмотрел, что один-единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность. Именно, если каждый на определенных законных основаниях старается присвоить себе сколько может, то, каково бы ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим; а они, разделив его между собою, оставляют прочим одну нужду, и обычно бывает так, что одни вполне заслуживают жребия других: именно, первые хищны, бесчестны и никуда не годны, а вторые, наоборот, люди скромные и простые и повседневным трудом приносят больше пользы обществу, чем себе лично.

Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то и у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей. Я, правда, допускаю, что оно может быть до известной степени облегчено, но категорически утверждаю, что его нельзя совершенно уничтожить. Например, можно установить следующее: никто не должен иметь земельной собственности выше известного предела; сумма денежно-

го имущества каждого может быть ограничена законами; могут быть изданы известные законы, запрещающие королю чрезмерно проявлять свою власть, а народу быть излишне своевольным; можно запретить приобретать должности подкупом или продажей; прохождение этих должностей не должно сопровождаться издержками, так как это представляет удобный случай к тому, чтобы потом наверстать эти деньги путем обманов и грабежей, и возникает необходимость назначать на эти должности людей богатых, тогда как люди умные выполнили бы эти обязанности гораздо лучше. Подобные законы, повторяю, могут облегчить и смягчить бедствия точно так же, как постоянные припарки обычно подкрепляют тело безнадежно больного. Но пока у каждого есть личная собственность, нет совершенно никакой надежды на выздоровление и возвращение организма в хорошее состояние. Мало того, заботясь об исцелении одной ее части, ты растравляешь рану в других. Таким образом, от лечения одного взаимно рождается болезнь другого, раз никому нельзя ничего прибавить без отнятия у другого.

— А мне кажется наоборот, — возражаю я, — никогда нельзя жить богато там, где все общее. Каким образом может получиться изобилие продуктов, если каждый будет уклоняться от работы, так как его не вынуждает к ней расчет на личную прибыль, а, с другой стороны, твердая надежда на чужой труд дает возможность лениться? А когда людей будет подстрекать недостаток в продуктах, и никакой закон не сможет охранять как личную собственность приобретенное каждым, то не будут ли тогда люди по необходимости страдать от постоянных кровопролитий и беспорядков? И это осуществится тем более, что исчезнет всякое уважение и почтение к властям; я не могу даже представить, какое место найдется для них у таких людей, между которыми «нет никакого различия».

— Я не удивляюсь, — ответил Рафаил, — этому твоему мнению, так как ты совершенно не можешь вообразить такого положения или представляешь его ложно. А вот если бы ты побыл со мною в Утопии и сам посмотрел на их нравы и законы, как это сделал я, который прожил там пять лет и никогда не уехал бы оттуда, если бы не руководился желанием поведать об этом новом мире, — ты бы вполне признал, что нигде в другом месте ты не видал народа с более правильным устройством, чем там.

— Разумеется, — заметил Петр Эгидий, — ты с трудом можешь убедить меня, что народ с лучшим устройством находится в новом мире, а не в этом, известном нам; по моему, здесь и умы нисколько не хуже, и государства постарше, чем там, да и долгий опыт придумал у нас много удобств для жизни людей; я не распространяюсь уже о некоторых случайных наших открытиях, для измышления которых не могло бы хватить никакого ума.

— Что касается древности их государств, — возразил Рафаил, — то ты мог бы судить правильнее, если бы прочитал историю тех стран; если ей следует верить, то у них города были раньше, чем у нас люди. Далее, и там, и тут могло возникнуть все то, что до сих пор изобрел ум или добыл случай. Впрочем, я, во всяком случае, полагаю, что как мы превосходим их талантливостью, так они все же оставляют нас далеко позади своим усердием и трудолюбием. По свидетельству их летописей, до прибытия туда нашего корабля они ничего никогда не слыхали о наших делах (они называют нас «живущими за линией равноденствия»). Правда, некогда, лет тысяча двести тому назад, один корабль, который занесла туда буря, погиб от крушения у острова Утопии; были выброшены на берег какие-то римляне и египтяне, которые никогда потом оттуда не вернулись. Посмотри теперь, как умело воспользовалось этим удобным случаем их трудолюбие. От выброшенных

чужестранцев утопийцы научились всякого рода искусствам, существовавшим в Римской империи и могущим принести какую-нибудь пользу, или, узнав только зародыши этих искусств, они изобрели их дополнительно. Столько хорошего принесло им то обстоятельство, что некоторые от нас всего один раз были занесены к ним. А если бы какой-нибудь подобный случай загнал ранее кого-нибудь отсюда к нам, то это так же изгладилось бы из памяти, как исчезнет, вероятно, у потомков то, что я когда-то был там. И как они сразу после одной встречи усвоили себе все то, что нами было хорошо придумано, так, думаю, пройдет много времени, прежде чем мы узнаем какое-либо из их учреждений, превосходящее наши. Причиной этого, полагаю, служит одно то, что, хотя мы не стоим ниже их ни по уму, ни по средствам, все же их государство имеет более разумный по сравнению с нами способ правления и процветает среди большего счастья.

— Поэтому, друг Рафаил, — говорю я, — убедительно прошу тебя — опиши нам этот остров; не старайся быть кратким, но расскажи по порядку про его земли, реки, города, жителей, их нравы, учреждения, законы и, наконец, про все, с чем ты признаешь желательным ознакомить нас, а ты должен признать, что мы желаем знать все, чего еще не знаем.

— Исполню это с особой охотой, — ответил он, — так как хорошо все помню. Но этот предмет потребует свободного времени.

— Так пойдем, — отвечаю, — в дом пообедать, а потом распорядимся временем по своему усмотрению.

— Хорошо, — сказал он.

Таким образом, мы вошли в дом и стали обедать.

После обеда мы вернулись на то же место, уселись на той же скамейке и приказали слугам, чтобы нам никто не мешал. Затем я и Петр Эгидий уговариваем Рафаила ис-

полнить его обещание. Когда он заметил наше напряженное внимание и сильное желание послушать, то, посидев некоторое время молча и в раздумье, начал следующим образом.

ВТОРАЯ КНИГА

Беседа, которую вел Рафаил Гитлодей, о наилучшем состоянии государства, в передаче лондонского гражданина и виконта Томаса Мора

Остров утопийцев в средней своей части, где он всего шире, простирается на двести миль, затем на значительном протяжении эта ширина немного уменьшается, а в направлении к концам остров с обеих сторон мало-помалу суживается. Если бы эти концы можно было обвести циркулем, то получилась бы окружность в пятьсот миль. Они придают острову вид нарождающегося месяца. Рога его разделены заливом, имеющим протяжение приблизительно в одиннадцать миль. На всем этом огромном расстоянии вода, окруженная со всех сторон землей, защищена от ветров наподобие большого озера, скорее стоячего, чем бурного; а почти вся внутренняя часть этой страны служит гаванью, рассылающей, к большой выгоде людей, по всем направлениям корабли. Вход в залив очень опасен из-за мелей с одной стороны и утесов — с другой. Почти на середине этого расстояния находится одна скала, которая выступает из воды, вследствие чего она не может принести вреда. На ней выстроена башня, занятая караулом. Остальные скалы скрыты под волнами и губительны. Проходы между ними известны только утопийцам, и поэтому незря устроено так, что всякий иностранец может проникнуть в залив только с проводником от них. Впрочем, и для

самых утопийцев вход не лишен опасности без некоторых сигналов, направляющих путь к берегу. Если перенести их в другие места, то легко можно погубить какой угодно по численности неприятельский флот. На другой стороне острова гавани встречаются довольно часто. Но повсюду спуск на берег настолько укреплен природою или искусством, что немногие защитники со стороны суши могут отразить огромные войска.

Впрочем, как говорят предания и как показывает самый облик земли, эта страна когда-то не была окружена морем. Но Утоп, чье победоносное имя носит остров (раньше этого он назывался Абракса¹), сразу же при первом прибытии после победы распорядился прорыть пятнадцать миль, на протяжении которых страна прилежала к материку, и провел море вокруг земли; этот же Утоп довел грубый и дикий народ до такой степени культуры и образованности, что теперь они почти превосходят в этом отношении прочих смертных. Не желая, чтобы упомянутая работа считалась позорной, Утоп привлек к ней не только жителей, но, кроме того, и своих солдат. При распределении труда между таким множеством людей он был закончен с невероятной быстротой. Этот успех изумил и поразили ужасом соседей, которые вначале смеялись над бесполезностью предприятия.

На острове пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково; одинакова повсюду и внешность, насколько это допускает местность. Самые близкие из них отстоят друг от друга на двадцать четыре мили. С другой стороны, ни один город не является настолько уединенным, чтобы из него нельзя было добраться до другого пешком за один день.

¹ Абракса — в коптском языке: «священное имя».

Из каждого города три старых и опытных гражданина ежегодно собираются в Амауроте для обсуждения общих дел острова. Город Амаурот считается первым и главенствующим, так как, находясь в центре страны, он по своему расположению удобен для представителей всех областей. Поля распределены между городами так удачно, что каждый в отдельности не имеет ни с какой стороны менее двадцати миль земли, а с одной стороны даже и значительно больше, именно с той, где города дальше всего разъединены друг с другом. Ни у одного города нет желания раздвинуть свои пределы, так как жители его считают себя скорее земледельцами, чем господами этих владений.

В деревне на всех полях имеются удобно расположенные дома, снабженные сельскохозяйственными орудиями.

В домах этих живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек — мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов.

Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые, а во главе каждого тридцати семейств — один филарх. Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, что пробыли в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали прожившие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве; эти приезжие на следующий год должны учить других, чтобы в снабжении хлебом не произошло какой-либо заминки, если все одинаково будут новичками и несведущими в земледелии.

Хотя этот способ обновления земледельцев является общепринятым, чтобы никому не приходилось против воли слишком долго подряд вести суровую жизнь, однако многие имеющие природную склонность к деревенской

жизни, выпрашивают себе большее число лет. Земледельцы обрабатывают землю, кормят скот, заготавливают дрова и отвозят их в город каким удобно путем — по суше или по морю. Цыплят они выращивают в беспредельном количестве, с изумительным уменьем. Они не подкладывают под курицу яиц, но согревают большое количество их равномерной теплотою и таким образом оживляют и выращивают. Едва лишь цыплята вылупятся из скорлупы, как уже бегают за людьми, словно за матками, и признают их. Лошадей они держат очень немногих, при этом только ретивых и исключительно для упражнения молодежи в верховой езде. Весь труд по земледелию или перевозке несут быки. Утопийцы признают, что они уступают лошадям в рыси, но, с другой стороны, берут над ними верх выносливостью; кроме того, они не считают быков подверженными многим болезням, и содержание их стоит меньших затрат и расходов.

Зерно они сеют только ради хлеба, а вино пьют или виноградное, или грушевое, или, наконец, иногда чистую воду, часто также отвар меда или солодкового корня, которого у них немалое количество. Хотя они определяют (и делают это весьма точно), сколько хлеба потребляет город и прилегающий к нему округ, однако они и посевы делают, и скот выращивают в гораздо большем количестве, чем это требуется для их нужд, имея в виду поделиться остатком с соседями. Все, что им нужно и чего нет в деревне, все подобные предметы они просят у города и получают от тамошних властей очень легко, без какого-либо обмена. В город они сходятся каждый месяц на праздник. Когда настанет день уборки урожая, то филархи земледельцев сообщают городским властям, какое количество граждан надо им прислать; так как эта толпа работников является вовремя к самому сроку, то они почти в один ясный день справляются со всей уборкой.

О городах и преимущественно об Амауроте

Кто узнает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии: до такой степени сильно похожи все они друг на друга, поскольку этому не мешает природа местности. Поэтому я изображу один какой-либо город (да и не очень важно, какой именно). Но какой же другой предпочтительнее Амаурота? Ни один город не представляется достойнее его, так как остальные уступают ему, как местопребыванию сената; вместе с тем ни один город не знаком мне более его, потому что я прожил в нем пять лет подряд.

Так вот Амаурот расположен на отлогом скате горы и по форме представляет почти квадрат. Именно, начинаясь несколько ниже вершины холма, он простирается в ширину на две мили до реки Анидра, а вдоль берега ее длина города несколько больше.

Анидр начинается в восьмидесяти милях выше Амаурота, из небольшого родника; но, усиленный от притока других рек, в числе их двух даже средней величины, он перед самым городом расширяется до полумили, а затем, увеличившись еще более, он протекает шестьдесят миль и впадает в океан. На всем этом протяжении между городом и морем и даже на несколько миль выше города на быстрой реке каждые шесть часов чередуются прилив и отлив. Во время прилива море оттесняет реку назад и заполняет все русло Анидра своими волнами на тридцать миль в длину. Тут и несколько дальше оно портит соленой водой струи реки; затем она мало-помалу становится пресной, протекает по городу неиспорченной и, будучи чистой и без примесей, почти у самого устья догоняет, в свою очередь, сбывающую воду.

С противоположным берегом реки город соединен мостом не на деревянных столбах и сваях, а на прекрас-

ных каменных арках. Мост устроен с той стороны, которая дальше всего отстоит от моря, так что корабли могут без вреда проходить мимо всей этой части города. Есть там, кроме того, и другая река, правда, небольшая, но очень тихая и привлекательная. Зарождаясь на той же самой горе, на которой расположен город, она протекает по склонам посредине его и соединяется с Анидром. Так как она начинается недалеко за городом, жители Амаурота соединили ее с ним, охватив укреплениями, чтобы в случае какого-либо вражеского нашествия воду нельзя было ни перехватить, ни отвести, ни испортить. Отсюда по кирпичным трубам вода стекает в различных направлениях к нижним частям города. Там, где местность не позволяет устроить этого, собирают в объемистые цистерны дождевую воду, приносящую такую же пользу.

Город опоясан высокой и широкой стеной с частыми башнями и бойницами. С трех сторон укрепления окружены сухим рвом, но широким, глубоким и заросшим огородами из терновника; с четвертой стороны ров заменяет сама река. Расположение площадей удобно как для проезда, так и для защиты от ветров. Здания отнюдь не грязны. Длинный и непрерывный ряд их во всю улицу бросается в глаза зрителю обращенными к нему фасадами. Эти фасады разделяет улица в двадцать футов ширины. К задним частям домов на всем протяжении улицы прилегает сад, широкий и отовсюду загороженный задами улиц. Нет ни одного дома, у которого бы не было двух дверей: спереди — на улицу и сзади — в сад. Двери двустворчатые, скоро открываются при легком нажиме и затем, затворяясь сами, впускают кого угодно — до такой степени у утопийцев устранена частная собственность. Даже самые дома они каждые десять лет меняют по жребию.

Сады они ценят высоко. Здесь имеются виноград, плоды, травы, цветы; все содержится в таком блестящем

виде и так возделано, что нигде не видал я большего плодородия, большего изящества. В этом отношении усердие их разжигается не только самым удовольствием, но и взаимным соревнованием улиц об уходе каждой за своим садом. И во всяком случае нелегко можно найти в целом городе что-либо более пригодное для пользы граждан или для удовольствия. Поэтому основатель города ни о чем, по-видимому, не заботился в такой степени, как об этих садах.

Именно, как говорят, весь этот план города уже с самого начала начертан был Утопом. Но украшение и прочее убранство, — для чего, как он видел, не хватит жизни одного человека, — он оставил добавить потомкам. Поэтому в их летописях, которые они сохраняют в старательной и тщательной записи, начиная с взятия острова, за период времени в 1760 лет, сказано, что дома были первоначально низкие, напоминавшие хижины и шалаши, делались без разбора из всякого дерева, стены обмазывались глиной, крыши сводились кверху острием и были соломенные. А теперь каждый дом бросается в глаза своей формой и имеет три этажа.

Стены построены снаружи из камня, песчаника или кирпича, а внутри полые места засыпаны щебнем.

Крыши выведены плоские и покрыты какой-то замазкой, ничего не стоящей, но такого состава, что она не поддается огню, а по сопротивлению бурям превосходит свинец.

Окна от ветров защищены стеклом, которое там в очень большом ходу¹, а иногда также тонким полотном, смазанным прозрачным маслом или янтарем, что представляет двойную выгоду: именно таким образом они пропускают больше света и менее доступны ветрам.

¹ Во времена Мора стеклянные окна были только в домах богатых людей.

О должностных лицах

Каждые тридцать семейств избирают себе ежегодно должностное лицо, именуемое на их прежнем языке сифогрантом, а на новом — филархом. Во главе десяти сифогрантов с их семействами стоит человек, называемый по старинному транибор, а ныне протофиларх.

Все сифогранты, числом двести, после клятвы, что они выберут того, кого признают наиболее пригодным, тайным голосованием намечают князя, именно — одного из тех четырех кандидатов, которых им предложил народ. Каждая четвертая часть города избирает одного и рекомендует его сенату. Должность князя несменяема в течение всей его жизни, если этому не помешает подозрение в стремлении к тирании. Траниборов они избирают ежегодно, но не меняют их зря. Все остальные должностные лица избираются только на год. Траниборы каждые три дня, а иногда, если потребуют обстоятельства, и чаще, ходят на совещания с князем. Они совещаются о делах общественных и своевременно прекращают, если какие есть, частные споры, которых там чрезвычайно мало. Из сифогрантов постоянно допускаются в сенат двое, и всякий день различные. Имеется постановление, чтобы из дел, касающихся республики, ни одно не приводилось в исполнение, если оно не подвергалось обсуждению в сенате за три дня до принятия решения. Уголовным преступлением считается принимать решения по общественным делам помимо сената или народного собрания. Эта мера, говорят, принята с тою целью, чтобы нелегко было переменить государственный строй путем заговора князя с траниборами и угнетения народа тиранией. Поэтому всякое дело, представляющее значительную важность, докладывается собранию сифогрантов, которые сообщают его семействам своего отдела, а затем совещаются между собою и свое решение

сообщают сенату. Иногда дело переносится на собрание всего острова. Сенат имеет сверх того и такой обычай, что ни одно из предложений не подвергается обсуждению в тот день, когда оно впервые внесено, но откладывается до следующего заседания сената, чтобы никто не болтал зря первое, что ему взбредет на ум, ибо потом он будет более думать о том, как подкрепить свое первое решение, а не о пользе государства; извращенный и ложный стыд заставит его пожертвовать скорее общественным благом, нежели мнением о себе, что якобы вначале он мало позаботился о том, о чем ему надлежало позаботиться, а именно — говорить лучше обдуманно, чем быстро.

О занятии ремеслами

У всех мужчин и женщин есть одно общее занятие — земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства, отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти же на ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как там они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают.

Кроме земледелия (которым, как я сказал, занимаются все), каждый изучает какое-либо одно ремесло как специальное. Это обыкновенно или пряжа шерсти, или выделка льна, или ремесло каменщиков, или рабочих по металлу и по дереву. Можно сказать, что кроме перечисленных нет никакого иного занятия, которое имело бы у них значение, достойное упоминания. Что же касается одежды, то за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к

холоду и жаре. И вот эту одежду каждая семья приготовляет себе сама. Но из других ремесел всякий изучает какое-либо, и притом не только мужчины, но также и женщины. Впрочем, эти последние, как более слабые, имеют более легкие занятия: они обычно обрабатывают шерсть и лен. Мужчинам поручаются остальные ремесла, более трудные. По большей части каждый вырастает, участь отцовскому ремеслу: к нему большинство питает склонность от природы. Но если кто имеет влечение к другому занятию, то такого человека путем усыновления переводят в какое-либо семейство, к ремеслу которого он питает любовь; при этом не только отец этого лица, но и власти заботятся о том, чтобы передать его солидному и благородному отцу семейства. Кроме того, если кто, изучив одно ремесло, пожелает еще и другого, то получает на это позволение тем же самым способом. Овладев обоими, он занимается, которым хочет, если государство не нуждается скорее в каком-либо одном.

Главное и почти исключительное занятие сифогрантов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом, но не с раннего утра и до поздней ночи и не утомлялся подобно скоту. Такой тяжелый труд превосходит даже долю рабов, но подобную жизнь и ведут рабочие почти повсюду, кроме утопийцев. А они делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть: три до полудня, после чего идут обедать; затем, отдохнув после обеда в течение двух послеполуденных часов, они опять продолжают работу в течение трех часов и заканчивают ее ужином. Так как они считают первый час, начиная с полудня, то около восьми идут спать; сон требует восемь часов. Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, что-

бы злоупотреблять им в излишествах или лени, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему разумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам. Они имеют обыкновение устраивать ежедневно в предрассветные часы публичные лекции; участвовать в них обязаны только те, кто специально отобран для занятий науками. Кроме них, как мужчины, так и женщины всякого звания огромной толпой стекаются для слушания подобных лекций, одни — одних, другие — других, сообразно с естественным влечением каждого. Впрочем, если кто предпочтет посвятить это время своему ремеслу, — а это случается со многими, у кого нет стремления к проникновению в какую-либо науку, — то в этом никто ему не мешает; мало того, такое лицо даже получает похвалу, как приносящее пользу государству.

После ужина они проводят один час в забавах: летом в садах, а зимой в тех общих залах, где совместно кушают. Там они или занимаются музыкой, или отдыхают за разговорами. Что касается игры в кости и других нелепых и гибельных забав подобного рода, то они даже не известны утопийцам. Впрочем, у них имеются в ходу две игры, более или менее похожие на игру в шашки: одна — это бой чисел, где одно число ловит другое; другая — в которой пороки в боевом порядке борются с добродетелями. В этой игре в высшей степени умело указывается и раздор пороков между собою, и согласие их в борьбе с добродетелями, а также то, какие пороки каким добродетелям противопоставляются, с какими силами они оказывают открытое сопротивление, с какими ухищрениями нападают искоса, с помощью чего добродетели ослабляют силы пороков, какими искусствами уклоняются они от их нападений и, наконец, каким способом та или другая сторона одерживает победу.

Но тут, во избежание дальнейших недоразумений, необходимо более пристально рассмотреть один вопрос. Именно, если только шесть часов уходят на работу, то отсюда можно, пожалуй, вывести предположение, что следствием этого является известный недостаток в предметах первой необходимости. Но в действительности этого отнюдь нет; мало того, такое количество времени не только вполне достаточно для запаса всем необходимым для жизни и ее удобств, но дает даже известный остаток. Это будет понятно и вам, если только вы поглубже вдумаетесь, какая огромная часть населения у других народов живет без дела: во-первых, почти все женщины — половина общей массы, а если где женщины заняты работой, то там обычно взамен их храпят мужчины. Вдобавок к этому, какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые чернецы! Прикинь сюда всех богачей, особенно владельцев поместий, которых обычно именуют благородными и знатью; причисли к ним челядь, именно — весь этот сброд ливрейных бездельников; присоедини, наконец, крепких и сильных нищих, предающихся праздности под предлогом какой-либо болезни, и в результате тебе придется признать, что число тех, чьим трудом создается все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты думал. Поразмысли теперь, сколь немногие из этих лиц заняты необходимыми ремеслами; именно, раз мы все меряем на деньги, то неизбежно должны находить себе применение многие занятия, совершенно пустые и излишние, служащие только роскоши и похоти. Действительно, если бы эту самую толпу, которая теперь занята работой, распределить по тем столь немногим ремеслам, сколь немного требуется их для надлежащего удовлетворения потребностей природы, то при таком обильном производстве, которое неизбежно должно отсюда возникнуть, цены на

труд, понятно, стали бы гораздо ниже того, что нужно рабочим для поддержки своего существования. Но возьмем всех тех лиц, которые заняты теперь бесполезными ремеслами, и вдобавок всю эту изнывающую от безделья и праздности массу людей, каждый из которых потребляет столько продуктов, производимых трудами других, сколько нужно их для двух изготовителей этих продуктов; так вот, повторяю, если всю совокупность этих лиц, поставить на работу, и притом полезную, то можно легко заметить, как немного времени нужно было бы для приготовления в достаточном количестве и даже с избытком всего того, что требуют принципы пользы или удобства (прибавь также — и удовольствия, но только настоящего и естественного).

Очевидность этого подтверждается в Утопии самой действительностью. Именно там в целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифогранты, которые хотя имеют по закону право не работать, однако не избавляют себя от труда, желая своим примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук. Если кто из этих лиц обманет возложенную на него надежду, то его удаляют обратно к ремесленникам. И, наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых.

Из этого сословия ученых выбирают послов, духовенство, траниборов и, наконец, самого главу государства, ко-

того на старинном своем языке они именуют барзаном¹, а на новом адемом². Так как почти вся прочая масса не пребывает в праздности и занята небесполезными ремеслами, то легко можно рассчитать, сколько хороших предметов создадут они и в какое небольшое количество часов.

К приведенным мною соображениям присоединяется еще то преимущество, что большинство необходимых ремесел берет у них гораздо меньшее количество труда, чем у других народов. Так, прежде всего постройка или ремонт зданий требуют везде непрерывного труда очень многих лиц, потому что малобережливый наследник допускает постепенное разрушение воздвигнутого отцом. Таким образом, то, что можно было сохранить с минимальными издержками, преемник должен восстанавливать заново и с большими затратами. Мало того, часто человек с избалованным вкусом пренебрегает домом, стоившим другому огромных издержек, а когда этот дом, оставленный без ремонта, в короткое время разваливается, то владелец строит себе в другом месте другой, с не меньшими затратами. У утопийцев же, у которых все находится в порядке и государство отличается благоустройством, очень редко приходится выбирать новый участок для постройки домов; рабочие не только быстро исправляют уже имеющиеся повреждения, но даже предупреждают еще только грозящие. Поэтому при малейшей затрате труда здания сохраняются на очень долгое время, и работники этого рода иногда с трудом находят себе предмет для занятий, если не считать того, что они получают приказ временно рубить материал на дому и обтесывать и полировать камни, чтобы, если случится какое задание, оно могло быстро осуществиться.

¹ Барзан — в иранских языках: *высокий*.

² Адем — изобретенное Т. Мором название главы государства от греч. *демос, народ* и отрицательной частицы «а», т.е. глава государства несуществующего народа.

Далее, обрати внимание на то, какое небольшое количество труда нужно утопийцам для изготовления себе одежды. Во-первых, пока они находятся на работе, они небрежно покрываются кожей или шкурами, которых может хватить на семь лет. Когда они выходят на улицу, то надевают сверху длинный плащ, прикрывающий упомянутую грубую одежду. Цвет этого плаща одинаков на всем острове, и притом это естественный цвет шерсти. Поэтому сукна у них идет не только гораздо меньше, чем где-либо в другом месте, но и изготовление его требует гораздо меньше издержек. На обработку льна труда уходит еще меньше, и потому этот материал имеет гораздо большее применение. Но в полотне они принимают во внимание исключительно чистоту. Более тонкая выделка не имеет никакой цены. В результате этого у них каждый довольствуется одним платьем, и притом обычно на два года, в других же местах одному человеку не хватает четырех или пяти верхних шерстяных одежд, да еще разноцветных, а вдобавок требуется столько же шелковых рубашек, иным же неженкам мало и десяти. Для утопийца нет никаких оснований претендовать на большее количество платья: добившись его, он не получит большей защиты от холода, и его одежда не будет ни на волос наряднее других.

Отсюда, так как все они заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, то в итоге у них получается изобилие во всем. Вследствие этого огромной массе населения приходится иногда отправляться за город для починки дорог, если они избиты. Очень часто также, когда не встречается надобности ни в какой подобной работе, государство объявляет меньшее количество рабочих часов. Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излишним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зре-

ния общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни.

О взаимном общении

Однако, по моему мнению, пора уже изложить, как общаются отдельные граждане друг с другом, каковы взаимоотношения у всего народа и как распределяются у них все предметы. Так как город состоит из семейств, то эти семейства в огромном большинстве случаев создаются родством. Женщины, придя в надлежащий возраст и вступив в брак, переселяются в дом мужа. А дети мужского пола и затем внуки остаются в семействе и повинуются старейшему из родственников, если только его умственные способности не ослабели от старости. Тогда его заменяет следующий по возрасту.

Во избежание чрезмерного малолюдства городов или их излишнего роста принимается такая мера предосторожности: каждое семейство, число которых во всяком городе, помимо его округа, состоит из шести тысяч, не должно заключать в себе меньше десяти и более шестидцати взрослых. Что касается детей, то число их не подвергается никакому учету. Эти размеры легко соблюдаются путем перечисления в менее людные семейства тех, кто является излишним в очень больших. Если же переполнение города вообще перейдет надлежащие пределы, то утопийцы наверстывают безлюдье других своих городов. Ну, а если народная масса увеличится более надлежащего на всем острове, то они выбирают граждан из всякого города и устраивают по своим законам колонию на ближайшем материке, где только у туземцев имеется излишек земли, и притом свободной от обработки; при этом

утопийцы призывают туземцев и спрашивают, хотят ли те жить вместе с ними. В случае согласия утопийцы легко сливаются с ними, используя свой уклад жизни и обычаи; и это служит ко благу того и другого народа. Своими порядками утопийцы достигают того, что та земля, которая казалась раньше одним скупой и скудной, является богатой для всех. В случае отказа жить по их законам утопийцы отгоняют туземцев от тех пределов, которые избирают себе сами. В случае сопротивления они вступают в войну. Утопийцы признают вполне справедливой причиной для войны тот случай, когда какой-либо народ, владея попусту и понапрасну такой территорией, которой не пользуется сам, отказывается все же в пользовании и обладании ею другим, которые по закону природы должны питаться от нее. Если какой-нибудь несчастный случай уменьшает население собственных городов утопийцев до такой степени, что его нельзя восстановить из других частей острова при сохранении надлежащих размеров для каждого города (а это, говорят, было только дважды за все время — от свирепой и жестокой чумы), то такой город восполняется обратным переселением граждан из колонии. Утопийцы дают лучше погибнуть колониям, чем ослабнуть какому-либо из островных городов.

Но возвращаюсь к совместной жизни граждан. Как я уже сказал, во главе семейства стоит старейший. Жены прислуживают мужьям, дети родителям и вообще младшие старшим. Каждый город разделен на четыре равные части. Посредине каждой части имеется рынок со всякими постройками. Туда, в определенные дома, свозятся предметы производства каждого семейства, и отдельные виды их распределяются в розницу по складам. В них каждый отец семейства просит того, что нужно ему и его близким, и без денег, совершенно без всякой уплаты, уносит все, что ни попросит. Да и зачем ему отказывать в чем-

либо? Ведь, во-первых, все имеется в достаточном изобилии, а во-вторых, не может быть никакого опасения, что кто-либо пожелает потребовать больше, чем нужно. Зачем предполагать, что лишнего попросит тот, кто уверен, что у него никогда ни в чем не будет недостатка? Действительно, у всякого рода живых существ жадность и хищность возникают или от боязни нужды, или, у человека только, от гордости, вменяющей себе в достоинство превзойти прочих излишним хвастовством своим имуществом. Порок такого рода совершенно не имеет места среди обычных утопийцев.

К упомянутым мною рынкам присоединены рынки для съестных припасов, куда свозятся не только овощи, древесные плоды и хлеб, но также рыба и все съедобные части четвероногих и птиц, для чего за городом устроены особые места, где речная вода смывает гниль и грязь. Оттуда привозят скот, после того как слуги убьют его и снимут шкуру. Утопийцы не позволяют своим согражданам свежевать скот, потому что от этого, по их мнению, мало-помалу исчезает милосердие, самое человеческое чувство нашей природы. Затем они не дают ввозить в город ничего нечистого и грязного, гниение чего портит воздух и может навлечь болезнь.

Кроме того, на всякой улице имеются поместительные дворцы, отстоящие друг от друга на равном расстоянии; каждый из них известен под особым именем. В них живут сифогранты. К каждому из этих дворцов приписаны тридцать семейств, именно — по пятнадцати с той и другой стороны. Тут эти семьи должны обедать. Заведующие кухней каждого дворца в определенный час собираются на рынок и получают пищу согласно указанному ими числу своих едоков.

Но в первую очередь принимаются во внимание больные, которые лечатся в общественных госпиталях. У уто-

пийцев имеются четыре больницы за стенами города, в небольшом от них расстоянии, настолько обширные, что их можно приравнять к стольким же слободам. Цель этого, с одной стороны, та, чтобы не размещать больных, в каком бы большом количестве они ни были, тесно и вследствие этого неудобно, а с другой — та, чтобы одержимые такой болезнью, которая может передаваться от одного к другому путем прикосновения, могли быть дальше отделены от общения с другими. Эти больницы прекрасно устроены и преисполнены всем нужным для восстановления здоровья; уход в них применяется самый нежный и усердный; наиболее опытные врачи присутствуют там постоянно. Поэтому хотя никого не посылают туда насильно, но нет почти никого в целом городе, кто, страдая каким-либо недугом, не предпочел бы лежать там, а не у себя дома. Когда заведующий кухней больных получит пищу согласно предписанию врачей, то затем все лучшее распределяется равномерно между дворцами сообразно числу едоков каждого. Кроме этого, принимаются во внимание князь, первосвященник, траниборы, а также послы и все иностранцы (если таковые находятся, а они бывают вообще в малом количестве и редко; но когда появляются, то для них также готовят определенные и оборудованные жилища). В эти дворцы в установленные часы для обеда и ужина собирается вся сифогрантия, созываемая звуками медной трубы. Исключение составляют только больные, лежащие в госпиталях или дома. Правда, никому не запрещается по удовлетворении дворцов просить с рынка пищу на дом. Утопийцы знают, что никто не сделает этого зря. Действительно, хотя никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце, отстоящем так близко, готова роскошная и обильная. В этом дворце все работы, требующие не-

сколько большей грязи и труда, исполняются рабами. Но обязанность варки и приготовления пищи и всего вообще оборудования обеда лежит на одних только женщинах, именно — из каждого семейства поочередно. За обедом садятся за тремя или за большим количеством столов, сообразно числу кушающих; мужчины помещаются с внутренней стороны стола, у стены, а женщины напротив, чтобы, если с ними случится какая-либо неожиданная беда (а это бывает иногда с беременными), они могли встать, не нарушая рядов, и уйти оттуда к кормилицам.

Эти последние сидят отдельно с грудными детьми в особой назначенной для того столовой, где всегда имеется огонь и чистая вода, а иногда и люльки, чтобы можно было положить туда младенцев, и, в случае их желания, при огне освободить их от пеленок и дать им отдохнуть на свободе и среди игр. Каждая мать сама кормит ребенка, если не помешает смерть или болезнь. Когда это случается, то жены сифогрантов разыскивают кормилицу, да это и нетрудно: женщины, могущие исполнить эту обязанность, берутся за нее охотнее, чем за всякую другую, потому что все хвалят такую особу за ее сострадание, и питомец признает кормилицу матерью. В убежище кормилиц сидят все дети, которым не исполнилось еще пяти лет. Что касается прочих несовершеннолетних, в числе которых считают всех лиц того или другого пола, не достигших еще брачного возраста, то они или прислуживают сидящим, или, если не могут этого по своим летам, все же стоят тут, и притом в глубоком молчании. И те, и другие питаются тем, что им дадут сидящие, и не имеют иного отдельного времени для еды. Место в середине первого стола считается наивысшим, и с него, так как этот стол поставлен поперек в крайней части столовой, видно все собрание. Здесь сидят сифогрант и его жена. С ними помещаются двое старейших, так как за всеми столами сидят по четверо. А если в этой

сифогрантии есть храм, то священник и его жена садятся с сифогрантом, так что являются председательствующими. С той и другой стороны размещается молодежь; затем опять старики; и, значит, таким образом во всем доме ровесники соединены друг с другом и вместе с тем слиты с людьми противоположного возраста. Причина этого обычая, говорят, следующая: так как за столом нельзя ни сделать, ни сказать ничего такого, что ускользало бы от всеместного внимания старцев, то, в силу своей серьезности и внушаемого ими уважения, они могут удержать младших от непристойной резкости в словах или движениях. Блюда с едой подаются не подряд, начиная с первого места, а каждым лучшим кушаньем обносят прежде всего всех старейших, места которых особо отмечены, а потом этим блюдом в равных долях обслуживают остальных. А старцы раздают по своему усмотрению сидящим вокруг свои лакомства, если запас их не так велик, чтобы их можно было распределить вдоволь по всему дому. Таким образом, и за пожилыми сохраняется принадлежащий им почет, и, тем не менее, их преимущества постольку же доступны всем.

Каждый обед и ужин начинается с какого-либо нравоучительного чтения, но все же краткого, чтобы не надоесть. После него старшие заводят приличный разговор, однако не печальный и не лишенный остроумия. Но они отнюдь не занимают все время еды длинными рассуждениями; наоборот, они охотно слушают и юношей и даже нарочно вызывают их на беседу. Они хотят через это узнать способности и талантливость каждого, проявляющиеся в непринужденном застольном общении. Обеды бывают довольно кратки, а ужины — подольше, так как за первыми следует труд, а за вторыми сон и ночной покой, который, по мнению утопийцев, более действителен для здорового пищеварения. Ни один ужин не проходит без

музыки; ни один десерт не лишен сладостей. Они зажигают курения, распыскивают духи и вообще делают все, что может создать за едой веселое настроение. Они особенно охотно разделяют то мнение, что не нужно запрещать ни один род удовольствия, лишь бы из него не вытекало какой-либо неприятности.

Так устроена их совместная жизнь в городах; а в деревнях, где семьи удалены дальше друг от друга, каждая из них ест дома. Никто не испытывает никаких продовольственных затруднений, так как из деревни идет все то, чем питаются горожане.

О путешествиях утопийцев

Если у кого появится желание повидаться с друзьями, живущими в другом городе, или просто посмотреть на самую местность, то такие лица легко получают на это дозволение от своих сифогрантов и траниборов, если в них не встречается никакой надобности. Они отправляются одновременно с письмом от князя, свидетельствующим о позволении, данном на путешествие, и предписывающим день возвращения. Они получают повозку и государственного раба, чтобы погонять волов и ухаживать за ними. Но если среди путешественников нет женщин, то повозка, как бремя и помеха, отсылается обратно. Хотя на весь свой путь они ничего с собой не берут, у них все же ни в чем нет недостатка: они везде дома. Если они останавливаются в каком-либо месте долее одного дня, то каждый занимается там своим ремеслом и встречает самое радушное отношение со стороны работающих по тому же ремеслу. Если кто преступит свои пределы по собственному почину, то, пойманный без грамоты князя, он подвергается позорному обхождению: его возвращают как беглого и жестоко наказывают. Дерзнувший на то же вторично — обращается в рабство.

А если у кого появится охота побродить по окрестностям своего города, то он не встречает на то запрета, раз у него есть позволение отца и разрешение его супружеской половины. Но в какую бы деревню он ни пришел, он не получает никакой пищи, раньше чем не закончит предварительно полуденного рабочего задания (или вообще сколько там обычно делают до ужина). Под этим условием можно отправляться куда угодно в пределах владений своего города. Таким образом, он будет не менее полезен городу, чем если бы был в городе.

Вы видите теперь, до какой степени чужды им всякая возможность бездельничать, всякий предлог для лени. У них нет ни одной винной лавки, ни одной пивной; нет нигде публичного дома, никакого случая для разврата, ни одного притона, ни одного противозаконного сборища; но присутствие на глазах у всех создает необходимость проводить все время или в привычной работе, или в благопристойном отдыхе.

Неизбежным следствием таких порядков у этого народа является изобилие во всем, а так как оно равномерно простирается на всех, то в итоге никто не может быть нуждающимся или нищим.

Как только в амауротском сенате, который, как я сказал, ежегодно составляется из трех лиц от каждого города, станет известным, где и каких продуктов особенно много и, наоборот, что и где уродилось особенно скудно, то недостаток в одном месте немедленно восполняют обилием в другом. И утопийцы устраивают это бесплатно, не получая, в свою очередь, ничего от тех, кому дарят. Но то, что они дают из своих достатков какому-либо городу, не требуя от него ничего обратно, они получают в случае нужды от другого города без всякого вознаграждения. Таким образом, весь остров составляет как бы одно семейство.

Но когда они достаточно позаботятся о себе, — а это они признают выполненным не раньше, чем будет сделан запас на два года, ввиду неизвестности урожая следующего года, — из остающегося они вывозят в другие страны большое количество зерна, меда, шерсти, льна, леса, червца и пурпура, руна, воска, сала, кож и вдобавок еще животных. Седьмую часть всего этого они дарят неимущим жителям тех стран, а остальное продают за умеренную цену. В итоге этой торговли они увозят на родину не только те товары, в которых нуждаются дома (а таковых почти нет, кроме железа), но, кроме того, и большое количество золота и серебра. В силу продолжительности такого обычая утопийцы имеют повсюду эти драгоценности в превышающем вероятие количестве. Поэтому они теперь обращают мало внимания на то, как им продавать: на наличные деньги или в кредит, и держат гораздо большую часть денег в долговых обязательствах; при заключении их, однако, они, по окончании установленных обычаем формальностей, не требуют никогда поручительства частных лиц, но только всего города. Этот последний, как только настанет день уплаты, требует долг с частных лиц, вносит деньги в казну и пользуется процентами на этот капитал, пока утопийцы не попросят его обратно, а они в огромном большинстве случаев никогда не просят. Они не считают справедливым отнимать совершенно ненужную им вещь у тех, кому она нужна. Впрочем, они требуют деньги только в тех случаях, когда по стечению обстоятельств желают дать известную часть капитала другому народу или когда приходится вести войну. Для этого одного они берегут все те сокровища, которые держат дома, чтобы иметь в них поддержку или в крайней, или во внезапной опасности, а главным образом для того, чтобы за непомерную цену нанять иноземных солдат, которых они выставляют для борьбы охотнее, чем своих граждан. Утопийцы знают,

что за большие деньги можно обычно купить самих врагов, которые готовы на измену и даже на то, чтобы вступить в открытый бой друг с другом. В силу этого они хранят неоцененное сокровище, но, впрочем, не как таковое, а обходятся с ним так, что мне стыдно и рассказывать; к тому же я боюсь, что словам моим не поверят. Это опасение мое тем более основательно, что я сознаю, как трудно было бы заставить меня самого поверить этому, если бы я не видел этого лично, а только слышал от другого. Но это уже неизбежно: чем более какое-нибудь явление чуждо нравам слушателей, тем менее оно у них может вызывать доверие. Правда, и остальные учреждения утопийцев очень резко разнятся от наших; поэтому тот, кто благоразумно оценивает положение, будет, вероятно, меньше удивляться тому, что употребление золота и серебра приспособлено у них скорее к их собственным, чем к нашим обычаям. Действительно, они сами не пользуются деньгами, а хранят их на упомянутые нужды, которые могут случиться, а могут и никогда не случиться.

Между тем с золотом и серебром, из которых делаются деньги, они обходятся так, что никто не ценит их дороже, чем того заслуживает природа этих металлов. Кто не видит, насколько они ниже железа? Без него действительно люди не могут жить, так же как без огня и воды; между тем золоту и серебру природа не дала никакого применения, без которого нам трудно было бы обойтись, но людская глупость наделила их ценностью из-за редкости. Мало того, природа, как самая нежная мать, все наилучшее, например, воздух, воду и самую землю, поместила открыто, а суетное и не приносящее никакой пользы убрала очень далеко. Поэтому допустим, что утопийцы запрячут эти металлы в какую-нибудь башню; тогда, вследствие глупой изобретательности толпы, князь и сенат навлекут на себя подозрение, что хотят плутовски обмануть народ

и сами извлечь отсюда какую-нибудь выгоду. Предположим далее, что они станут искусно чеканить из этих металлов чаши и другие произведения в том же роде, а потом случайно понадобится опять расплавлять их и потратить на жалованье солдатам; тогда, разумеется, можно предвидеть, с каким трудом они позволили бы оторвать у себя то, что однажды начали считать своей утехой.

Для противодействия этому они придумали некое средство, соответствующее остальным их учреждениям, но весьма далекое от нас, которые так высоко ценят золото и так тщательно хранят его. Поэтому подобный образ действия может заслужить доверие только у испытывших его на опыте. Именно, утопийцы едят и пьют в скудельных сосудах из глины и стекла, правда, всегда изящных, но все же дешевых, а из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того из тех же металлов они вырабатывают цепи и массивные кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех опозоривших себя каким-либо преступлением в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь, и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески стараются о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре. В итоге другие народы дают на растерзание эти металлы с не меньшей болью, чем свою утробу, а среди утопийцев, если бы обстоятельства потребовали удаления всех этих зараз, никто, по-видимому, не почувствовал бы от этого для себя ни малейшего лишения.

Кроме того, они собирают на морских берегах жемчуг, а также кое-где по скалам алмазы и карбункулы, но, впрочем, не ищут их, а обдельывают, когда те попадутся случайно. Такими камнями утопийцы украшают малолеток; эти последние в первые годы детства кичатся и гордятся

подобными украшениями; но лишь только придут в возраст и заметят, что этими безделушками пользуются одни дети, так, без всякого внушения родителей, сами по чувству стыда оставляют их совершенно так же, как наши дети, подрастая, бросают орехи, амулеты и куклы. Такое различие порядка утопийцев по сравнению с другими народами создает и различное мировоззрение. Это стало особенно ясно для меня из того, что произошло с анемолийскими послами¹.

Они приехали в Амаурот при мне, и так как целью их прибытия были важные дела, то их приезду предшествовало собрание трех граждан из каждого города. Но все послы соседних племен, приезжавшие туда раньше, обычно являлись в самой скромной одежде, так как им были известны обычаи утопийцев, у которых не придавалось никакого почета пышному одеянию, шелк служил предметом презрения, а золото было даже позорным. Анемолийцы же жили особенно далеко и имели с утопийцами мало общения. Поэтому послы, узнав, что все утопийцы ходят в одной и той же одежде, и притом грубой, пришли к убеждению, что у утопийцев совсем нет того, чем они пользуются; поэтому анемолийцы, будучи скорее гордыми, чем умными, решили предстать в возможно блестящей обстановке, изображая из себя каких-то богов, и ослепить глаза несчастных утопийцев пышностью своего наряда. Таким образом, вступили три посла со ста спутниками, все в разноцветном одеянии, большинство в шелковом. Сами послы, принадлежавшие на родине к знати, имели златотканые плащи, большие цепи, золотые серьги, вдобавок золотые кольца на руках, и, сверх того, шляпы их были обвешены золотыми ожерельями, блиставшими жемчугом и дорогими камнями. Говоря короче, они были украшены всем тем,

¹ Анемолийский — от греч. *ветренный*, в переносном смысле, вероятно, бестелесный, мнимый.

что у утопийцев служило или наказанием для рабов, или признаком бесчестья для опозоренных, или безделушками для ребят. Поэтому стоило посмотреть, как анемолийцы петушились, когда сравнили свой наряд с одеянием утопийцев, которые массой высыпали на улицы. С другой стороны, не меньшим удовольствием было видеть, как сильно обманулись они в своих надеждах и ожиданиях и как далеко были они от того уважения, которого рассчитывали достигнуть. Именно, на взгляд всех утопийцев, за исключением весьма немногих, посещавших по какой-либо подходящей причине другие народы, вся эта блестящая обстановка представлялась позорной, и потому, почтительно приветствуя вместо господ всех низкопоставленных, они сочли самих послов по употреблению ими золотых цепей за рабов и пропустили их, не оказав им никакого уважения. Мало того, можно было наблюдать, как дети бросали жемчуг и дорогие камни, когда увидали их прикрепленными на шапках послов, и, толкая мать в бок, обращались к ней с такими словами:

— Вот, мама, какой большой остолоп, а все еще возится с жемчугом и блестящими камушками, как будто мальчишка!

А родительница отвечала также вполне серьезно:

— Молчи, сынок, это, думаю я, кто-нибудь из посольских шутов.

Другие осуждали упомянутые золотые цепи, говоря, что они ни на что не пригодны, так как настолько тонки, что раб может их легко разбить, а с другой стороны, настолько просторны, что, когда ему захочется, он может стряхнуть их и убежать куда угодно, развязанный и свободный.

Но, пробыв день-другой, послы увидели там огромное количество золота и заметили, что оно ценится утопийцами весьма дешево и находится у них в таком же презре-

нии, как у них самих в почете, и что, сверх того, на цепи и оковы одного беглого раба потрачено больше золота и серебра, чем сколько стоила вся пышность их троих. Поэтому у послов опустились крылья, и они со стыдом убрали весь тот наряд, которым так надменно кичились, особенно когда более дружески поговорили с утопийцами и узнали их обычаи и мнения. Именно, у утопийцев вызывает удивление следующее: как может кто-нибудь из смертных восхищаться сомнительным блеском небольшой жемчужинки или самоцветного камушка, раз такому человеку можно созерцать какую-нибудь звезду или, наконец, само солнце; затем может ли кто-нибудь быть настолько безумным, что вообразит себя более благородным из-за нитей более тонкой шерсти, раз эту самую шерсть, из каких бы тонких нитей она ни была, некогда носила овца и все же не была ничем другим, как овцой. Удивительно для утопийцев также и то, как золото, по своей природе столь бесполезное, теперь повсюду на земле ценится так, что сам человек, через которого и на пользу которого оно получило такую стоимость, ценится гораздо дешевле золота; и дело доходит до того, что какой-нибудь медный лоб, у которого ума не больше, чем у пня, и который столько же бесстыден, как и глуп, имеет у себя в рабстве многих умных и хороших людей исключительно по той причине, что ему досталась большая куча золотых монет; ну, а если судьба или какой-нибудь подвох законов (который нисколько не меньше самой судьбы способен поставить все вверх дном) перенесет эту кучу от упомянутого господина к самому презренному бездельнику из всей его челяди, то в результате, несколько позже, господин переходит в услужение к слуге, как привесок и придаток к деньгам. Но гораздо большее удивление и ненависть вызывает у утопийцев безумие того, кто воздает чуть не божеские почести богачам, которым он ничего не должен и ничем не обязан; он поступает так толь-

ко из уважения к их богатству и в то же время признает их в высшей степени жадными и скупыми и вернее верно понимает, что при жизни этих богачей из такой огромной кучи денег ему никогда не перепадет ни одного грошика.

Подобные мнения утопийцы отчасти усвоили из воспитания, так как выросли в такой стране, учреждения которой очень далеки от упомянутых нелепостей, а отчасти из учения и литературы. Правда, в каждом городе имеется лишь немного лиц, которые освобождены от прочих трудов и приставлены только к учению, это именно те, у кого с детства обнаружались прекрасные способности, выдающийся талант и призвание к полезным наукам, — но дети учатся все, и значительная часть народа, мужчины и женщины, проводит в учении те часы, когда, как сказано было раньше, они свободны от работ. Учебные предметы они изучают на своем языке. Он не беден словами, не лишен приятности для слуха и превосходит другие более верной передачей мыслей. Этот же язык, только везде в более испорченном виде, в разных местах по-разному, распространен в значительной части того мира.

До нашего прибытия они даже и не слыхивали обо всех тех философах, имена которых знамениты в настоящем известном нам мире. И все же в музыке, диалектике, науке счета и измерения они дошли почти до того же самого, как и наши древние (философы). Впрочем, если они во всем почти равняются с нашими древними, то далеко уступают изобретениям новых диалектиков. Именно, они не изобрели хотя бы одного правила из тех остроумных выдумок, которые здесь повсюду изучают дети в так называемой «Малой логике»¹, об ограничениях, расширениях и постановлениях. Далее, так называемые «вторые интенции» не только не подвергались у утопийцев достаточно-

¹ «Малая логика» — схоластический учебник логики XIII в., низко оцениваемый Т. Мором.

му обследованию, но никто из них не мог видеть так называемого «самого человека вообще», хотя, как вы знаете, это существо вполне колоссальное, больше любого гиганта, и мы даже пальцем на него можем показать. Зато утопийцы очень сведущи в течении светил и движении небесных тел. Мало того, они остроумно изобрели приборы различных форм, при помощи которых весьма точно улавляют движение и положение Солнца, Луны, а равно и прочих светил, видимых на их горизонте. Но они даже и во сне не грезят о содружествах и раздорах планет и обо всем вздоре гадания по звездам. По некоторым приметам, полученным путем продолжительного опыта, они предсказывают дожди, ветры и прочие изменения погоды. Что же касается причин всего этого, приливов морей, солёности их воды и вообще происхождения и природной сущности неба и мира, то они рассуждают об этом точно так же, как наши старые философы; отчасти же, как те расходятся друг с другом, так и утопийцы, приводя новые причины объяснения явлений, спорят друг с другом, не приходя, однако, во всем к согласию.

В том отделе философии, где речь идет о нравственности, их мнения совпадают с нашими: они рассуждают о благах духовных, телесных и внешних, затем о том, присуще ли название блага всем им или только духовным качествам. Они разбирают вопрос о добродетели и удовольствии. Но главным и первенствующим является у них спор о том, в чем именно заключается человеческое счастье, есть ли для него один источник или несколько. Однако в этом вопросе с большей охотой, чем справедливостью, они, по видимому, склоняются к мнению, защищающему удовольствию¹; в нем они полагают или исключительный, или пре-

¹ Речь идет о позиции эпикурейства, а конкретнее имеется в виду трактат Цицерона «О высшем благе и зле», терминология которого используется Т. Мором далее.

имущественный элемент человеческого счастья. И, что более удивительно, они ищут защиту такого щекотливого положения в религии, которая серьезна, сурова и обычно печальна и строга. Они никогда не разбирают вопроса о счастье, не соединяя некоторых положений, взятых из религии, с философией, прибегающей к доводам разума. Без них исследование вопроса об истинном счастье признается ими слабым и недостаточным. Эти положения следующие: душа бессмертна и по благодати божией рождена для счастья; наши добродетели и благодеяния после этой жизни ожидают награда, а позорные поступки — мучения. Хотя это относится к области религии, однако, по их мнению, дойти до верования в это и признания этого можно и путем разума. С устранением же этих положений они без всякого колебания провозглашают, что никто не может быть настолько глуп, чтобы не чувствовать стремления к удовольствию дозволенными и недозволенными средствами; надо остерегаться только того, чтобы меньшее удовольствие не помешало большему, и не добиваться такого, отплатой за которое является страдание. Они считают признаком полнейшего безумия гоняться за суровой и недоступной добродетелью и не только отстранять сладость жизни, но даже добровольно терпеть страдание, от которого нельзя ожидать никакой пользы, да и какая может быть польза, если после смерти ты не добьешься ничего, а настоящую жизнь провел всю без приятности, то есть несчастно. Но счастье, по их мнению, заключается не во всяком удовольствии, а только в честном и благородном. К нему, как к высшему благу, влечет нашу природу сама добродетель, которой одной только противная партия¹ усваивает счастье. Добродетель они определя-

¹ Противная партия — противники эпикурейцев философы-стоики, в своей этике предвосхищавшие христианский аскетизм.

ют как жизнь, согласную с законами природы; к этому мы назначены богом. Надо следовать тому влечению природы, которое повинуется разуму в решении вопроса, к чему надо стремиться и чего избегать. Разум прежде всего зажигает у людей любовь и уважение к величию божию, которому мы обязаны и тем, что существуем, и тем, что можем обладать счастьем. Во-вторых, разум настойчиво внушает нам и самим жить в возможно большем спокойствии и радости, и помогать всем прочим, по природной связи с ними, в достижении того же самого. Не было никогда ни одного столь сурового и строгого приверженца добродетели и ненавистника удовольствия, который бы советовал тебе только труды, бдения и суровость, не предлагая в то же время посильно облегчать нужду и неприятности других и не считая этого похвальным во имя человеколюбия. Нет добродетели, более присущей человеку, и ему особенно свойственно, чтобы один служил на благо и утешение другому, смягчал тягости других и возвращал их, уничтожив печаль, к приятности жизни, то есть к удовольствию. Если это так, то почему природе не внушать каждому делать то же самое и для себя?

Действительно, одно из двух: или приятная жизнь, то есть соединенная с удовольствием, дурна; если это так, ты не только не должен никому помогать в ней, но по мере сил исторгать ее у всех, как вредную и смертоносную; или, если советовать такую жизнь другим как хорошую тебе не только можно, но и должно, то почему этого не применить прежде всего к себе самому?

Тебе причислует быть не менее благосклонным к себе, чем к другим. Ведь если природа внушает тебе быть добрым к другим, то она не предлагает тебе быть суровым и немилосердным к себе самому. Поэтому, по их словам, сама природа предписывает нам приятную жизнь, то есть наслаждение как конечную цель всех наших действий; а

добродетель они определяют как жизнь, согласную с предписаниями природы. Она же приглашает смертных к взаимной поддержке для более радостной жизни. И в этом она поступает справедливо: нет никого стоящего настолько высоко над общим жребием человеческого рода, чтобы пользоваться исключительными заботами природы, которая одинаково благоволит ко всем, объединенным общностью одного и того же облика. Поэтому та же самая природа постоянно предлагает тебе следить за тем, чтобы действовать своим выгодам постольку, поскольку ты не причиняешь этим невыгод другим.

Следовательно, утопийцы признают необходимым соблюдать не только договоры, заключенные между частными лицами, но и общественные законы о распределении удобств жизни, то есть материала удовольствия, которые, руководясь правилами справедливости, опубликовал добрый государь или утвердил единодушным согласием народ, не угнетенный тиранией и не обманутый коварством. Заботиться о своей выгоде, не нарушая этих законов, есть требование благоразумия, а иметь в виду также и интересы общественные — твой долг. Похищать чужое удовольствие, домогаясь своего, несправедливо. Наоборот, отнять что-нибудь у себя самого, чтобы придать другим, есть исключительная обязанность человеколюбия и благожелательности; эта обязанность никогда не уносит нашей выгоды в такой мере, в какой возвращает ее. Подобная выгода возмещается взаимностью благодеяний, и самое сознание благодеяния и воспоминание о любви и расположении тех, кому ты оказал добро, приносят твоему сознанию больше удовольствия, чем то телесное наслаждение, от которого ты воздержался. Наконец, религия легко убеждает наше сознание, и оно охотно соглашается с этим, что за краткое и небольшое удовольствие Бог воздает огромной и никогда не преходящей радостью. На этом основании,

тщательно взвесив и обдумав предмет, утопийцы признают, что все наши действия, и в числе их сами добродетели, имеют в виду как конечную цель удовольствие и счастье.

Удовольствием называют они всякое движение и состояние тела и души, пребывая в которых мы получаем наслаждение по указанию природы. Прибавку о природном стремлении утопийцы делают не без основания. Приятным от природы считается все нижеследующее: то, к чему стремятся не путем обиды; то, ради чего не теряется другое, более приятное; то, что не причиняет страдания; то, чего ищут не только чувства, но и здравый разум, С другой стороны, есть удовольствия, несогласные с природой, которые люди в силу какого-то суетного общего соглашения представляют себе сладкими, как будто бы от человека зависело изменять одинаково предметы и их названия. Но утопийцы признают, что подобные удовольствия несколько не содействуют счастью. Наоборот, результатом их является то, что, у кого они раз укрепились, у того не остается места для истинных и неподдельных наслаждений, а вся духовная сущность его всецело подчинена ложному пониманию удовольствия. Есть, наконец, очень многое, что по своей природе не заключает никакой сладости и, наоборот, в значительной части содержит даже много горечи, но в силу извращенного соблазна безнравственных желаний считается не только высшим удовольствием, а даже признается главной основой жизни.

К числу подобных поддельных удовольствий утопийцы относят мнение тех людей, про которых я упомянул раньше: чем лучше на них одежда, тем лучшими людьми они себя воображают. В этом одном отношении они ошибаются вдвойне. Не менее лгут они и оттого, что считают свое платье лучшим, чем себя. Действительно, если стать на точку зрения полезности одежды, то почему более тонкая шерсть выше более толстой? Но эти люди все же пе-

тушатся и, как будто бы их превосходство имело под собою действительную основу, а не ошибку, считают, что и личная их оценка от этого несколько повышается; вследствие этого, словно с полным правом, они требуют для более изящного платья почета, на который никогда не дерзали бы одетые хуже, и приходят в негодование, если на них не обращают достаточного внимания.

Далее, не является ли признаком того же самого безумия и стремление к суетному и не приносящему никакой пользы почету? Действительно, какое естественное и истинное удовольствие может доставить то обстоятельство, что другое лицо обнажает пред тобою голову или преклоняет колена? Что ж, это излечит страдание твоих колен? Или исцелит безумие твоей головы? На этом же фоне поддельного удовольствия удивительно видеть, с каким наслаждением безумствуют те, кто заносится и гордится в силу мнения о своей знатности, так как этим людям выпало на долю родиться от таких предков, длинный ряд которых считался богатым, особенно земельной собственностью — ведь знатность теперь только в этом и заключается. Эта знатность в их глазах ни на волос не уменьшится, хотя бы предки ничего не оставили им из своих богатств или они сами промотали оставленное.

К этому же разряду утопийцы причисляют тех, кто, как я сказал, увлекается жемчугом и камушками и считает себя чуть не Богом, если ему удалось заполучить какой-нибудь выдающийся экземпляр, особенно такого рода, который в его время и в его среде имеет наибольшую стоимость. Ведь не у всех и не во всякое время ценятся одни и те же породы. Но они приобретают этот экземпляр не иначе, как без золотой оправы и в натуральном виде. Да и тут продавец должен дать клятву и представить залог, что эти жемчуг и камень настоящие. До такой степени эти покупатели озабочены тем, что их зрение будет обмануто фаль-

шивым камнем вместо настоящего. Но почему твоему взгляду искусственный камень доставит меньшее наслаждение, раз твой глаз не различает его от настоящего? Честное слово, оба они должны представлять для тебя такую же ценность, как для слепого. Далее, воспринимают ли настоящее удовольствие и не испытывают ли скорее обман от ложного те, что хранят излишние богатства, нисколько не пользуясь ими, а только наслаждаясь их созерцанием? Или те, что в силу противоположного порока прячут золото, которым никогда не собираются пользоваться и которого, может быть, никогда больше и не увидят? Тревожась, как бы не потерять его, они его теряют на самом деле. Действительно, как иначе назвать твой поступок, если ты отнимаешь у себя лично, а может быть, и у всех людей пользование этим золотом и вручаешь его земле? И вот, запрятав сокровище, ты вполне успокаиваешься и ликуешь от радости. Ну, а допустим, что кто-нибудь украдет это богатство и ты, не зная об этой краже, через десять лет умрешь; в течение десяти лет, которые ты прожил после воровства, какое тебе дело было до того, похищено ли твое золото или цело? И в том, и в другом случае тебе от него была одинаковая польза.

К этим столь нелепым наслаждениям утопийцы присоединяют игру в кости (это безумие известно им по слуху, а не по опыту), далее — охоту и птицеловство. Именно, они спрашивают: в чем состоит удовольствие бросать кости на доску? Так столько раз делал это, что если бы с этим было связано какое-нибудь удовольствие, то от неоднократного повторения могло бы все же возникнуть пресыщение? Или какую приятность, а не отвращение скорее, можно найти, слушая лай и вой собак? Или почему получается большее ощущение удовольствия, если собака гонится за зайцем, а не собака за собакой? В том и другом случае дело идет об одном и том же: они бегут, если

бег тебе доставляет наслаждение. А если тебя привлекает надежда видеть убийство, ожидание, что у тебя на глазах произойдет мучительная травля, то зрелище того, как собака раздерет зайчишку, более сильный — более слабого, свирепый — робкого и трусливого, наконец, жестокий — невинного, должно скорее вызвать сострадание. Поэтому все это занятие охотой, как дело, недостойное свободного человека, утопийцы подкинули мясникам, а мы сказали выше, что это искусство у них исполняют рабы. Утопийцы считают, что охота есть самая низменная сторона этого занятия, а остальные его стороны и более практичны, и более благородны, так как они приносят большую пользу и губят животных исключительно по необходимости; между тем охотник ищет в убийстве и травле бедного зверька только удовольствие. По мнению утопийцев, это неудержимое желание смотреть на убийство даже настоящих зверей или возникает в силу природной жестокости, или, при постоянном пользовании таким свирепым удовольствием, окончательно ожесточает человека. В этом и во всех подобных случаях — а их бесчисленное множество — толпа видит удовольствие, а утопийцы, не признавая в природе подобных явлений ничего приятного, решительно считают, что они не имеют ничего общего с истинным, удовольствием. Если эти явления в общем доставляют чувству приятность, что составляет задачу удовольствия, то это отнюдь не вынуждает утопийцев менять свое мнение. Они говорят, что причина этого кроется не в природных свойствах явления, а в извращенной привычке людей: по вине ее они принимают горькое за сладкое, уподобляясь беременным, испорченный вкус которых признает смолу и сало слаще меда. Однако ничье суждение, искаженное или болезнью, или привычкой, не может изменить природных свойств как других вещей, так и удовольствия.

Утопийцы допускают различные виды удовольствий, признаваемых ими за истинные; именно, одни относятся к духу, другие к телу. Духу приписывается понимание и наслаждение, возникающие от созерцания истины. Сюда же присоединяются приятное воспоминание о хорошо прожитой жизни и несомненная надежда на будущее блаженство. Телесные удовольствия разделяются на два вида. Первый — тот, который доставляет чувствам явную приятность. Это бывает при восстановлении того, что исчерпала находящаяся внутри нас теплота, — оно достигается пищей и питьем. Другой случай, когда удаляется то, обилие чего переполняет тело: это бывает, когда мы очищаем внутренности испражнениями, совершаем акт деторождения, успокаиваем зуд какого-либо органа трением или почесыванием. Иногда же удовольствие возникает без всякого возмещения того, чего требуют наши члены, и без освобождения их от страданий, но все же при очевидном движении оно щекочет, поражает и привлекает к себе наши чувства какой-то скрытой силой; это, например, доставляет нам музыка.

Другой вид телесного удовольствия заключается, по их мнению, в спокойном и находящемся в полном порядке состоянии тела: это — у каждого его здоровье, не нарушаемое никаким страданием. Действительно, если оно не связано ни с какою болью, то само по себе служит источником наслаждения, хотя бы на него не действовало никакое привлеченное извне удовольствие. Правда, оно не так заметно и дает чувствам меньше, чем ненасытное желание еды и питья; тем не менее, многие считают хорошее здоровье за величайшее из удовольствий. Почти все утопийцы признают здоровье большим удовольствием и, так сказать, основой и базисом всего: оно одно может создать спокойные и желательные условия жизни, а при отсутствии его не остается совершенно никакого места для удо-

вольствия. Полное отсутствие боли без наличия здоровья, во всяком случае, называется у них бесчувственностью, а не удовольствием. После оживленного обсуждения вопроса утопийцы давно уже отвергли мнение тех, кто предлагал не считать крепкое и безмятежное здоровье за удовольствие на том основании, что наличие его можно было бы заметить только при противоположном ощущении. Но теперь почти все они, наоборот, пришли единодушно к тому выводу, что здоровье особенно содействует удовольствию. Они рассуждают так: если с болезнью связано страдание, которое является таким же непримиримым врагом удовольствия, как болезнь — здоровья, то почему удовольствию, в свою очередь, не заключаться в безмятежном здоровье? По их мнению, в этом вопросе несколько не важно сказать, является ли болезнь страданием или страдание присуще болезни, так как в том и другом случае результат получается один и тот же. Поэтому, если здоровье есть само удовольствие или неизбежно порождает удовольствие, как огонь создает теплоту, то в итоге, в том и другом случае, удовольствие не может отсутствовать у тех, кто обладает крепким здоровьем. Рассуждают они и так еще: что происходит во время нашей еды, как не борьба здоровья, которое начало колебаться, против голода в союзе с пищей? Пока здоровье в этой борьбе набирается мало-помалу сил, этот успех его доводит до прежней живости то удовольствие, которое так подкрепляет нас. Так неужели же здоровье, которое находит веселье в борьбе, не будет радоваться, достигнув победы? Неужели после счастливого достижения в конце концов прежней силы, к которой исключительно оно стремилось во всей борьбе, оно немедленно оцепенеет, не познает своих благ и не будет ценить их? Кто, спрашивают они, находясь в бодрственном состоянии, не чувствует себя здоровым, если это действительно есть? Неужели кто-нибудь может на-

ходиться в таком оцепенении или летаргическом состоянии, что не будет признавать для себя здоровье приятным и усладительным? А что есть услада, как не другое название удовольствия?

Утопийцы особенно ценят духовные удовольствия, их они считают первыми и главенствующими; преимущественная часть их исходит, по их мнению, из упражнения в добродетели и сознания беспорочной жизни. Из удовольствий, доставляемых телом, пальма первенства у них отдается здоровью. Сладкая еда и питье и все, что может доставить подобное наслаждение, по их мнению, конечно, заслуживает стремления, но только ради здоровья. Все это приятно не само по себе, а в той мере, в какой оно противится подкрадывающемуся исподтишка недугу. Мудрец будет скорее избегать болезней, чем выбирать средства против них, будет скорее бороться со страданиями, чем принимать утешения по поводу них. Поэтому лучше будет не нуждаться в физических удовольствиях, чем испытывать наслаждение от них. Если кто испытывает полное удовлетворение от удовольствия такого рода, тот неизбежно должен признать свое полное счастье в том только случае, если ему выпадет на долю жизнь, которую надо проводить в постоянном голоде, жажде, зуде, еде, питье, чесании и натирании; но кто не видит, как подобная жизнь не только безобразна, но и несчастна? Разумеется, эти удовольствия, как наименее чистые, — самые низменные из всех. Они никогда не возникают иначе, как в соединении с противоположными страданиями. Например, с удовольствием от еды связан голод, и притом не вполне равномерно. Именно, страдание является как более сильным, так и более продолжительным: оно и возникает раньше удовольствия, и утоляется только одновременно с отмиранием удовольствия. Так вот подобные удовольствия утопийцы не считают заслуживающими высокой оценки, но призна-

ют их только в той мере, в какой это требуется необходимостью. Но все же утопийцы рады и им и с благодарностью признают доброту матери-природы, которая привлекает с самой ласковой приятностью свои творения даже к тому, что приходится делать постоянно в силу необходимости. Действительно, как отвратительна была бы жизнь, если бы, подобно прочим недугам, беспокоящим нас реже, и ежедневные болезни голода и жажды приходилось прогонять ядами и горькими лекарствами?

Утопийцы любят и ценят красоту, силу, проворство как особые и приятные дары природы. Затем, кроме человека, нет других живых существ, которые благоговеют пред красотой и изяществом мира, получают впечатление от приятного запаха (у зверей это имеет место только применительно к пище) и различают согласие и рознь в звуках и тонах. Поэтому утопийцы признают как приятную правду жизни и те удовольствия, которые входят к нам через слух, зрение и обоняние и которые природа пожелала закрепить за человеком как его особое преимущество. Во всем этом они держатся такого правила, что меньшее удовольствие не должно мешать большему и вообще породить когда-нибудь страдание, которое, по их мнению, есть неизбежное следствие удовольствия бесчестного. Но они считают признаком крайнего безумия, излишней жестокости к себе и высшей неблагодарности к природе, если кто презирает дарованную ему красоту, ослабляет силу, превращает свое проворство в леность, истощает свое тело постами, наносит вред здоровью и отвергает прочие ласки природы. Это значит презирать свои обязательства к ней и отказываться от всех ее благодеяний. Исключение может быть в том случае, когда кто-нибудь пренебрегает этими своими преимуществами ради пламенной заботы о других и об обществе, ожидая, взамен этого страдания, большего удовольствия от Бога. Иначе совсем глупо тер-

зять себя без пользы для кого-нибудь из-за пустого призрака добродетели или для того, чтобы иметь силу переносить с меньшей тягостью несчастья, которые никогда, может быть, и не произойдут.

Таково их мнение о добродетели и удовольствии. Они верят, что если человеку не внушит чего-нибудь более святого ниспосланная с неба религия, то, с точки зрения человеческого разума, нельзя найти ничего более правдивого. Разбирать, правильна ли эта мысль или нет, нам не позволяет время, да и нет необходимости. Мы приняли на себя задачу рассказать об их уставах, а не защищать их.

Во всяком случае, каковы бы ни были эти постановления, я убежден в том, что нигде нет такого превосходного народа и более счастливого государства. Природа наделила их проворством и бодростью. Они обладают большей физической силой, чем обещает их рост, в общем все же довольно высокий. И хотя почва у них не везде плодородна и климат недостаточно здоров, они прекрасно укрепляют себя против превратностей атмосферы умеренностью в пище, а землю успешно врачуют обработкой. В результате ни у одного народа нет более обильных урожаев и приплода скота, люди отличаются значительной жизнеспособностью и подвержены наименьшему количеству болезней. Поэтому там можно видеть, во-первых, тщательное выполнение обычных земледельческих работ, а именно: помощь искусством и трудом земле, не очень-то податливой от природы. Во-вторых, там можно наблюдать зрелище еще более поразительное: лес выкорчевывается руками народа в одном месте, а насаждается в другом. В этом отношении принимается в расчет не плодородие, а удобство перевозки, именно — чтобы дрова были ближе к морю, рекам или к самим городам. Доставка сухим путем хлеба из более отдаленной местности сопряжена с меньшим трудом, чем доставка дров. Это народ общительный, ост-

роумный, способный, умеющий насладиться покоем, достаточно привычный, в случае надобности, к физическому труду. Впрочем, в других отношениях они не стремительны, а в умственных интересах неутомимы.

Они узнали от нас об античных народах. Что касается латинян, то там, кроме истории и поэзии, не было ничего, что представлялось утопийцам могущим заслужить особое одобрение; но после ознакомления с литературой и наукой греков они с огромным и изумительным усердием приложили старание к тому, чтобы изучить это при нашем объяснении. Поэтому мы начали читать с ними греков, не желая прежде всего подавать учащимся мысль, будто мы отказываемся от такой работы, и не надеясь особенно ни на какой успех от этого. Но стоило нам немного подвинуться вперед, как прилежание утопийцев заставило нас тотчас сообразить, что нам не придется напрасно тратить таковое и со своей стороны. Они начали с большой легкостью воспроизводить формы букв, с большой легкостью произносить слова, с огромной быстротой запоминать их и с замечательной точностью переводить; поэтому успехи утопийцев вызывали у нас положительное удивление. Правда, большинство тех, кто принялся за это изучение не только из добровольных побуждений, но и по приказу сената, принадлежало к числу избранных по своим способностям ученых и к людям зрелого возраста. Поэтому менее чем через три года для них не оставалось никаких трудностей с точки зрения языка; классических писателей они могли читать без всяких затруднений, за исключением искажений в тексте.

Утопийцы усвоили эту литературу тем более легко, что, по моему, по крайней мере, предположению, она им несколько сродни. Именно, я подозреваю, что этот народ ведет происхождение от греков, так как их язык, в остальных отношениях почти напоминающий персидский, в на-

званиях городов и должностных лиц сохраняет некоторые следы греческой речи. Отправляясь в плавание в четвертый раз, я взял с собою на корабль вместо товаров порядочную кипу книг, потому что принял твердое решение лучше не возвращаться никогда, чем скоро. Поэтому у утопийцев имеется от меня значительное количество сочинений Платона, еще больше Аристотеля, равно как книга Феофраста¹ о растениях, но, к сожалению, в очень многих местах неполная. Именно, во время нашего плавания книга эта оставалась без достаточного надзора и попалась обезьяне, которая, резвясь и играя, вырвала здесь и там несколько страниц и растерзала их. Из составителей грамматик у них есть только Ласкарис²; Федора³ я не привозил с собой, а также ни одного словаря, кроме Тесихия⁴ и Диоскорида⁵. Они очень любят мелкие произведения Плутарха и восхищаются также изяществом и остроумием Лукиана. Из поэтов у них есть Аристофан, Гомер и Еврипид, затем Софокл, напечатанный мелким шрифтом Альда⁶, из историков Фукидид, Геродот, а также Геродиан. Мало того,

¹ Феофраст (ок. 372 — 287 г. до н. э.) — греческий философ и натуралист, автор «Истории растений» и «Характеров».

² Константин Ласкарис (1434 — 1501), византийский эрудит и грамматик, инициатор преподавания греческого языка в Италии. Его учебник «Греческая грамматика», изданный в 1476 г. в Милане, был первой печатной книгой на греческом языке.

³ Федор Газа (1398 — 1478) — византийский грамматик; его греческая грамматика была напечатана в Венеции в 1495 г.

⁴ Тесихий — греческий грамматик, вероятно, VI в.; его греческий словарь был напечатан в Венеции в 1514 г.

⁵ Диоскорид Педаний — греческий врач I в. н. э., его труд вышел в Венеции в 1499 г.

⁶ Альд Мануций (1449 — 1515) — итальянский гуманист, издатель, книгопечатник, работавший в Венеции. Основатель издательского дома Альда, просуществовавшего около ста лет. Особенно прославился изданием древнегреческих авторов, в том числе Платона, Аристотеля, Плутарха и др. В созданной им в 1500 г. «Новой Академии» обсуждали и проводили текстологический анализ издаваемых сочинений.

мой товарищ Триций Апинат¹ привез с собою также из области медицины некоторые мелкие произведения Гиппократа и так называемое «Малое искусство» Галена. Эти книги у них очень ценятся. Хотя, по сравнению с прочими народами, утопийцы менее всего нуждаются в медицине, однако нигде она не пользуется большим почетом, хотя бы потому, что познание ее ставят наравне с самыми прекрасными и полезными частями философии. Исследуя с помощью этой философии тайны природы, они рассчитывают получить от этого не только удивительное удовольствие, но и войти в большую милость у ее виновника и создателя. По мнению утопийцев, он, по обычаю прочих мастеров, предоставил рассмотрение устройства этого мира созерцанию человека, которого одного только сделал способным для этого, и отсюда усердного и тщательного наблюдателя и поклонника своего творения любит гораздо более, чем того, кто, наподобие неразумного животного, глупо и бесчувственно пренебрег столь величественным и изумительным зрелищем.

Поэтому способности утопийцев, изощренные науками, удивительно восприимчивы к изобретению искусств, содействующих в каком-либо отношении удобствам и благам жизни. Но двумя изобретениями они все же обязаны нам, а именно: книгопечатанием и изготовлением бумаги; но и тут, впрочем, помогли не столько мы, сколько они сами себе. Именно, мы могли только показать им буквы, напечатанные Альдом в бумажных книгах, и скорее толковали кое-что, чем объясняли о материале для изготовления бумаги и об умении оттискивать буквы, так как никто из нас не был достаточно искусен ни в том, ни в другом. Но они тотчас с большим остроумием смекнули, в чем дело; раньше они писали только на коже, коре и

¹ Триций Апинат — придуманное Т. Мором имя, состоящее из двух латинских слов, означающих *безделки, пустяки*.

папирусе, а теперь тотчас стали делать попытки изготовлять бумагу и оттискивать буквы. Сначала это им не очень удавалось, но после неоднократных и настойчивых попыток они в скором времени постигли то и другое. Успехи их так велики, что, будь у них экземпляры греческих авторов, они не ощущали бы никакого недостатка в книгах. Теперь у них имеется из литературы нисколько не больше того, что упомянуто мною раньше; но эту наличность они распространили уже путем печатных книг во многих тысячах экземпляров.

Утопийцы благосклонно принимают всякого приезжающего посмотреть их страну, особенно если это лицо отличается какими-либо выдающимися талантами или знанием многих земель, полученным в результате продолжительных путешествий; с этой последней точки зрения им был приятен и наш приезд. Они охотно слушают о том, что творится везде на земле. Но ради торговли в Утопию приезжают не очень часто. В самом деле, что ввозить к ним, кроме железа да еще золота и серебра? Но эти два металла каждый предпочел бы вывозить от них. Далее, то, что подлежит экспорту от них, они считают более благоразумным вывозить самим, чем предоставлять это другим. Причиной этого служит их желание приобрести более близкое знакомство с окружающими их другими народами и не забыть опыта и навыка в мореплавании.

О рабах

Утопийцы не считают рабами ни военнопленных, кроме тех, кого они взяли сами в бою с ними, ни детей рабов, ни, наконец, находящихся в рабстве у других народов, кого можно было бы купить. Но они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление.

Людей этого второго рода гораздо больше, так как многих из них утопийцы добывают иногда по дешевой цене, а чаще получают их даром. Рабы того и другого рода не только постоянно заняты работой, но и закованы в цепи; обхождение с рабами, происходящими из среды самих утопийцев, более сурово на том основании, что они усугубили свою вину и заслужили худшее наказание, так как прекрасное воспитание отлично подготовило их к добродетели, а они все же не могли удержаться от злодеяния.

Иной род рабов получается тогда, когда какой-либо трудолюбивый и бедный батрак из другого народа предпочитает пойти в рабство к утопийцам добровольно. К таким людям они относятся с уважением и обходятся с ними с не меньшей мягкостью, чем с гражданами, за исключением того, что налагают несколько больше работы, так как те к ней привыкли. Если подобное лицо пожелает уехать, что бывает нечасто, то утопийцы не удерживают его против воли и не отпускают с пустыми руками.

Как я сказал, утопийцы ухаживают за больными с большим усердием и прилагают решительно все меры, чтобы вернуть им здоровье путем или тщательного лечения, или питания. Даже страдающих неизлечимыми болезнями они утешают постоянным пребыванием около них, разговорами, наконец, оказанием какой только возможно помощи. Но если болезнь не только не поддается врачеванию, но доставляет постоянные мучения и терзания, то священники и власти обращаются к страдальцу с такими уговорами: он не может справиться ни с какими заданиями жизни, неприятен для других, в тягость себе самому и, так сказать, переживает уже свою смерть; поэтому ему надо решиться не затягивать долее своей пагубы и бедствия, а согласиться умереть¹, если жизнь для него является мукой; далее,

¹ Правило философов-стоиков.

в доброй надежде на освобождение от этой горькой жизни, как от тюрьмы и пытки, он должен сам себя изъять из нее или дать со своего согласия исторгнуть себя другим. Поступок его будет благоразумным, так как он собирается прервать смертью не житейские блага, а мучения, а раз он хочет послушаться в этом деле советов священников, то есть толкователей воли Божией, то поступок его будет благочестивым и святым. Те, кто даст себя убедить в этом, кончают жизнь добровольно или голодовкой, или, усыпленные, отходят, не ощущая смерти. Но утопийцы не губят никого помимо его желания и нисколько не уменьшают своих услуг по отношению к нему. Умереть в силу подобного рода убеждения считается почетным, а если кто причинит себе смерть, не доказав причины ее священникам и сенату, то его не удостоивают ни земли, ни огня, но без погребения позорно бросают в какое-нибудь болото.

Женщина вступает в брак не раньше восемнадцати лет, а мужчина — когда ему исполнится на четыре года больше. Если мужчина или женщина будут до супружества уличены в тайном прелюбодеянии, то оба пола подвергаются тяжкому наказанию и им совершенно запрещается вступление в брак, но князь по своей милости может отпустить им вину. Отец и мать того семейства, в чьем доме был совершен позор, навлекают на себя сильное бесчестие, как небрежно выполнившие лежавшую на них обязанность. Утопийцы подвергают этот проступок столь суровой каре потому, что если не удерживать старательно людей от беспорядочного сожительства, то в их супружеской жизни редко возможно полное единение, а между тем об этом надо заботиться, так как всю жизнь придется проводить с одним человеком и, кроме того, переносить все возникающие отсюда тягости.

Далее, при выборе себе супружеской пары утопийцы серьезно и строго соблюдают нелепейший, как нам пока-

залось, и очень смешной обряд. Именно, пожилая и уважаемая матрона показывает женщину, будь это девица или вдова, жениху голой, и какой-либо почтенный муж ставит, в свою очередь, перед молодой голого жениха. Мы со смехом высказывали свое неодобрение по поводу этого обычая, считая его нелепым, а утопийцы, наоборот, выражали свое удивление по поводу поразительной глупости всех прочих народов. Именно, при покупке жеребенка, где дело идет о небольшой сумме денег, люди бывают очень осторожны: хотя лошадь и так почти голая, они отказываются покупать ее иначе, как сняв седло и ставив всю сбрую, из опасения, что под этими покровами таится какая-нибудь болячка. Между тем при выборе жены, в результате чего человек получит на всю жизнь удовольствие или отвращение, они поступают очень неосмотрительно: окутав все тело одеждami, они оценивают и соединяют с собою женщину на основании пространства величиною чуть не в ладонь, так как, кроме лица, ничего не видно; этим они подвергают себя большой опасности несчастного сожительства, если впоследствии окажется какой-либо недостаток. Не все настолько благоразумны, что обращают внимание исключительно на характер: даже в браках самих мудрецов к душевным добродетелям придают известную прибавку также и физические преимущества. Во всяком случае, под этими покровами может прятаться самое позорное безобразие, которое способно совершенно отратить от жены сердце, когда физически от нее отделаться уже нельзя. Если в силу какого-нибудь несчастного случая это безобразие выпадет на долю после заключения брака, то каждому необходимо нести свой жребий, а чтобы кто не попался в ловушку ранее, от этого надо оградиться законами. Заботиться об этом надлежало тем усерднее, что утопийцы — единственные из обитателей тех стран, которые довольствуются одной женой; брак

у них расторгается редко, не иначе как смертью, исключая случаи прелюбодеяния или нестерпимо тяжелого характера. В обоих случаях сенат представляет оскорбленной стороне право переменить супружескую половину, но другая обречена навеки на одновременно позорную и одинокую жизнь. Иначе же они никоим образом не допускают бросать жену против ее воли и без всякой ее вины, а только за то, что у нее появится какой-либо телесный недостаток. Они признают жестоким покидать кого-нибудь тогда, когда он всего более нуждается в утешении; это же, по их мнению, будет служить неопределенной и непрочной опорой для старости, так как она и приносит болезни, и сама является болезнью. Впрочем, иногда бывает так, что если характеры мужа и жены недостаточно подходят друг к другу, а обе стороны находят других, с которыми надеются прожить приятнее, то с обоюдного согласия они расстаются и вступают в новый брак. Но это возможно только с разрешения сената, который не допускает разводов иначе, как при тщательном рассмотрении дела в своем составе и со своими женами. Да и в этом случае дело проходит нелегко, так как утопийцы сознают, что возможность легкой надежды на новый брак отнюдь не содействует укреплению супружеской привязанности.

Оскорбители брачного союза караются тягчайшим рабством, и если обе стороны состояли в супружестве, то понесшие обиду, в случае желанья, отвергают половину, уличенную в прелюбодеянии, и сами сочетаются браком между собою или с кем захотят. Но если один из оскорбленных упорствует в любви к своей так дурно поступившей половине, то ему все же не препятствуют оставаться в законном супружестве, если он пожелает последовать за своей половиной, осужденной на рабство. При этом иногда случается, что раскаяние одного и услужливое усердие другого вызывает у князя сострадание, и он возвращает

виновному свободу. Но вторичное грехопадение карается уже смертью.

За прочие преступления никакой закон не устанавливает никакого определенного наказания, но за всякий ужасный и злодейский проступок кару назначает сенат. Мужья наставляют на путь жен, родители — детей, если только они не совершат такого преступления, за которое, по правилам общественной нравственности, требуется публичное наказание. Но обычно все наиболее тяжкие преступления караются игом рабства. По мнению утопийцев, оно является достаточно суровым для преступников и более выгодным для государства, чем спешить убить виновных и немедленно устранить их. Труд этих лиц приносит более пользы, чем их казнь, а, с другой стороны, пример их отпугивает на более продолжительное время других от совершения подобного позорного деяния. Если же и после такого отношения к ним они станут опять бунтовать и противиться, то их закалывают, как неукротимых зверей, которых не может обуздать ни тюрьма, ни цепь. Но для терпеливо сносящих рабство надежда отнюдь не потеряна. Если продолжительное страдание укротит их, и они обнаружат раскаяние, свидетельствующее, что преступление тяготит их больше наказания, то иногда власть князя или голосование народа может или смягчить их рабство, или прекратить его. Стремление вовлечь женщину в прелюбодеяние утопийцы считают несколько не меньшей дерзостью, чем самое прелюбодеяние. Вообще во всяком позорном поступке определенную и решительную попытку они приравнивают к самому деянию. По их мнению, неудача в этом отношении не должна принести никакой пользы тому, по чьей вине она произошла.

Дурачки служат у них предметом забавы; оскорбительное обращение с ними считается весьма позорным, но наряду с этим не запрещается забавляться их глупостью.

Именно, утопийцы полагают, что это особенно служит на благо самим дурачкам. Если кто настолько суров и угрюм, что ни одно действие, ни одно слово дурачка не вызывает у него смеха, то такому человеку они никогда не доверяют заботу о нем. Они боятся, что дурачок не встретит достаточно ласкового ухода со стороны того, кому он не только не принесет никакой пользы, но и забавы, а это последнее — его единственное преимущество.

Смеяться над безобразиями и уродством они считают позором и поношением, но не для того, кто подвергается осмеянию, а для насмешника: глупо упрекать кого-нибудь как за порок, за то, избежать чего было не в его власти. Не поддерживать естественной красоты служит, по их мнению, признаком косности и вялости, равно как искать ей опору в притираниях есть позорное бесстыдство. Они познают непосредственно на опыте, что никакой красотой наружности жены не могут приобрести расположение мужей в такой мере, как своей нравственностью и почтительностью. Правда, некоторые пленяются одной только красотой, но привязывают мужа лишь добродетель жены и ее повиновение.

Утопийцы не только отвращают людей наказаниями от позора, но и приглашают их к добродетелям, выставя напоказ их почетные деяния. Поэтому они воздвигают на площади статуи мужам выдающимся и оказавшим важные услуги государству на память об их подвигах. Вместе с тем они хотят, чтобы слава предков служила для потомков, так сказать, шпорами поощрения к добродетели.

Кто путем происков добивается получить какую-либо должность, лишается надежды на достижение всех.

Между собою они живут дружно, так как ни один чиновник не проявляет надменности и не внушает страха. Их называют отцами, и они ведут себя достойно. Должный почет им утопийцы оказывают добровольно, и его не при-

ходится требовать насильно. Даже и сам князь выделяется не одеянием или венцом, а тем, что несет пучок колосьев, равно как отличительным признаком первосвященника служит восковая свеча, которую несет перед ним.

Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих. Они даже особенно не одобряют другие народы за те, что им представляются недостаточными бесчисленные тома законов и толкователей на них.

Сами утопийцы считают в высшей степени несправедливым связывать каких-нибудь людей такими законами, численность которых превосходит возможность их прочтения или темнота — доступность понимания для всякого. Далее они решительно отвергают всех адвокатов, хитроумно ведущих дела и лукаво толкующих законы. Они признают в порядке вещей, что каждый ведет сам свое дело и передает судье то самое, что собирался рассказать защитнику. В таком случае и околичностей будет меньше, и легче добиться истины, так как говорить будет тот, кого никакой защитник не учил прикрасам, а во время его речи судья может умело все взвесить и оказать помощь более простодушным людям против клеветнических измышлений хитроумцев. У других народов при таком обилии самых запутанных законов это соблюдать трудно, а у утопийцев законоведом является всякий. Ведь, как я сказал, у них законов очень мало, и, кроме того, они признают всякий закон тем более справедливым, чем проще его толкование. По словам утопийцев, все законы издаются только ради того, чтобы напоминать каждому об его обязанностях. Поэтому более тонкое толкование закона вразумляет весьма немногих, ибо немногие могут постигнуть это; между тем более простой и доступный смысл законов открыт для всех. Кроме того, что касается простого народа, который составляет преобладающее большинство и

наиболее нуждается во вразумлении, то для него безразлично — или вовсе не издавать закона, или издавать его в таком изложении, что до смысла его никто не может добраться иначе, как при помощи большого ума и продолжительных рассуждений. Простой народ с его тугой сообразительностью не в силах добраться до таких выводов, да ему и жизни на это не хватит, так как она занята у него добыванием пропитания.

Эти добродетели привлекают к утопийцам внимание их свободных и независимых соседей, многих из которых они давно уже освободили от тирании. И вот эти народы просят себе у них должностных лиц, одни ежегодно, другие на пять лет. По окончании срока иноземцы провожают этих лиц с почетом и похвалою и привозят с собою на родину новых. Разумеется, эти народы выражают подобной мерой прекрасную и тщательную заботливость о пользе своего государства: если и благоденствие и гибель его зависят от характера должностных лиц, то на ком можно с большим благоразумием остановить свой выбор, как не на тех, кого ни за какую плату нельзя отклонить от честного исполнения долга? Этот подкуп бесполезен для утопийцев, так как им предстоит в скором времени вернуться обратно; с другой стороны, гражданам они совершенно чужды и потому не могут дать решения под влиянием дурно направленного лицепрятия или вражды. Как только заведутся в судах эти два бедствия, пристрастие и корыстолюбие, они тотчас нарушают всякую справедливость, этот крепчайший нерв государства. Те народы, которые просят себе у утопийцев должностных лиц, называются у них союзниками, а прочих, кто ими облагодетельствован, они именуют друзьями.

Утопийцы не вступают ни с одним народом в договоры, которые остальные народы столько раз взаимно заключают, нарушают и возобновляют. К чему договор, спрашива-

ют они, как будто природа не достаточно связует человека с человеком? Неужели можно думать, что тот, кто пренебрежет ею, будет заботиться об исполнении слов? К этому мнению они приходят главным образом потому, что в тех странах договоры и соглашения государей соблюдаются не особенно добросовестно. Вот в Европе, особенно в тех частях ее, где распространена христианская вера и религия, повсюду величие договоров свято и нерушимо. Причиной этого служат, с одной стороны, справедливость и доброта государей, а с другой — уважение и страх перед папами. Они как сами не берут на себя ничего без самого тщательного исполнения, так повелевают всем прочим государям всячески держаться своих обещаний, а уклоняющихся побуждают своим пастьерским судом и строгостью. Они вполне справедливо признают величайшим позором отсутствие веры в договорах тех людей, которые по преимуществу называются верными.

А в том новом мире, который экватор отделяет от нашего не столько дальним расстоянием, как разницей в жизни и обычаях, нет никакой уверенности в договорах. Чем большими и святейшими церемониями сопровождайся заключение каждого из них, тем скорее его нарушают. Именно, легко найти каверзу в словах, которые иногда умышленно диктуют так хитро, что ими нельзя сковать никакие узы, и открывается известная лазейка для одинаковой увертки и от договора и от верности. И вот лица, которые дали государям подобный совет, с похвалюбою называют себя виновниками его. А окажись такое лукавство, или скорее обман и коварство, в соглашении частных лиц, то эти же самые лица стали бы весьма высокомерно кричать, что это — святотатство и заслуживает виселицы. Из этого можно сделать двоякий вывод: или вся справедливость представляется только презренной и изменной, сидящей далеко ниже высокого трона царей, или существ-

вуют, по крайней мере, две справедливости: одна из них приличествует простому народу, ходящая пешком и ползающая по земле, спутанная отовсюду многими оковами, чтобы она нигде не могла перескочить ограды; другая — добродетель государей; она — величественнее предшествующей, народной, а вместе с тем и значительно свободнее ее, потому ей все позволено, кроме того, что ей не угодно.

Эти нравы тамошних государей, так плохо соблюдающих договоры, служат, по-моему, причиною того, что утопийцы не заключают никаких договоров; но если бы они жили с нами, то, может быть, переменили бы мнение на этот счет. Правда, с точки зрения утопийцев, укоренившаяся привычка заключать договоры в общем противодействует надлежащему выполнению их. Именно, в силу этой привычки, народы, которые отделены один от другого только небольшим холмиком или ручейком, забывают, что их соединяют узы природы, а считают, что родились врагами и недругами друг другу, и законно идут губить одни других, если этому не препятствуют договоры. Мало того, даже после заключения их народы не сливаются в дружбе, а оставляют за собою ту же возможность грабить друг друга, поскольку в условиях договора, при его заключении, не включено решительной оговорки, запрещающей это. Между тем, по мнению утопийцев, нельзя никого считать врагом, если оба не сделали нам никакой обиды: узы природы заменяют договор, и лучше, и сильнее взаимно объединять людей расположением, а не договорными соглашениями, сердцем, а не словами.

О военном деле

Утопийцы сильно гнушаются войною, как деянием поистине зверским, хотя ни у одной породы зверей она не употребительна столь часто, как у человека; вопреки обычаю почти у всех народов, они ничего не считают в такой

степени бесславным, как славу, добытую войной. Не желая, однако, обнаружить, в случае необходимости, свою неспособность к ней, они постоянно упражняются в военных науках. Они никогда не начинают войны зря, а только в тех случаях, когда защищают свои пределы, или прогоняют врагов, вторгшихся в страну их друзей, или сожалеют какой-либо народ, угнетенный тиранией, и своими силами освобождают его от ига тирана и от рабства; это делают они по человеколюбию. Правда, они посылают помощь друзьям не всегда для защиты, но иногда также с целью отплатить и отомстить за причиненные обиды. Но они поступают так только в том случае, если, когда еще все было по-хорошему, к ним обращались за советом, они проверили дело, требовали и не получали удовлетворения. После всего этого они решают напасть на зачинщиков войны. Так поступают они во всех тех случаях, когда враги произвели набег и угнали добычу. Но особенно яростно действуют они тогда, когда их купцы, где бы то ни было, подвергаются, под предлогом справедливости, несправедливому обвинению на основании поддельных законов или злостного подмена настоящих. Именно таково было происхождение той войны, которую незадолго до нашего времени утопийцы вели в защиту нефелогетов¹ против алаополитов². Купцы нефелогетов были обижены алаополитами, которые, по их мнению, стояли на точке зрения права. Но было ли это право или бесправие, во всяком случае возмездием за него явилась жесточайшая война, во время которой к силам и ненависти той и другой стороны присоединили свою по-

¹ Нефелогеты — придуманный Т. Мором этноним из греческих слов *облако* и *земледелец*, то есть что-то вроде *земледельцы облаков*, иначе сказать — земледельцы несуществующей земли.

² Алаополиты — придуманное Т. Мором имя народа, состоящее из греческих слов *слепой* и *гражданин*; наверное, *граждане, которым ничего видеть*, так их страна не существует.

мощь и средства окрестные племена. В результате одни из цветущих народов испытали значительное потрясение, а другие были сильно разорены, и, так как утопийцы боролись не для себя, основанные на зле бедствия алаополитов кончились их рабством и сдачей, в силу чего они перешли во власть нефелогетов. Этот народ, когда дела алаополитов были в цветущем положении, не мог идти ни в какое сравнение с ними.

С такой жестокостью мстят утопийцы за обиды, даже денежные, причиненные их друзьям. К собственным обидам они менее чувствительны. Если они потерпят в силу обмана имущественный ущерб, но при этом дело обошлось без физического насилия, то до получения удовлетворения они выражают свой гнев только тем, что воздерживаются от сношений с этим народом. Это зависит не от того, что они заботятся о своих гражданах меньше, чем о союзниках, но отобрание у последних денег приводит утопийцев в большее негодование, чем если бы это случилось с ними самими. Дело в том, что купцы их друзей теряют часть своей личной собственности и потому ощущают от урона тяжелую рану; а у граждан Утопии гибнет только часть государственного достояния, и притом такая, которая являлась в своей стране избытком и, так сказать, лишним остатком, иначе она не подлежала бы вывозу за границу. Таким образом, урон ни для кого не является ощутительным. Поэтому они считают чересчур жестоким мстить смертью многих за убыток, невыгода которого прошла незамеченной для их жизни в ее потребностей. Но если какой их гражданин где бы то ни было получит от обиды увечье или смерть, то, произошло ли это по вине государства или частных лиц, они отправляют послов для расследования дела и успокаиваются только с выдачей виновных, а иначе немедленно объявляют войну. Выданных виновных они карают смертью или рабством.

Победы, соединенные с кровопролитием, вызывают у них не только чувство отвращения, но и стыда. Они приравнивают это к безумию покупать за чрезмерно дорогую цену хотя бы и редкостные товары. Наоборот, победа и подавление врага искусством и хитростью служит для них предметом усиленной похвальбы; они устраивают по этому поводу триумф от имени государства и, как после геройского подвига, воздвигают памятник. Они с гордостью заявляют, что только подобная победа должна быть признана действительно мужественной и доблестной, так как ее не могло таким способом одержать никакое другое животное, кроме человека, а именно — силою таланта. Действительно, физическою силою борются, по их словам, медведи, львы, вепри, волки, собаки и прочие звери; большинство их превосходит нас силой и свирепостью, но, с другой стороны, все они уступают нам в отношении талантности и разума.

Во время войны утопийцы имеют в виду исключительно одно: добиться осуществления той цели, предварительное достижение которой сделало бы войну излишнею. Если же обстоятельства запрещают это, они требуют для врагов особо сурового возмездия, наводя на них такой ужас, который не даст им дерзнуть на то же самое впоследствии. Эти свои цели и намерения они намечают ясно и стремятся осуществить возможно скорее, но все же на первом плане стоит у них забота о том, чтобы избежать опасностей, а не о том, чтобы добиться похвалы и славы. Поэтому сразу по объявлении войны они стараются тайно и одновременно развесить в наиболее заметных местах вражеской страны воззвания, скрепленные своей государственной печатью. Здесь они обещают огромные награды тому, кто погубит вражеского государя; затем меньшие, хотя также очень хорошие награды, назначаются за каждую отдельную голову тех лиц, чьи имена объявлены в тех

же воззваниях. Эти лица, с точки зрения утопийцев, стоят на втором месте после государя как виновники раздора с ними. Награда, обещанная убийце, удваивается для того, кто приведет к ним живым кого-нибудь из внесенных в упомянутые списки. Наряду с этим и сами внесенные в списки приглашаются действовать против товарищей, причем им обещаются те же самые награды и вдобавок безнаказанность.

В результате враги утопийцев начинают быстро подзревать всех прочих людей, не могут ни на кого положиться и не верят друг другу, а пребывают в сильном страхе и ожидании опасностей. Неоднократно известны такие случаи, когда значительную часть внесенных в списки лиц, и прежде всего самого государя, выдавали те, на кого эти лица особенно надеялись. Так легко подарки склоняют людей на любое преступление. А утопийцы не знают никакой меры в обещании этих подарков. Вместе с тем они не забывают, на какой решительный шаг они толкают людей, а потому стараются силу опасности возместить громадностью благодеяний; именно, они обещают не только неизмеримую кучу золота, но и очень доходные имения, которые назначают в полную и постоянную собственность в наиболее безопасных местностях, принадлежащих их друзьям; эти обещания они осуществляют с полнейшей добросовестностью.

Другие народы не одобряют такого обычая торговли с врагом и его покупки, признавая это жестоким поступком, основанным на нравственной низости; утопийцы же вменяют это себе в огромную похвалу, считая подобное окончание сильнейших войн совершенно без всякого сражения делом благоразумия. Вместе с тем они называют такой образ действий и человечным и милосердным. Действительно, смерть немногих виновных искупает жизнь многих невинных, обреченных на смерть в сражении, как из среды

самых утопийцев, так и их врагов. Массу простого народа утопийцы жалеют почти не меньше, чем своих граждан. Они знают, что эти люди идут на войну не по своей воле, а гонимые безумием государей.

Если дело не подвигается путем подкупа, то утопийцы начинают разбрасывать и выращивать семена междоусобий, прельщая брата государя или кого-нибудь из вельмож надеждой на захват верховной власти. Если внутренние раздоры утихнут, то они побуждают и натравливают на врагов их соседей, для чего откапывают какую-нибудь старую и спорную договорную статью, которые у королей всегда имеются в изобилии. Из обещанных собственных средств для войны утопийцы деньги дают весьма щедро, а граждан очень экономно; ими тогда они особенно дорожат и вообще настолько ценят друг друга, что никого из своих граждан не согласились бы променять на вражеского государя. Что же касается золота и серебра, то их они тратят без всякого затруднения, так как хранят эти металлы целиком исключительно для подобных надобностей, тем более что и в случае совершенного израсходования этих средств жизнь утопийцев должна протекать с не меньшими удобствами. Вдобавок, кроме богатств, хранящихся дома, у них есть еще неизмеримое сокровище за границей, в силу которого, как я сказал раньше, очень многие народы у них в долгу. Таким образом, они посылают на войну солдат, нанятых отовсюду, а особенно из среды заполетов¹. Этот народ живет на восток от Утопии, на расстоянии пятисот миль, и отличается суровостью, грубостью и свирепостью. Они предпочитают всему непро-

¹ Заполеты — изобретенное Т. Мором имя народа, составлено из греческого слова *продавец* и усиливающей частицы, то есть можно прочитать как люди *очень продажные*; из примечания Мора на полях рукописи можно понять, что прообразом заполетов являются наемные швейцарские гвардейцы.

ходимые леса и горы, которые их вскормили. Это — племя дикое, привычное к жаре, холоду и труду, чуждое всякой изнеженности; земледелием они не занимаются, на свои жилища и платье не обращают никакого внимания, а имеют попечение только о скоте. Живут они по большей части охотой и грабежом, рождены исключительно для войны, усердно ищут возможности вести ее, а когда найдут, с жадностью хватаются за это и, выступив в большом числе, за дешевую плату предлагают себя всякому ищущему солдат. В жизни они знают только то искусство, которым добывается смерть. У кого они служат, за того они борются энергично и в неподкупной верностью. Но они не связывают себя никаким определенным сроком, а берутся за дело под тем условием, что на следующий день готовы стать на сторону врагов, если те предложат им большее вознаграждение, через день же могут вернуться обратно, если их пригласить с надбавкой цены. Редкая война начинается без того, чтобы в войске обеих сторон не было значительной доли заплотетов. В силу этого ежедневно бывает, что люди, связанные узами кровного родства, которые, служа по найму на одной и той же стороне, жили в самом тесном дружеском общении, немного спустя разделяются по неприятельским войскам и встречаются как враги и в самом неприязненном настроении; они забывают о происхождении, не помнят о дружбе, а наносят раны друг другу, и к этой взаимной гибели их гонит только та причина, что различные государи наняли их за крохотные деньжонки. Заплотеты ведут такой точный счет им, что за прибавку к ежедневной плате одного гроша легко склонны перейти на другую сторону. Таким образом, они быстро впитали в себя алчность, которая, однако, не приносит им никакой пользы. Именно, что они добывают кровь, то немедленно тратят на роскошь, и притом жалкого свойства.

Этот народ сражается на стороне утопийцев против кого угодно, потому что получает за свою работу такую высокую плату, как нигде в другом месте. Именно, утопийцы ищут не только хороших людей на пользу себе, но и этих негодяев, чтобы употребить их на зло. В случае надобности они подстрекают заплотетов щедрыми посулами и подвергают их величайшим опасностям, из которых обычно большая часть заплотетов никогда не возвращается за обещанным. Но тем, кто уцелеет, утопийцы добросовестно выплачивают, что посулили, желая разжечь их на подобный же риск. Поступая так, утопийцы имеют в виду только гибель возможно большего количества их, так как рассчитывают заслужить большую благодарность человечества в случае избавления вселенной от всего сброда этого отвратительного и нечестивого народа.

После заплотетов утопийцы берут войска того народа, в защиту которого поднимают оружие, затем вспомогательные отряды прочих друзей. Напоследок они присоединяют собственных граждан, одного из которых, мужа испытанной доблести, они ставят во главе всего войска. К нему назначаются два заместителя, которые, однако, остаются частными людьми, пока с начальником ничего не произошло. В случае же его плена или гибели его замещает, как по наследству, один из двух упомянутых помощников, а его, глядя по обстоятельствам, — третий. Причиной этого служит опасение, что, ввиду превратности жребиев войны, несчастный случай с полководцем может привести в замешательство все войско. В каждом городе производится набор из числа тех, кто записывается добровольно. Утопийцы не гонят никого на военную службу за границу против его воли, так как убеждены, что если кто робок от природы, то не только сам не совершит каких-либо храбрых подвигов, но внушит еще страх товарищам. Но если война обрушится на их отечество, то подобные трусы, при усло-

вии обладания физической силой, распределяются по кораблям попеременно с лучшими гражданами или расставляются там и сям по стенам, откуда нельзя убежать. Таким образом, стыд перед согражданами, враг под рукою и отсутствие надежды на бегство уничтожают страх, и часто из храбрецов поневоле они обращаются в настоящих.

Повторяю, утопийцы не тянут никого из своей среды против его воли на войну за границу, но, с другой стороны, если какая женщина пожелает пойти с мужем на военную службу, то она не только не встречает препятствия в этом, а, наоборот, поощрение и похвалу; в строю всякую из выступивших ставят рядом с ее мужем, затем каждого окружают его дети, свойственники и родственники. Таким образом, ближайшей и непосредственной поддержкой друг другу служат те, кого сама природа всего сильнее подстрекает приносить помощь друг другу. Огромным позором считается, если один из супругов вернется без другого или сын придет обратно, потеряв отца. Поэтому, если самим утопийцам приходится вступить в рукопашный бой, то, в случае упорного сопротивления врагов, сражение затягивается надолго, ведется с ожесточением и заканчивается полным уничтожением противника. Понятно, что утопийцы всячески стараются избежать необходимости бороться, но, с другой стороны, когда вступить в битву им представляется неминуемым, то их бесстрашие в этом отношении равняется тому благоразумию, с каким ранее, пока была возможность, они уклонялись от боя. Отвага их проявляется не сразу с первым натиском, но они набираются сил и крепнут медленно и мало-помалу доходя до такого упорства, что их можно скорее уничтожить, чем заставить повернуть тыл. Подъем настроения и презрение к поражению создаются у них твердой надеждой на то, что у каждого из них имеется дома все необходимое для пропитания; кроме того, им не надо тревожиться и думать о своем по-

томстве, а такая забота везде губит порывы благородного мужества. Далее, их уверенность в себе создается осведомленностью в военных науках; наконец, храбрость их усиливается от правильных воззрений, которые внушены им с детства и образованием, и прекрасным государственным строем. В силу этого они не ценят жизнь настолько дешево, чтобы тратить ее зря, но вместе с тем и не дорожат ею с таким бесстыдством, чтобы жадно и позорно цепляться за нее, когда долг чести внушает расстаться с ней.

В то время как везде кипит ожесточенная битва, отборные юноши, связанные клятвой и присягой, намечают себе в жертву вражеского вождя. Он подвергается открытому нападению и ловле из засады; его преследуют издали и вблизи; его атакует длинный и непрерывный клин, утомленные борцы которого постоянно заменяются свежими. Если этот вождь не спасется бегством, то дело редко обходится без его гибели или без того, что он живым попадает во власть врагов. Если победа остается на стороне утопийцев, то они отнюдь не продолжают кровопролития; бегущих они охотнее берут в плен, чем убивают. Вместе с тем они никогда не увлекаются преследованием беглецов настолько, чтобы не удержать все же одного отряда под знаменами и в полном боевом порядке. Поэтому, если все прочие части их армии терпели поражение, и утопийцам удавалось одержать победу только при помощи их последнего отряда, то они позволяли скорее уйти всем врагам, чем себе преследовать беглецов, приведя свои ряды в замешательство. Они припоминают при этом такие случаи из своей практики: вся масса их войск бывала разбита наголову, враги, радуясь победе, преследовали отступавших по всем направлениям, а немногие из утопийских граждан, помещенные в резерве и выжидавшие удобного случая, внезапно нападали врасплох на бродивших вразброд и забывших всякую осторожность неприятелей. Это ме-

няло исход всего сражения; вполне верная и несомненная победа исторгалась из рук, и побежденные, в свою очередь, побеждали победителей.

Что касается военных хитростей, то трудно сказать, в чем тут утопийцы проявляют больше ловкости — в том, чтобы их устроить, или в том, чтобы их избежать. Можно подумать, что они готовятся к бегству, когда они об этом менее всего думают; наоборот, когда они принимают такое решение, то можно предположить, что они на это менее всего рассчитывают. Именно, если они замечают свою чрезмерную слабость с точки зрения позиции или численности, то снимаются с лагеря в ночном безмолвии или ускользают при помощи какой-либо военной хитрости; а иногда они медленно отходят днем, но соблюдают при этом такой боевой порядок, что, отступая, представляют не меньшую опасность для нападения, как если бы они наступали. Лагерь они укрепляют весьма тщательно очень глубоким и широким рвом, а удаляемую землю выбрасывают внутрь; для этой работы они не прибегают к помощи наемников; все делается руками самих солдат. Занято этим все войско, за исключением тех, кто стоит на страже на валу на случай внезапных нападений. В итоге такого усиленного старания со стороны, многих большие и требующие много места укрепления заканчиваются утопийцами быстрее всякого вероятия.

Оружие для отражения ударов у них очень крепкое и отлично приспособленное для всякого движения и ношения; поэтому тяжести его они не чувствуют даже и при плавании. Привычка плавать в вооружении принадлежит к числу упражнений, связанных с военной наукой. Дальнобойным оружием служат стрелы, которые они — не только пехотинцы, но и конные — пускают с огромной силой и ловкостью. В рукопашном бою они дерутся не мечами, а топорами, которыми и рубят и колют, причиняя смерть

их острием и тяжестью. Военные машины они изобретают очень искусно, а после сооружения тщательно прячут, чтобы не обнаружить их раньше, чем они понадобятся, и через это не сделать их скорее предметом насмешки, чем пользования. При устройстве этих машин прежде всего имеется в виду, чтобы они были легкими для перевозок и удобно поворачивались.

Заключенное с врагами перемирие они соблюдают свято, так что не нарушают его даже и тогда, когда их к тому вызывают. Вражеской страны они не опустошают, посевов не сжигают, а даже, по мере возможности, заботятся, чтобы их не потоптали люди или лошади. Утопийцы полагают, что эти посевы растут на их пользу. Из безоружных они никого не обижают, если это не шпион. Сдавшиеся города они охраняют, но и завоеванные не разграбляют, а убивают противившихся сдаче, прочих же защитников обращают в рабство. Все мирное население они оставляют нетронутым. Если они узнают про кого, что они советовали сдать, то уделяют им известную часть из имущества осужденных; остальной они дарят союзникам. Из среды самих утопийцев никто не берет никакой добычи.

После окончания войны они налагают расходы не на друзей, на которых потратились, а на побежденных. С этой целью утопийцы требуют от них отчасти денег, которые берегут для подобных же военных случайностей, отчасти же имений немалой ценности, которые удерживают у них за собой навсегда.

Подобные доходы имеют они теперь у многих народов. Возникнув мало-помалу по разным причинам, эти доходы возросли до суммы выше семисот тысяч дукатов ежегодно. Для управления ими утопийцы ежегодно посылают некоторых из своих сограждан с именем квесторов, чтобы они могли жить там великолепно и представлять собою вельмож; но и после этого остается значительная

часть денег, которая вносится в казну. Иногда же утопийцы предпочитают доверить ее тому же народу и так поступают часто до тех пор, пока она им понадобится. Но едва ли бывает когда-либо, чтобы они потребовали все целиком. Часть указанных имений они уделяют тем, кто по их подговору берет на себя упомянутое мною раньше рискованное предприятие. Если кто-либо из государей поднимает оружие против утопийцев и готовится напасть на их страну, они тотчас с большими силами выходят ему навстречу за свои пределы. Они не ведут зря войны на своей территории, и нет никакой побудительной причины, которая бы заставила их допустить на свой остров чужие вспомогательные войска.

О религиях утопийцев

Религии утопийцев отличаются своим разнообразием не только на территории всего острова, но и в каждом городе. Одни почитают как бога Солнце, другие — Луну, третьи — одну из планет. Некоторые преклоняются не только как перед Богом, но и как перед величайшим Богом, перед каким-либо человеком, который некогда отличился своею доблестью или славой. Но гораздо большая, и притом наиболее благоразумная, часть не признает ничего подобного, а верит в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума, распространенное во всем этом мире не своею громадою, а силою: его называют они Отцом. Ему одному они приписывают начала, возрастания, продвижения, изменения и концы всех вещей; ему же одному, и никому другому, они воздают и божеские почести.

Мало того, и все прочие, несмотря на различие верований, согласны с только что упомянутыми согражданами в признании единого высшего существа, которому они

обязаны и созданием вселенной, и провидением. Все вообще называют это существо на родном языке Митрюю, но расходятся в том, что этот одинаковый бог у всех принимается по-разному. Однако, по признанию всех, кем бы ни было то, что они считают высшим существом, в итоге это одна и та же природа, божественной силе и величию которой соглашение всех народов усвоит первенство над всем. Впрочем, мало-помалу утопийцы отстают от этих разнообразных суеверий и приходят к единодушному признанию той религии, которая, по-видимому, превосходит остальные разумностью. Нет сомнения, что прочие религии уже давно бы исчезли у них; но если кто задумает переменить религию, а судьба пошлет ему в это время какую-либо неудачу, то страх истолкует ее так, что она произошла не случайно, а послана с неба, именно — будто бы божество, культ которого оставляют, мстит за нечестивое намерение против него.

Но вот утопийцы услышали от нас про имя Христа, про его учение, характер и чудеса, про не менее изумительное упорство стольких мучеников, добровольно пролитая кровь которых привела в их веру на огромном протяжении столько многочисленных народов. Трудно поверить, как легко и охотно они признали такое верование; причиной этому могло быть или тайное внушение божие, или христианство оказалось ближе всего подходящим к той ереси, которая у них является предпочтительной. Правда, по моему мнению, немалую роль играло тут услышанное ими, что Христу нравилась совместная жизнь, подобная существующей у них, и что она сохраняется и до сих пор в наиболее чистых христианских общинах. Но какова бы ни была причина этого, немалое количество их перешло в нашу религию и приняло омовение святой водой.

Между тем из нас шестерых двое скончались, а из четырех оставшихся ни один, к сожалению, не был священ-

ником. Поэтому посвященные в прочие таинства утопийцы лишены тех, которые у нас совершают только священники. Однако утопийцы понимают эти таинства и очень сильно желают их. Мало того, они усердно обсуждают между собою вопрос, может ли какой-нибудь избранник из их среды получить сан священника без посылки к ним епископа. И, по-видимому, они склонялись к избранию, но, когда я уезжал, никого еще не выбрали. Даже и те, кто не согласен с христианской религией, все же никого не отпугивают от нее, не нападают ни на одного ее приверженца. Только одно лицо из нашей среды подверглось в моем присутствии наказанию по этому поводу. Это лицо, недавно принявшее крещение, стало с большим усердием, чем благоразумием, публично рассуждать о поклонении Христу, хотя мы советовали ему не делать этого. При таких беседах он стал увлекаться до того, что не только предпочитал наши святыни прочим, но подвергал беспрестанному осуждению все остальные; громко кричал, что все они — языческие, поклонники их — нечестивцы и святотатцы и должны быть наказаны вечным огнем. Он долгое время рассуждал на эту тему, но был арестован и подвергнут суду и осуждению как виновный не в презрении к религии, а в возбуждении смуты в народе. По осуждению он был приговорен к изгнанию. Именно, среди древнейших законов утопийцев имеется такой, что никому его религия не ставится в вину.

Действительно, Утоп с самого начала узнал, что до его прибытия туземцы вели между собою постоянную религиозную борьбу; вместе с тем он заметил, что при общем раздоре каждая секта боролась за отечество в розницу, и это обстоятельство дало ему возможность без труда победить всех. Поэтому, одержав победу, он прежде всего узаконил, что каждому позволено принадлежать к той религии, какая ему нравится, если же он будет пытаться

обратить к ней других, то может это устраивать только мирным и кротким путем, силой доказательств; если же он не достигнет этого советами, то не должен отвращать от других верований суровостью; он не должен применять никакого насилия, и ему надо воздерживаться от всяких ругательств. Всякого дерзкого спорщика по этому вопросу они наказывают смертью или рабством.

Утоп провел этот закон не только из уважения к внутреннему миру, который, как он видел, совершенно уничтожается от постоянной борьбы и непримиримой ненависти; нет, мысль законодателя была та, что это постановление необходимо в интересах самой религии. Утоп не рискнул вынести о ней какое-нибудь необдуманное решение. Для него было неясно, не требует ли Бог разнообразного и многостороннего поклонения и потому внушает разным людям разные религии. Во всяком случае, законодатель счел нелепостью и наглостью заставить всех признавать то, что ты считаешь истинным. Но, допуская тот случай, что истинна только одна религия, а все остальные суетны, Утоп все же легко предвидел, что сила этой истины в конце концов выплывет и выявится сама собою; но для достижения этого необходимо действовать разумно и кротко. Если же дело дойдет до волнений и борьбы с оружием в руках, то наилучшая и святейшая религия погибнет под пятою суетнейших суеверий, как нивы среди терновника и сорняка, так как все скверные люди отличаются наибольшим упорством. Поэтому Утоп оставил весь этот вопрос нерешенным и предоставил каждому свободу верить, во что ему угодно. Но он с неумолимой строгостью запретил всякому ронять так низко достоинство человеческой природы, чтобы доходить до признания, что души гибнут вместе с телом и что мир несется зря, без всякого участия провидения. Поэтому, по их верованиям, после настоящей жизни за пороки назначены наказания, а за

добродетель — награды. Мыслящего иначе они не признают даже человеком, так как подобная личность приравняла возвышенную часть своей души к презренной и низкой плоти зверей. Такого человека они не считают даже гражданином, так как он, если бы его не удерживал страх, не ставил бы ни во что все уставы и обычаи. Действительно, если этот человек не боится ничего, кроме законов, надеется только на одно свое тело, то какое может быть сомнение в том, что он, угождая лишь своим личным страстям, постарается или искусно обойти государственные законы своего отечества, или преступить их силою? Поэтому человеку с таким образом мыслей утопийцы не оказывают никакого уважения, не дают никакой важной должности и вообще никакой службы. Его считают везде за существо бесполезное и низменное. Но его не подвергают никакому наказанию в силу убеждения, что никто не волен над своими чувствами. Вместе с тем утопийцы не заставляют его угрозами скрывать свое настроение; они не допускают притворства и лжи, к которым, как ближе всего граничащим с обманом, питают удивительную ненависть. Но они запрещают ему вести диспуты в пользу своего мнения, правда, только перед народной массой: отдельные же беседы со священниками и серьезными людьми ему не только дозволяются, но даже и поощряются, так как утопийцы уверены в том, что это безумие должно в конце концов наступить доводам разума.

Есть там и другая секта, отнюдь не малочисленная и не встречающая никакого запрета, так как приверженцы ее не считаются людьми дурными и по-своему не совершенно лишены разума. Именно, они держатся совершенно противоположного превратного мнения, будто и души скотов существуют вечно, хотя они все же по достоинству несравнимы с нашими и не рождены для равного счастья. Что же касается душ людей, то почти все утопийцы счита-

ют верным и непреложным их неизмеримое блаженство. Поэтому из больных они оплакивают всех, а из покойников никого, кроме тех, кто, по их наблюдению, расстаётся с жизнью со страхом и против воли. Именно, они считают это очень дурным предзнаменованием и предполагают, что такая душа боится конца, так как безнадежно томится от какого-то тайного предчувствия грядущего наказания. Сверх того, по их мнению, Богу отнюдь не будет угоден приход такого человека, который не бежит охотно на зов, а тащится против воли и упираясь. Взвешивающие на смерть подобного рода приходят в ужас и поэтому выносят усопших с печалью и в молчании и зарывают труп в землю после молитвы милостивому к душам Богу, чтобы он по своей благодати простил их слабости.

Наоборот, никто не скорбит о всех тех, кто скончался бодрым и исполненным доброй надежды. Похороны таких лиц они сопровождают пением, поручают их души Богу с большой любовью и в конце концов сжигают их тела скорее с уважением, чем со скорбью, и воздвигают на этом месте столп с вырезанными на нем заслугами умершего. По возвращении домой они разбирают черты его характера и поступки, и ни одна сторона жизни не упоминается так часто и так охотно, как его радостная кончина. Это воспоминание о высоких качествах умершего, по их мнению, служит для живых весьма действенным поощрением к добродетелям; вместе с тем они считают такое уважение весьма приятным и для усопших; они, по предположению утопийцев, присутствуют при разговорах о них, но, по притупленности человеческого зрения, невидимы. Действительно, с уделом блаженства не может быть связано лишение свободы переселяться куда угодно, а с другой стороны, умершие обнаружили бы полную неблагодарность, отказавшись совершенно от желания видеть своих друзей, с которыми их связывала при жизни взаимная лю-

бовь и привязанность, а это чувство, — догадываются утопийцы, — подобно прочим благам, скорее увеличивается после смерти, чем уменьшается. Итак, по их верованиям, мертвые пребывают среди живых, наблюдая за их словами и деяниями. Поэтому, как бы опираясь на таких защитников, утопийцы приступают к своим делам с большой смелостью, а вера в присутствие предков удерживает их от тайных бесчестных поступков.

Утопийцы совершенно презирают и высмеивают приметы и прочие гадания, очень уважаемые другими народами, но основанные на пустом суеверии, а преклоняются пред чудесами, происходящими без всякого пособия природы, считая их деяниями, свидетельствующими о присутствии божества. По их словам, подобные чудесные знамения часто бывают и в их стране. Иногда, в важных и сомнительных случаях, утопийцы призывают их общественными молитвами, в твердом уповании на их действие, и достигают этого.

Утопийцы признают, что созерцать природу и затем восхвалять ее — дело святое и угодное Богу. С другой стороны, среди них есть лица, и притом немалочисленные, которые, руководясь религией, отвергают науки, не заботятся ни о каком знании, и в то же время не имеют совершенно никакого досуга: они решили заслужить будущее блаженство после смерти только деятельностью и добрыми услугами остальным. Поэтому одни ухаживают за больными, другие ремонтируют дороги, чистят рвы, чинят мосты, копают дерн, песок, камни, валят деревья и разрубают их, возят на телегах в города дрова, зерно и другое и не только по отношению к государству, но и к частным лицам ведут себя как слуги и усердствуют более рабов. Они охотно и весело берут на себя, где бы то ни было, всякое дело, неприятное, тяжелое, грязное, от которого большинство уклоняется по его трудности, отвращению к нему и

его безнадежности. Другим они доставляют покой, а сами находятся в постоянной работе и трудах и все же не порицают, не клеймят жизни других, но не превозносят и своей. Чем более несут они рабский труд, тем больший почет получают от остальных.

Эта секта имеет две разновидности. Одни — холостяки, которые не только совершенно воздерживаются от усад Венеры, но и от употребления мяса, а иные и от всякой животной пищи; они отвергают, как вредные, удовольствия настоящей жизни, стремясь через бдение и в поте лица только к будущей, и сохраняют все же веселость и бодрость в надежде на ее скорое достижение. Другие при не меньшем стремлении к труду предпочитают брак; они не отрицают утех его и считают, что должны исполнить долг природы в этом отношении и дать отечеству потомство. Они не уклоняются ни от какого удовольствия, если оно не удерживает их от труда. Они любят мясо четвероногих по той причине, что, по их мнению, эта пища делает их более сильными для всякой работы. Этих вторых сектантов утопийцы считают более благоразумными, а первых более чистыми. Если бы сектанты первого рода основывали на доводах разума свое предпочтение безбрачия — браку и жизни суровой — жизни спокойной, то они подверглись бы осмеянию; теперь же за свое признание, что они руководятся тут религией, они встречают уважение и почтение. Утопийцы с особым старанием следят за тем, чтобы не высказать какого-либо опрометчивого суждения о какой-нибудь религии. Таковы те люди, которым они дают на своем языке особое название — бутрески¹; это слово можно перевести латинским «религиозные».

¹ Бутрески — придуманное Мором название, составленное из греческого слово богобоязненный и усиливающей частицы; с учетом сказанного смысл слова прозрачен.

Священники утопийцев отличаются особым благочестием, и потому их очень немного, именно — не более тринадцати в каждом городе при одинаковом числе храмов, за исключением тех случаев, когда предстоит война. Тогда семь из них отправляются с войском и столько же временно замещают их. Но каждый из вернувшихся получает обратно свое место. Заместители остаются временно в свите первосвященника и заменяют по порядку первых, когда те умирают. Первосвященник стоит во главе остальных. Священников выбирает народ, и притом, подобно прочим чиновникам, тайным голосованием, во избежание пристрастия. Избранные получают посвящение от своей коллегии. Они заведуют богослужением, исполняют религиозные обряды и являются, так сказать, блюстителями нравов. Большим позором считается, если они вызывают кого к себе по поводу его недостаточно нравственной жизни или делают ему выговор.

Увещание и внушение лежат на обязанности священников, а исправление и наказание преступных принадлежат князю и другим чиновникам. Но священники отлучают от участия в богослужении тех, кого они признают безнадежно испорченными. Ни одного наказания утопийцы не страшатся больше этого. Именно, подвергшиеся ему лица испытывают величайший позор, терзаются тайным религиозным страхом, и даже личность их не остается долго в безопасности. Если они не поспешат доказать священникам свое раскаяние, то подвергаются аресту и несут от сената кару за свое нечестие.

Священники занимаются образованием мальчиков и юношей. Но они столько же заботятся об учении, как и о развитии нравственности и добродетели. Именно, они прилагают огромное усердие к тому, чтобы в еще нежные и гибкие умы мальчиков впитать мысли, добрые и полезные для сохранения государства. Запав в голову мальчиков,

эти мысли сопровождают их на всю жизнь и после возмужалости и приносят большую пользу для охраны государственного строя, который распадается только от пороков, возникающих от превратных мыслей.

Священниками могут быть и женщины. Этот пол не исключен, но выбирается реже, и это бывают только вдовы, и притом пожилые. И жены священников принадлежат к самым выдающимся женщинам в стране. Вообще ни одно должностное лицо не пользуется у утопийцев большим почетом, и даже в случае совершения какого-либо позорного поступка священники не подлежат суду общества, а предоставляются только Богу и себе самим. Утопийцы считают греховным касаться смертной рукою такого человека, который, каким бы он ни был злодеем, посвящен Богу, как своеобразная священная жертва. Соблюдать этот обычай утопийцам тем легче, что священников очень мало и выбор их производится с особой тщательностью. Да и трудно допустить, что порче и пороку может поддаться наилучший из хороших человек, возвышенный в такой сан из уважения к одной добродетели. А уж если бы это действительно случилось в силу изменчивости человеческой природы, то все же не должно чрезмерно бояться, что священники могут погубить государство, ввиду их незначительного числа и отсутствия у них всякой власти, кроме почета. Столь малое число их установлено у утопийцев именно для того, чтобы от разделения почета между многими не падало достоинство их сословия, которому оказывается теперь такое высокое уважение. Особенно же трудным признают утопийцы найти в большом количестве таких хороших людей, которые соответствовали бы этому сану; для ношения его недостаточно обладать посредственными добродетелями.

Утопийские священники пользуются у чужих народов не меньшим уважением, чем у себя дома. Это легко

видно из того, из чего, по моему мнению, это уважение и возникло. Именно, во время решительного боя они не на очень дальнем расстоянии становятся отдельно на колени, одетые в священные облачения; воздев к небу руки, они молятся прежде всего об общем мире, затем о победе для своих, но без кровопролития для той и другой стороны. Когда войска утопийцев начинают брать верх, священники бегут в центр битвы и запрещают свирепствовать против побежденных. Если враги посмотрят на священников и обратятся к ним непосредственно, то этого достаточно для спасения жизни побежденного, а прикосновение его к их развевающимся одеждам защищает даже и его имущество от всякого лишения, связанного с войной. Поэтому все соседние народы питают к ним огромное уважение и так высоко ценят их величие, что священники столь же часто спасали свое войско от врагов, как врагов от своих граждан. Именно, бывали иногда такие случаи, когда войско утопийцев начинало подаваться, положение становилось отчаянным, они готовились даже бежать, а враги устремлялись бить и грабить их, и вот тут вмешательство священников прерывало резню, оба войска размыкались и заключали между собою прочный мир на справедливых условиях. Никогда не было ни одного народа, настолько дикого, жестокого и варварского, который бы не признавал личность утопийских священников неприкосновенной и не подлежащей оскорблениям.

Утопийцы считают праздничными начальный и последний день каждого месяца, а равно и года, который делят на месяцы; срок их ограничен обращением Луны, а год определяется круговоротом Солнца. Первые дни каждого месяца они называют на своем языке цинемерными, а последние — трапемерными; эти слова можно перевести: первые праздники и конечные праздники.

Храмы их представляют выдающееся зрелище; они не только построены с большим искусством, но и могут вместить огромное количество народа, что является необходимым при крайней их малочисленности. Все они, однако, темноваты. По объяснениям утопийцев, это произошло не от невежества в архитектуре, а устроено по совету священников. Именно, по их мнению, неумеренный свет рассеивает мысли, а скудный и, так сказать, сомнительный сосредоточивает религиозное чувство. Религия в Утопии не у всех одинакова, но ее виды, несмотря на свое разнообразие и многочисленность, различными путями как бы сходятся все к одной цели — почитанию божественной природы. Поэтому в храмах не видно и не слышно ничего такого, что не подходило бы ко всем религиям вообще. Священнодействия, присущие всякой секте в отдельности, каждый отправляет в стенах своего дома. Общественные богослужения совершаются таким чином, который ни в чем не противоречит службам отдельных сект.

Поэтому в храме не видно никаких изображений богов, отчего каждый волен представлять себе Бога в какой угодно форме, так сказать с точки зрения своей религии. Обращаясь к Богу, они не называют его никаким особым именем, кроме Митры; этим наименованием все согласно признают единую природу его божественного величия, какова бы ни была она. Утопийцы не творят никаких молитв, которых каждый не мог бы произнести без оскорбления своей секты.

Итак, в конечные праздники они натошак вечером собираются в храм с тем, чтобы благодарить Бога за благополучно проведенный год или месяц, последний день которого составляет этот праздник. На следующий день, то есть в первый праздник, они рано утром стекаются в храм для совместной молитвы о благополучии и счастье в наступающем году или месяце, который они готовятся освя-

тить этим праздником. Но в конечные праздники, до отправления в храм, жены припадают к ногам мужей, дети — родителей, признают свои прегрешения в том, что они или совершили что-нибудь неподобающее, или небрежно относились к своим обязанностям, и молят о прощении своих заблуждений. Таким образом, всякое облачко, омрачавшее домашний раздор, рассеивается от подобного извинения, и они могут участвовать в богослужении с чистым и ясным настроением. Присутствие же там с нечистой совестью считается греховным. Поэтому человек, сознающий за собою ненависть или гнев на кого-нибудь, идет на богослужение, только примирившись и очистившись; иначе он опасается быстрого и тяжкого возмездия.

По приходе в храм мужчины направляются на правую сторону его, а женщины — отдельно, на левую. Затем они размещаются так, что мужчины каждого дома садятся впереди отца семейства, а вереницу женщин замыкает мать семейства. Это делается в тех видах, чтобы все движения каждого вне дома подлежали наблюдению со стороны тех, чей авторитет и надзор руководит ими дома. Мало того, они старательно следят также за тем, чтобы младшие сидели там повсюду бок о бок со старшими, иначе дети, порученные детям же, будут проводить в детских шалостях то время, когда они должны особенно проникаться религиозным страхом к божеству, а это служит главнейшим и почти единственным поощрением к добродетели.

Утопийцы не закальвают на богослужении никаких животных и не думают, чтобы Бог, даровавший в своем милосердии жизнь людям для жизни же, находил удовольствие в крови и убийствах. Они зажигают ладан, равно как и другие благовония, и сверх этого приносят массу восковых свечей. Им отлично известно, что это, равно как и самые молитвы людей, отнюдь не нужно для природы божества, но им нравится подобный безвредный род бого-

почитания, и они чувствуют, что этот запах, освещение, равно как и прочие обряды, каким-то непонятным образом возвышают людей и пробуждают в них большую бодрость для поклонения Богу. Народ в храме одет в белое платье; священник облачается в разноцветное, удивительное по работе и по форме. Материя его не очень дорогая: она не выткана из золота и не украшена редкостными камушками, но очень умело и с замечательным искусством выделана из птичьих перьев, так что стоимость работы не может сравниться ни с какой материей. К тому же, по словам утопийцев, в перьях и пухе этих птиц и в их определенном расположении, в котором они чередуются на одежде священника, заключается некий таинственный смысл. Истокование его, которое тщательно передается священнослужителями, должно напоминать о благодеяниях божиих к ним, равно как и об их богобоязненности и о взаимных обязанностях друг к другу.

Когда священник в таком наряде впервые появляется из святилища, все немедленно с благоговением падают ниц на землю. При этом со всех сторон царит самое глубокое молчание, так что самая внешность этого обряда внушает известный страх, как будто от присутствия какого-нибудь божества. Полежав немного на земле, они поднимаются по данному священником знаку. Затем они поют хвалы Богу, которые чередуют с игрой на музыкальных инструментах, по большей части другой формы, чем те, которые имеются у нас. Большинство из этих инструментов своею приятностью превосходят употребительные у нас, их нельзя даже и сравнивать с нашими. Но в одном отношении, без сомнения, утопийцы значительно превосходят нас; вся их музыка, гремит ли она на органах или исполняется голосом человека, весьма удачно изображает и выражает естественные ощущения; звук вполне приспособляется к содержанию, есть ли это речь молитвы

или радость, умилоствление, тревога, печаль, гнев; форма мелодии в совершенстве передает определенный смысл предмета. В результате она изумительным образом волнуется, проникает, зажигает сердца слушателей.

Напоследок священник, равно как и народ, торжественно произносит праздничные молитвы. Они составлены так, что читаемое всеми вместе каждый в отдельности может относить к самому себе. В этих молитвах всякий признает Бога творцом, правителем и, кроме того, подателем всех прочих благ; воздает ему благодарность за столько полученных благодеяний, а особенно за то, что попал в такое государство, которое является самым счастливым, получил в удел такую религию, которая, как он надеется, есть самая истинная. Если же молящийся заблуждается в этом отношении или если существует что-нибудь лучшее данного государственного строя и религии и Бог одобряет это более, то он просит, чтобы по благодати божией ему позволено было познать это; он готов следовать, в каком бы направлении бог ни повел его. Если же этот вид государства есть наилучший и избранная им религия — самая отличная, то да пошлет ему Бог силу держаться того и другого и да приведет он всех остальных смертных к тем же правилам жизни, к тому же представлению о Боге. Правда, может быть, неисповедимая воля находит удовольствие в подобном разнообразии религий. Наконец, утопиец молится, чтобы бог принял его к себе после легкой кончины; конечно, молящийся не дерзает определить, будет ли это скоро или поздно. Правда, насколько это позволительно совместить с величием Божиим, для утопийца будет гораздо приятнее перейти к Богу после самой тяжелой смерти, чем вести долгую удачную жизнь вдали от него. После произнесения этой молитвы они снова падают ниц на землю и, встав через короткое время, идут обедать, а остаток дня проводят в играх и в занятиях военными науками.

Я описал вам, насколько мог правильно, строй такого общества, какое я, во всяком случае, признаю не только наилучшим, но также и единственным, которое может присвоить себе с полным правом название общества. Именно, в других странах повсюду говорящие об общественном благополучии заботятся только о своем собственном. Здесь же, где нет никакой частной собственности, они фактически занимаются общественными делами. И здесь и там такой образ действия вполне правилен. Действительно, в других странах каждый знает, что, как бы общество ни процветало, он все равно умрет с голоду, если не позаботится о себе лично. Поэтому в силу необходимости он должен предпочитать собственные интересы интересам народа, то есть других. Здесь же, где все принадлежит всем, наоборот, никто не сомневается в том, что ни один частный человек не будет ни в чем терпеть нужды, стоит только позаботиться о том, чтобы общественные магазины были полны. Тут не существует неравномерного распределения продуктов, нет ни одного нуждающегося, ни одного нищего, и хотя никто ничего не имеет, тем не менее, все богаты. Действительно, может ли быть лучшее богатство, как лишенная всяких забот, веселая и спокойная жизнь? Тут не надо тревожиться насчет своего пропитания; не приходится страдать от жалобных требований жены, опасаться бедности для сына, беспокоиться о приданом дочери. Каждый может быть спокоен насчет пропитания и благополучия как своего, так и всех своих: жены, сыновей, внуков, правнуков, праправнуков и всей длинной вереницы своих потомков, исчисление которой принято в знатных родах. Далее, о потерявших работоспособность утопийцы заботятся нисколько не меньше, чем и о тех, кто работает теперь. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь посмел

сравнить с этим беспристрастием справедливость других народов. Да провалиться мне, если я найду у них какой-нибудь след справедливости и беспристрастия! В самом деле, возьмем какого-нибудь дворянина, золотых дел мастера, ростовщика или кого-нибудь другого подобного. Какая же это будет справедливость, если все эти люди совершенно ничего не делают или дело их такого рода, что не очень нужно государству, а жизнь их протекает среди блеска и роскоши, и проводят они ее в праздности или в бесполезных занятиях? Возьмем теперь, с другой стороны, поденщика, ломового извозчика, рабочего, земледельца. Они постоянно заняты усиленным трудом, какой едва могут выдержать животные; вместе с тем труд этот настолько необходим, что ни одно общество не просуществует без него и года, а жизнь этих людей настолько жалка, что по сравнению с ними положение скота представляется более предпочтительным. В самом деле, скот не несет постоянно такого труда, питание его только немного хуже, а для него и приятнее, и наряду с этим у него нет никакого страха за будущее. Что же касается людей, то их угнетает в настоящем бесплодный и безвыгодный труд, их убивает мысль о нищенской старости. Поденная плата их слишком мала, чтобы ее хватало на потребности того же дня; нечего и говорить тут, чтобы ежедневно оставался какой-нибудь излишек для сбережения на старость.

Можно ли назвать справедливым и благодарным такое общество, которое столь расточительно одаряет так называемых благородных, золотых дел мастеров и остальных людей этого рода, ничего не делающих, живущих только лезть и изобретающих никчемные удовольствия, а с другой стороны, не выказывает ни малейшей заботы о земледельцах, угольщиках, поденщиках, ломовых извозчиках и рабочих, без которых не было бы вообще никакого общества? Мало того, обременяя их работою в цветущую пору их жизни, оно не вспоминает об их неусыпном старании,

забывает о принесенных ими многих и великих благодеяниях, а когда на них обрушатся старость, болезни и тяжкая нужда, с самой черствой неблагодарностью вознаграждает их жалкой смертью. Далее, из поденной платы бедняков богачи ежедневно урывают кое-что не только личными обманами, но также и на основании государственных законов. Таким образом, если раньше представлялось несправедливым оплачивать черной неблагодарностью за усердную службу на пользу общества, то они извратили это так, что сделали справедливостью путем обнародования особых законов.

При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах. Они измышляют и избредают всякие способы и хитрости, во-первых, для того чтобы удержать без страха потери то, что стяжали разными мошенническими хитростями, а затем для того, чтобы откупить себе за возможно дешевую плату работу и труд всех бедняков и эксплуатировать их, как вьючный скот. Раз богачи постановили от имени государства, значит, также и от имени бедных соблюдать эти ухищрения, они становятся уже законами. Но и тут, когда эти омерзительные люди, в силу своей ненасытной алчности, поделили в своей среде все то, чего хватило бы на всех, как далеки они все же от благоденствия государства утопийцев! Выведя деньги из употребления, они совершенно уничтожили всякую алчность к ним, а какая масса тягостей пропала при этом! Какой посев преступлений вырван с корнем! Кто не знает, что с исчезновением денег совершенно отмирают все те преступления, которые подвергаются ежедневной каре, но не обузданию, а именно: обманы, кражи, грабежи, ссоры, восстания, споры, мятежи, убийства, предательства, отравления; вдобавок вместе с деньгами

моментально погибнут страх, тревога, заботы, труды, бессонница. Даже сама бедность, которая, по-видимому, одна только нуждается в деньгах, немедленно исчезла бы с совершенным уничтожением денег.

Чтобы это было яснее, вообрази себе какой-нибудь бесплодный и неурожайный год, в который голод унес много тысяч людей. Я решительно утверждаю, что если в конце этого бедствия порастрясти житницы богачей, то там можно было бы найти огромное количество хлеба; и если бы распределить этот запас между теми, кто погиб от недоедания и изнурения, то никто и не заметил бы подобной скупости климата и почвы. Так легко можно было бы добыть пропитание, но вот пресловутые блаженные деньги, прекрасное изобретение, открывающее доступ к пропитанию, одни только и загораживают дорогу к пропитанию. Не сомневаюсь, что богачи тоже чувствуют это; они отлично знают, что лучше быть в таком положении, чтобы ни в чем не нуждаться, чем иметь в изобилии много лишнего; лучше избавиться от многочисленных бедствий, чем быть осажденным большими богатствами. Мне и в голову не приходит сомневаться, что весь мир легко и давно уже принял бы законы утопийского государства как из соображений собственной выгоды, так и в силу авторитета Христа-спасителя, который по своей величайшей мудрости не мог не знать того, что лучше всего, а по своей доброте не мог не посоветовать того, что он знал за самое лучшее. Но этому противится одно чудовище, царь и отец всякой гибели, — гордость. Она меряет благополучие не своими удачами, а чужими неудачами. Она не хотела бы даже стать богиней, если бы не оставалось никаких несчастных, над которыми она могла бы властвовать и издеваться; ей надо, чтобы ее счастье сверкало при сравнении с их бедствиями, ей надо развернуть свои богатства, чтобы терзать и разжигать их недостаток. Эта адская змея пресмыкается

в сердцах людей и, как рыба-подлипала, задерживает и замедляет избрание ими пути к лучшей жизни.

Так как она слишком глубоко внедрилась в людей, чтобы ее легко можно было вырвать, то я рад, что, по крайней мере, утопийцам выпало на долю государство такого рода, который я с удовольствием пожелал бы для всех. Они последовали в своей жизни именно таким уставам и заложили на них основы государства не только очень удачно, но и навеки, насколько это может предсказать человеческое предположение. Они истребили у себя с прочими пороками корни честолюбия и раздора, а потому им не грозит никакой опасности, что они будут страдать от внутренних распрей, исключительно от которых погибли многие города с их прекрасно защищенными богатствами. А при полном внутреннем согласии и наличии незыблемых учреждений эту державу нельзя потрясти и поколебать соседним государям, которые под влиянием зависти давно уже и неоднократно покушались на это, но всегда получали отпор.

Когда Рафаил изложил все это, мне сейчас же пришло на ум немало обычаев и законов этого народа, заключающих в себе чрезвычайную нелепость. Таковы не только способ ведения войны, их церковные обряды и религии, а сверх того и другие их учреждения, но особенно то, что является главнейшей основой их устройства, а именно: общность их жизни и питания при полном отсутствии денежного обращения. Это одно совершенно уничтожает всякую знатность, великолепие, блеск, что, по общепринятому мнению, составляет истинную славу и красу государства. Но я знал, что Рафаил утомлен рассказом, и у меня не было достаточной уверенности, может ли он терпеливо выслушать возражения против его мнения, а в особенности я вспоминал, как он порицал некоторых за их напрасное опасение, что их не сочтут достаточно умными, если

они не найдут в речах других людей того, за что их можно продернуть. Поэтому, похвалив устройство утопийцев и речь Рафаила, я взял его за руку и повел в дом ужинать. Правда, я сделал оговорку, что у нас будет еще время поглубже подумать об этом предмете и побеседовать с рассказчиком поосновательнее. Хорошо, если бы это когда-нибудь осуществилось! Между тем я не могу согласиться со всем, что рассказал этот человек, во всяком случае, и бесспорно глубоко образованный, и очень опытный в понимании человечества; но, с другой стороны, я охотно признаю, что в утопийской республике имеется очень много такого, чего я более желаю в наших государствах, нежели ожидаю.

Конец, послеполуденной беседы, которую вел Рафаил Гитлодей о законах и обычаях острова Утопии, известного доселе немногим, в записи славнейшего и ученейшего мужа г-на Томаса Мора, лондонского гражданина и виконта.

Томмазо Кампанелла

ГОРОД СОЛНЦА

Собеседники: Главный Гостинник и Мореход из Генуи

Г о с т и н н и к. Поведай мне, пожалуйста, о всех своих приключениях во время последнего плавания.

М о р е х о д. Я уже рассказывал тебе о своем кругосветном путешествии, во время которого попал я в конце концов на Тапробану¹, где был вынужден сойти на берег. Там, опасаясь туземцев, укрылся я в лесу; когда же я наконец из него выбрался, очутился я на широкой равнине, лежащей как раз на экваторе.

Г о с т и н н и к. Ну, а там что с тобой приключилось?

М о р е х о д. Я неожиданно столкнулся с большим отрядом вооруженных мужчин и женщин, многие из которых понимали наш язык. Они сейчас же повели меня в Город Солнца.

Г о с т и н н и к. Скажи мне, как же устроен этот город и какой в нем образ правления?

М о р е х о д. На обширной равнине возвышается высокий холм, на котором и расположена большая часть города; многочисленные же его окраины выходят далеко за подошву горы, размеры которой таковы, что город имеет в поперечнике свыше двух миль, а окружность его равна семи. Благодаря тому, что лежит он по горбу холма, площадь его больше, чем если бы он находился на равнине. Разделяется город на семь обширных поясов, или кругов, называющихся по семи планетам². Из одного круга в дру-

¹ Тапробана — старинное название одного из островов Индийского океана, скорее всего Цейлона.

² Семь планет согласно системе Птолемея: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн.

гой попадают по четырем мощным улицам сквозь четверо ворот, обращенных на четыре стороны света. И город так, право, выстроен, что если бы взят был приступом первый круг, то для взятия второго понадобилось бы употребить вдвое больше усилий; а для овладения третьим — еще того больше. Итак, чтобы захватить каждый следующий, надо было бы постоянно употреблять вдвое больше усилий и труда. Таким образом, если бы кто задумал взять этот город приступом, ему пришлось бы брать его семь раз. Но, по-моему, невозможно взять и первый круг: настолько широк окружающий его земляной вал, и так укреплен он бастионами, башнями, бомбардами и рвами.

Итак, войдя северными воротами (которые окованы железом и так сделаны, что могут легко подыматься и опускаться и накрепко запираются благодаря удивительно ловкому устройству своих выступов, прилаженных для движения в выемках прочных косяков), увидел я ровное пространство шириною в семьдесят шагов между первым и вторым рядом стен. Оттуда можно видеть обширные палаты, соединенные со стеною второго круга так, что они, можно сказать, составляют как бы одно целое здание. На половине высоты этих палат идут сплошные арки, на которых находятся галереи для прогулок и которые поддерживаются снизу прекрасными толстыми столбами, опоясывающими аркады наподобие колоннад или монастырских переходов. Снизу входы в эти здания имеются лишь с внутренней, вогнутой стороны стены; в нижние этажи входят прямо с улицы, а в верхние — по мраморным лестницам, ведущим в подобные же внутренние галереи, а из них — в прекрасные верхние покои с окнами как на внутреннюю, так и на наружную сторону стены и разделенные легкими перегородками. Толщина выпуклой, то есть внешней стены — восемь пядей, вогнутой — три, а промежуточных — от одной до полутора пядей.

Отсюда можно пройти к следующему проходу между стенами, шага на три уже первого, с которого видна первая стена следующего круга с подобными же галереями вверху и внизу; а с внутренней стороны идет другая стена, опоясывающая палаты, с такими же выступами и переходами, опирающимися снизу на колонны; вверху же, там, где находятся двери в верхние покои, она расписана великолепною живописью.

Таким образом, по подобным же кругам и через двойные стены, внутри которых находятся палаты с выступающими наружу галереями на колоннах, доходишь до самого последнего круга, идя все время по ровному месту; однако же при проходе сквозь двойные ворота (во внешних и внутренних стенах) приходится подниматься по ступеням, но устроенным так, что подъем почти не заметен: идешь по ним наискось, и высота лестниц поэтому едва ощутима. На вершине горы находится открытая и просторная площадь, посередине которой возвышается храм, воздвигнутый с изумительным искусством.

Г о с т и н н и к. Продолжай же, продолжай, говори, заклиная тебя жизнью!

М о р е х о д. Храм прекрасен своей совершенно круглою формой. Он не обнесен стенами, а покоится на толстых и соразмерных колоннах. Огромный, с изумительным искусством воздвигнутый купол храма завершается посередине, или в зените, малым куполом с отверстием над самым алтарем. Этот единственный алтарь находится в центре храма и обнесен колоннами. Храм имеет в окружности свыше трехсот пятидесяти шагов. На капители колонн снаружи опираются арки, выступающие приблизительно на восемь шагов и поддерживаемые другим рядом колонн, покоящихся на широком и прочном парапете вышиною в три шага; между ним и первым рядом колонн идут нижние галереи, вымощенные красивыми камнями; а на вогнутой стороне парапета, разделенно-

го частыми и широкими проходами, устроены неподвижные скамьи; да и между внутренними колоннами, поддерживающими самый храм, нет недостатка в прекрасных переносных креслах.

На алтаре виден только один большой глобус с изображением всего неба и другой — с изображением земли. Затем на своде главного купола нанесены все звезды неба от первой до шестой величины, и под каждой из них указаны в трех стихах ее название и силы, которыми влияет она на земные явления. Имеются там и полюсы, и большие и малые круги, нанесенные в храме перпендикулярно к горизонту, однако не полностью, так как внизу нет стены; но их можно дополнить по тем кругам, которые нанесены на глобусах алтаря. Пол храма блистает ценными камнями. Семь золотых лампад, именующихся по семи планетам, висят, горя неугасимым огнем. Малый купол над храмом окружают несколько небольших красивых келий, а за открытым проходом над галереями, или арками, между внутренними и внешними колоннами расположено много других просторных келий, где живут до сорока девяти священников и подвижников. Над меньшим куполом возвышается только своего рода флюгер, указывающий направление ветров, которых они насчитывают до тридцати шести. Они знают, и какой год предвещают какие ветры, и какие перемены на суше и на море, но лишь в отношении своего климата. Там же, под флюгером, хранится написанный золотыми буквами свиток.

Г о с т и н н и к. Прошу тебя, доблестный муж, разъясни мне подробно всю их систему управления. Это меня особенно интересует.

М о р е х о д. Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком¹. Он является главою

¹ Метафизик. — Здесь то же, что и философ.

всех и в светском, и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор¹, или по-нашему: Мощь, Мудрость и Любовь.

В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше Солнца. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снабжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астролог, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

По повелению Мудрости во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки.

На внешних стенах храма и на завесах, ниспадающих, когда священник произносит слово, дабы не терялся его голос, минуя слушателей, изображены все звезды, с обозначением при каждой из них в трех стихах ее сил и движений.

На внутренней стороне стены первого круга изображены все математические фигуры, которых значительно

¹ Пон, Син и Мор (Pon, Sin, Mor). — Обозначения этих правителей составлены из части букв, входящих в латинские слова, обозначающие соответственно Potentia, Sapientia, Amor (мощь, мудрость и любовь).

больше, чем открыто их Архимедом¹ и Евклидом². Величина их находится в соответствии с размерами стен, и каждая из них снабжена подходящей объяснительной надписью в одном стихе: есть там и определения, и теоремы, и т.п. На внешнем изгибе стены находится прежде всего крупное изображение всей земли в целом; за ним следуют особые картины всевозможных областей, при которых помещены краткие описания в прозе обычаев, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей; также и алфавиты, употребляемые во всех этих областях, начертаны здесь над алфавитом Города Солнца.

На внутренней стороне стены второго круга, или второго ряда строений, можно видеть как изображения, так и настоящие куски драгоценных и простых всякого рода камней, минералов и металлов, с пояснениями при каждом в двух стихах. На внешней стороне изображены моря, реки, озера и источники, существующие на свете; так же как и вина, масла и все жидкости; указано их происхождение, качества и свойства; а на выступах стены стоят сосуды, наполненные жидкостями, выдержанными от сотни до трехсот лет, для лечения различных недугов. Там же, с соответствующими стихами, находятся и подлинные изображения града, снега, грозы и всех воздушных явлений.

На внутренней стороне стены третьего круга нарисованы все виды деревьев и трав, а иные из них растут там в горшках на выступах наружной стены строений; они снаб-

¹ Архимед. — Архимед (287 — 212 до н.э.) — древнегреческий физик, математик, инженер. Жил в Сиракузах. Открыл закон рычага, законы гидростатики, изобрел ряд технических устройств.

² Евклид. — Евклид или Эвклид (IV в. до н.э.) — древнегреческий математик. Принадлежал к Александрийской школе. Главный труд — «Начала» или «Элементы» (греч. *Στοιχεῖα*) содержит основы планиметрии и стереометрии, теории чисел. Подводит итог достижениям античной математики.

жены пояснениями, где какие впервые найдены, каковы их силы и качества, и чем сходствуют они с явлениями небесными, среди металлов, в человеческом теле и в области моря; каково их применение в медицине и т. д. На внешней стороне — всевозможные породы рыб речных, озерных и морских, их нравы и особенности, способы размножения, жизни, разведения, какая от них польза миру и нам, равно как и сходства их с предметами небесными и земными, созданными природой или искусственно; так что я был совершенно поражен, увидев рыбу-епископа, рыбу-цепь, панцирь, гвоздь, звезду, мужской член, в точности соответствующих по своему виду предметам, существующим у нас. Там можно увидеть и морских ежей, и улиток, и устриц и т. д. И все достойное изучения представлено там в изумительных изображениях и снабжено пояснительными надписями.

На внутренней стороне четвертого круга изображены всякие породы птиц, их качества, размеры, нравы, окраска, образ жизни и т. д. И Феникса¹ они считают за действительно существующую птицу. На внешней стороне видны все породы пресмыкающихся: змеи, драконы, черви; и насекомые: мухи, комары, слепни, жуки и т. д., с указанием их особенностей, свойств ядовитости, способов применения и т. д. И их там гораздо больше, чем даже можно себе представить. На внутренней стороне стены пятого круга находятся высшие земные животные, количество видов которых просто поразительно: мы не знаем и тысячной их части. И такое их множество, и таковы их размеры, что изображены они и на внешней стороне круговой стены. Сколько там одних только лошадиных пород, какие все это

¹ Феникс — птица, мифологический образ которой принадлежит многим народам древности. Способна сжигать себя и вновь возрождаться. Связана с культом Солнца. Считается похожей на орла с ярко-красным или золотисто-красным оперением.

прекрасные изображения, и как толково все это объяснено! На внутренней стороне стены шестого круга изображены все ремесла с их орудиями и применение их у различных народов. Расположены они сообразно их значению и снабжены пояснениями. Тут же изображены и их изобретатели. На внешней же стороне нарисованы все изобретатели наук, вооружения и законодатели. Видел я там Моисея, Озириса¹, Юпитера², Меркурия³, Ликурга⁴, Помпилия⁵, Пифагора, Замолксия⁶, Солона⁷ и многих других; имеется у них и изображение Магомета, которого, однако, они презирают, как вздорного и ничтожного законодателя. Зато на почетнейшем месте увидел я образы Иисуса Христа и двенадцати апостолов, которых они глубоко чтут и превозносят, почитая их за сверхчеловеков. Видел я Цезаря⁸, Александра⁹,

¹ Озирис — египетский бог солнца.

² Юпитер. — Здесь: Бог древнеримской мифологии, бог неба, дневного света, грозы, отец богов, верховное божество римлян. Соответствует греческому Зевсу.

³ Меркурий — в древнеримской мифологии бог-покровитель торговли, сын бога неба Цела.

⁴ Ликург — легендарный спартанский законодатель.

⁵ Помпилий — Во многом легендарный римский царь, древний религиозный и гражданский законодатель Рима, живший, вероятно, в VII в. до н. э.

⁶ Замолксий. — Замолксис или Залмоксис, полумифический социальный и религиозный реформатор, которого фракийское племя гетов почитало как единственного истинного бога. Греки перетолковали образ Зомолксиса, так что он стал считаться рабом Пифагора. Будучи отпущенным Пифагором на свободу, он будто бы стал распространять среди фракийцев пифагоровское учение о перевоплощении душ.

⁷ Солон. — Солон (ок. 640—559 гг. до н. э.) — афинский законодатель.

⁸ Цезарь. — Гай Юлий Цезарь (100 или 102 — 44 до н.э.) — древнеримский государственный и политический деятель, диктатор, полководец, писатель.

⁹ Александр Македонский (356 — 323), македонский царь с 336 г., полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти. В западной историографии более известен как Александр Великий. Еще в античности прославился как один из самых великих, если не величайший, полководец в истории.

Пирра¹, Ганнибала² и других достославных мужей, прославившихся на войне и в мирных делах, главным образом римлян, изображения которых находятся на нижней части стен, под портиками. Когда же стал я с изумлением спрашивать, откуда известна им наша история, мне объяснили, что они обладают знанием всех языков и постоянно отправляют по свету нарочных разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов и со всем, что есть у них хорошего и дурного, и для донесения затем своей республике; и все это чрезвычайно их занимает. Узнал я там и то, что китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание³. Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста.

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и ло-

¹ Пирр (318 — 272 до н.э.), царь Эпира (306 — 301 и 297 — 272) и Македонии (288 — 284 и 273 — 272), выдающийся полководец, один из сильнейших противников Рима. Троюродный брат и двоюродный племянник Александра Македонского. Многие современники Пирра считали, что в его лице возродился сам Александр Великий. Выражение *пиррова победа*, т.е. победа, равносильная поражению, происходит из слов Пирра, сказанных после одной из битв с римлянами (при Аускуле, 279 г. до н.э.): «Еще одна такая победа, и я останусь без войска».

² Ганнибал (247 — 183 до н.э.) — карфагенский полководец, признан одним из великих полководцев и государственных деятелей древности. Заклятый враг Рима, влиятельный лидер Карфагена перед тем, как этот город был завоеван Римом в итоге так называемых Пунических войн. Покончил жизнь самоубийством, не желая сдаваться римлянам.

³ Китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание. — Уже в китайском военном трактате «У-цзин-яо» 1044 года описаны различные способы изготовления пороха. Способ печатания с наборного шрифта к тому же времени тоже был известен в Китае.

шадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям. В его распоряжении находится ряд наставников и наставниц, приставленных следить за всеми этими делами. Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные.

Г о с т и н н и к. Но скажи, пожалуйста, все эти их должности, учреждения, обязанности, воспитание, образ жизни, — что это: республика, монархия или аристократия?

М о р е х о д. Народ этот появился из Индии, бежавши оттуда после поражения монголами и насильниками, разорившими их родную страну, и решил вести философский образ жизни общиной. И хотя общность жен и не установлена среди остального населения, живущего в их области, у них самих она принята на том основании, что у них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить.

Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и

знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине.

Г о с т и н н и к. Так ведь никто же не захочет работать, раз будет рассчитывать прожить на счет работы других, в чем Аристотель¹ и опровергает Платона².

М о р е х о д. Я — плохой спорщик, но, тем не менее, уверяю тебя, что они пылают такой любовью к родине, какую и представить себе трудно; гораздо больше даже, чем римляне, — которые, как известно по преданиям, добровольно умирали за отечество, — потому что значительно превзошли их в отрешении от собственности. Я, по крайней мере, уверен, что и братья, и монахи, и клирики наши, не соблазняясь они любовью к родным и друзьям, стали бы гораздо святее, меньше были бы привязаны к собственности и дышали бы большею любовью к ближнему.

Г о с т и н н и к. Но разве может кто бы то ни было обладать такою ученостью? Да и не способен, мне кажется, к управлению тот, кто посвятил себя наукам.

М о р е х о д. Это же самое возражал им и я.

Они же мне, ответили: «Мы, несомненно, лучше знаем, что столь образованный муж будет мудр в деле управления, чем вы, которые ставите главами правительства людей невежественных, считая их пригодными для этого лишь потому, что они либо принадлежат к владетельному роду, либо избраны господствующей партией. А наш, пусть он даже будет совершенно неопытен в делах управления

¹ Аристотель (384 — 322 до н.э.) — древнегреческий философ, ученик Платона, создатель логики, основал Ликей и так называемую перипатетическую школу. В средние века наиболее чтимый философский авторитет в рамках схоластического, т.е. рационалистического ориентированного догматического теоретизирования.

² Платон (428 или 427 — 348 или 347 г. до н. а.) — древнегреческий философ. В своем «Городе Солнца» Т. Кампанелла вслед за Т. Мором продолжает традицию коммунистической утопии (идеального государства, справедливого общества) Платона.

государством, никогда, однако, не будет ни жестоким, ни преступником, ни тираном именно потому, что он столь мудр. Но, кроме того, да будет вам известно, что твой аргумент имеет силу применительно к вам, раз вы считаете учнейшими тех, кто лучше знает грамматику или логику Аристотеля или другого какого-либо автора. Для такого рода мудрости потребны только рабская память и труд, от чего человек делается косным, ибо занимается изучением не самого предмета, а лишь книжных слов, и унижает душу, изучая мертвые знаки вещей, и не понимает из-за этого ни того, каким образом Бог правит сущим, ни нравов и обычаев, существующих в природе и у отдельных народов. Но ничего такого не сможет случиться с нашим, ибо ведь никто не в состоянии изучить стольких искусств и наук, не обладая исключительными способностями ко всему, а следовательно, в высшей степени и к правлению. Нам также прекрасно известно, что тот, кто занимается лишь одной какой-нибудь наукой, ни ее как следует не знает, ни других. И тот, кто способен только к одной какой-либо науке, почерпнутой из книг, тот невежествен и косен. Но этого не случается с умами гибкими, восприимчивыми ко всякого рода занятиям и способными от природы к постижению вещей, каковым необходимо и должен быть наш. Кроме того, как видишь, в нашем городе с такою легкостью усвоятся знания, что ученики достигают больших успехов за один год, чем у вас за десять или пятнадцать лет. Проверь это, пожалуйста, на наших детях».

Я был совершенно изумлен и справедливостью их рассуждений, и испытанием тех детей, которые хорошо понимали мой родной язык. Дело в том, что каждые трое из них должны знать или наш язык, или арабский, или польский, или какой-либо из прочих языков. И они не признают никакого иного отдыха, кроме того, во время которого приобретают еще больше знаний, для чего и отправляются

они в поле — заниматься бегом, метанием стрел и копий, стрелять из аркебузов, охотиться на диких зверей, распознавать травы и камни и т. д. и учиться земледелию и скотоводству в составе то одного, то другого отряда.

Троим же соправителям Солнца полагается изучать лишь те науки, которые относятся к их области управления: с другими, общими для всех, они знакомятся только наглядным путем, свои же знают в совершенстве и, естественно, лучше всякого другого. Так, Мощь в совершенстве знает кавалерийское дело, построение войска, устройство лагеря, изготовление всякого рода оружия, военных машин, военные хитрости и все вообще военное дело. Но, кроме того, эти правители непременно должны быть и философами, и историками, и политиками, и физиками.

Г о с т и н н и к. Теперь мне бы хотелось, чтобы ты рассказал об их учреждениях — подробно о каждом — и разъяснил получше их общественное воспитание.

М о р е х о д. Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждая из них обозначается буквами на притолоке. Занятия отвлеченными науками и ремеслами являются у них общими как для мужчин, так и для женщин, с одним только различием — наиболее тяжелые ремесла и загородные работы исполняются мужчинами так: пахота, сев, сбор плодов, молотья да и сбор винограда. Но для дойки овец и приготовления сыра обычно назначаются женщины; точно так же они выходят недалеко за черту города собирать травы и работать в садах. А к женскому труду относятся те работы, какие исполняются сидя или стоя: так, например, тканье, пряденье, шитье, стрижка волос и бороды, изготовление лекарств и всякого рода одежды. Однако для столярных и кузнечных работ и изготовления орудий женщины не применяются. Но к за-

нятию живописью они допускаются, если обнаруживают к ней способности. Что же касается музыки, то ею занимаются исключительно женщины, потому что она у них получается приятнее, да дети, однако на трубах и барабанах они не играют. Они же и готовят и накрывают на стол; но прислуживать за столом составляет обязанность мальчиков и девушек до двадцати лет. В каждом круге есть свои кухни, магазины, кладовые для посуды, съестных припасов и напитков. Для наблюдения за исполнением всех обязанностей по этой части приставлены маститый старец со старухой, которые распоряжаются прислуживающими и имеют власть бить или приказывать бить нерадивых и непослушных; и в то же время они замечают и отличают мальчиков и девушек, лучше других исполняющих отдельные обязанности. Вся молодежь прислуживает старшим, кому минуло сорок лет. И вечером, при отходе ко сну, и утром начальник и начальница отправляют одного из молодых людей по очереди прислуживать в каждую отдельную спальню. Друг другу молодые люди прислуживают сами, и горе уклоняющимся!

Столы ставят у них в два ряда, сиденьями по обеим сторонам; с одной стороны сидят женщины, с другой — мужчины, и, как в монастырских трапезных, не бывает там никакого шума. Во время еды один из юношей с возвышения читает нараспев внятно и звучно по книге, а должностные лица часто беседуют по поводу какого-нибудь примечательного места из прочитанного. И, право, приятно смотреть, как ловко прислуживает им такая красивая молодежь в подпоясанной одежде, и видеть, как столько друзей, братьев, сыновей, отцов и матерей живут вместе в такой степенности, благообразии и любви. Каждому полагается своя салфетка, миска, похлебка и кушанье. На обязанности врачей лежит заказывать поварам еду на каждый день: что готовить старикам, что молодым и что для больных. Должностные лица получают большие и луч-

шие порции, и из своих порций они всегда уделяют что-нибудь на стол детям, выказавшим утром больше прилежания на лекциях, в ученых беседах и на военных занятиях. И это считается одной из величайших почестей. А по праздничным дням они любят и петь за столом; поют или в несколько голосов, или кто-нибудь один под аккомпанемент лютни и т. п. И так как все в равной мере принимают участие в домашнем хозяйстве, то никогда ни в чем не оказывается никакого недостатка. Почтенные пожилые люди наблюдают за кухней и прислуживающими в столовой и тщательно следят за чистотой постелей, посуды, одежды, мастерских и кладовых.

Одежду их составляет белая нательная рубаха, а поверх нее платье, являющееся одновременно и камзолом и штанами, сшитое без складок, с разрезами от плеч до голени и от пупа до зада между ляжками. С одной стороны этих разрезов идут петли, а с другой — пуговицы, на которые они застегиваются. Штаны оканчиваются завязками у самых щиколоток; затем носят они высокие гамашы, вроде голенищ, на застежках и поверх них — башмаки. И, наконец, как мы сказали, накидывают они плащ. И так ладно и ловко сидит на них платье, что, когда скидывают они плащ, вся их фигура обрисовывается во всех подробностях. Они меняют одежды четыре раза в год: когда Солнце вступает в знаки Овна, Рака, Весов и Козерога; распределением одежды сообразно с условиями необходимости ведают врачи и хранители одежды отдельных кругов. И удивительно, сколько у них имеется одновременно всякой нужной одежды, плотной или легкой, смотря по времени года. Одежду носят они белого цвета, и стирается она ежедневно щелоком или мылом. Нижние помещения заняты мастерскими, кухнями, кладовыми, магазинами, оружейными складами, столовыми и мыльнями. Однако моются они возле колонн галерей, а вода стекает по желобам, ведущим в сточные канавы. На каждой площади отдельных

кругов есть свои фонтаны, куда вода подается по трубам из недр горы исключительно действием искусно устроенного крана. У них имеется вода и ключевая, и в водоемах, которые наполняются дождевой водой, скопляющейся на крышах и стекающей по акведукам с песком. Часто также моют они свое тело по указанию врача и начальника. Всеми ремеслами занимаются они внизу, под колоннадами, а отвлеченными науками — наверху, на балконах и галереях, где находятся соответствующие картины; а в храме изучаются священные науки. При входах в дома и на зубцах круговых стен имеются солнечные часы с колоколами и флаги, показывающие время и направление ветра.

Г о с т и н н и к. Расскажи мне о деторождении.

М о р е х о д. Ни одна женщина не может вступить в сношение с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста; а мужчины не назначаются к производству потомства раньше двадцати одного года или даже позже, если они имеют слабое телосложение. Правда, иным позволяется и до достижения этого возраста сочетаться с женщинами, но только или с бесплодными, или же с беременными, дабы не довести кого-нибудь до запретных извращений. Пожилые начальники и начальницы заботятся об удовлетворении половых потребностей более похотливых и легко возбуждающихся, узнавая об этом или по тайным их просьбам, или наблюдая их во время занятий в палестре. Однако же разрешение исходит от главного начальника деторождения — опытного врача, подчиненного правителю Любви. Тем же, кого уличат в содомии, делают выговор и заставляют в виде наказания два дня носить привешенные на шею башмаки в знак того, что они извратили естественный порядок, перевернув его вверх ногами. При повторном преступлении наказание увеличивается вплоть до смертной казни. Те же, кто воздерживается от совокупления до двадцати одного года, а тем более до двадцати семи, пользуются особым почетом и воспеваются на общественных собраниях. Когда же все, и мужчины и женщины, на занятиях

в палестре, по обычаю древних Спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг другу; а затем, и лишь после тщательного омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужами; полные же — с худыми, а худые — с полными, дабы они хорошо и с пользой уравнивали друг друга. Вечером приходят мальчики и стелют им ложа, а затем их ведут спать согласно приказанию начальника и начальницы. К совокуплению приступают, только переварив пищу и помолившись Богу небесному. В спальнях стоят прекрасные статуи знаменитых мужей, которые женщины созерцают, и потом, глядя в окна на небо, молят Бога о даровании им достойного потомства. Они спят в отдельных комнатах до самого часа совокупления. Тогда встает начальница и отворяет снаружи обе двери. Час этот определяется астрологом и врачом, которые стараются уловить время, когда Венера и Меркурий находятся на восток от Солнца в благоприятном Доме, в хорошем аспекте Юпитера, а равно и Сатурна и Марса или же вне их аспектов. Особенно это важно для Солнца и Луны, которые всего чаще бывают афетами. Они любят Деву в гороскопе, но тщательно остерегаются того, чтобы в углу не оказалось планет зловредных, потому что они заражают в квадратном и противоположном аспекте все углы, от которых зависит корень жизненной силы в соответствии с гармонией Вселенной в целом и в ее частях. Они добиваются не столько сопутствия, сколько хороших аспектов¹. О сопутствии заботятся они при закладке города и установлении

¹ Час этот определяется астрологом, и врачом... Венера и Меркурий находятся на восток от Солнца в благоприятном Доме... Солнца и Луны, которые всего чаще бывают афетами... Деву в гороскопе... чтобы в углу не оказалось планет зловредных... Они добиваются не столько сопутствия... — Приведем здесь примечание Ф.А.Петровского (Кампанелла Т.

закона с тем, однако, условием, чтобы при этом не главенствовал ни Марс, ни Сатурн, за исключением лишь случая наилучшего их расположения. Принимают они во внимание и расположение неподвижных звезд.

Город Солнца. Пер. с лат. Ф.А. Петровского. М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. С. 147, прим. 26): «Кампанелла, как приверженец и знаток астрологии, был твердо убежден, что момент зачатия должен быть тщательно согласован с расположением планет и звезд на небесном своде, так как, согласно учению астрологов, это определяет и физические, и умственные, и нравственные качества будущего младенца. Для того чтобы составить себе представление о том, что имеет в виду Кампанелла в своем описании расположения светил на небе в момент зачатия, необходимо помнить следующее: 1) Все «планеты» (т.е. Солнце, Луна, Сатурн, Юпитер, Марс, Венера и Меркурий) разделялись в астрологии на благодетельные и вредные; к благодетельным относятся — Солнце, Юпитер, Венера и Луна, к вредным — Марс и Сатурн. Меркурий считался планетой изменчивой и не обладающей постоянными свойствами. 2) Для астролога были важны не только планеты в отдельности, а и их расположение в знаках зодиака и относительно друг друга.

— ...Венера и Меркурий на восток от Солнца в благоприятном Доме — указывает на то, что в данный момент это — «вечерние планеты», так как могут быть видимы вечером по заходе солнца.

— В благоприятном доме. — «Дома» — это деления воображаемого неподвижного небесного круга — круга генитуры (половина которого скрыта под горизонтом), по которому движется зодиак со своими созвездиями или знаками и планетами. Всех «домов» — двенадцать. Это: 1) дом жизни, подходящий к точке пересечения круга генитуры с горизонтом на востоке, 2) дом прибыли, 3) дом братьев и дружбы, 4) дом родителей, 5) дом детей, 6) дом пороков, 7) дом брака, 8) дом смерти и наследства, 9) дом религии и странствий, 10) дом чести, 11) дом заслуги и 12) дом вражды и неволи.

— ...в хорошем аспекте Юпитера... — Весь зодиакальный круг делится на двенадцать знаков (Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы; исходя от каждой из этих двенадцати точек, в зодиакальный круг можно вписать равно-сторонний треугольник, четырехугольник (квадрат) и шестиугольник и провести из любой точки диаметры круга: этим путем мы получим аспекты, в которых одни точки круга находятся к другим. Так, взяв за исходную точку, например, знак Льва, мы увидим, что он будет находиться в противоположном (диаметральном) аспекте с Водолеем, в квадратном аспекте — с Тельцом и Скорпионом, в треугольном (или

Они почитают недопустимым, если родители меньше чем за три дня до совокупления запятнали себя семенем и вели себя не безупречно, не примирились с вышним Богом и не преданы ему. Что же касается тех, кто имеет сношение с неплодными, или с беременными, или с пре-

тригональном) — с Овном и Стрельцом и в шестиугольном (или секстильном) — с Близнецами и Весами. С остальными знаками Лев не находится ни в каком аспекте. Планеты, находясь в разных знаках зодиакального круга, точно так же могут находиться в определенных аспектах друг к другу. Эти аспекты разделялись на благоприятные (хорошие) и неблагоприятные (дурные); к первым относятся «тригональный» и «секстильный», ко вторым — «квадратный» и «диаметральный». Таким образом, если Юпитер находится в знаке Льва, то, чтобы Венера и Меркурий были в хорошем аспекте, они должны находиться или в знаках Овна, или Стрельца, или же Весов и Близнецов. В одном из таких положений должны в этот момент оказаться и «вредные» Сатурн и Марс или же быть вне «аспектов», т.е., например, в Деве и Раке.

— ...Солнца и Луны, которые всего чаще бывают афетами. — Птоломею и всем позднейшим астрологам жизнь представлялась движением и зависела от начального ее импульса или «пуска» (по-гречески — *Arphesis*). Эта давнейшая зависимость жизни от начального (случайного) импульса указывает на механистическую точку зрения, которой держались Птоломей и его последователи в области биологии. В этом движении пущенной, подобно стреле из лука, жизни первенствующую роль играла та планета, которая являлась в данный момент господствующей и, так сказать, «пускающей» жизнь, по греческой терминологии — афетой (*arheies*), которая при этом должна была находиться в одном из афетических мест (*topoi arhetikoi*) круга генитур (всех этих мест считалось пять). «Афетами» могли быть или Солнце, или Луна, а другие планеты лишь в том случае, если ни Солнце, ни Луна не находились в данный момент в каком-нибудь «афетическом месте».

— ...Деву в гороскопе... — Имеется в виду созвездие или знак Девы в пункте гороскопа, т.е. на восточном краю горизонта.

— Чтобы в углу не оказалось планет зловредных. — Очевидно, имеются в виду основные точки круга генитур: «восход», или гороскоп, верхняя точка, или «верхнее преполовление», и «заход» точка — соприкосновения круга генитур с горизонтом.

— Они добиваются не столько спутствия... — Спутствие (*satellitium*) — астрологический термин в применении к находящимся близко друг от друга планетам,двигающимся в данный момент в одинаковом направлении.

зренными женщинами для удовольствия, или по необходимости, для здоровья, или по своей страстности, — они этих правил не соблюдают. Лица же должностные, которые все являются в то же время и священниками, а также и ученые-наставники могут быть производителями лишь при соблюдении в течение ряда дней многих условий, ибо от усиленных умственных занятий ослабевают у них жизненные силы, и мозг их не источает мужества, потому что они постоянно о чем-нибудь размышляют и производят из-за этого худосочное потомство. А этого они всячески стараются избежать, и потому таких ученых сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми. Людей же резких, быстрых, беспокойных и неистовых — с женщинами полными и кроткого нрава. И они утверждают, что совершенного телосложения, благодаря которому развиваются добродетели, нельзя достичь путем упражнения; что люди порочные по природе работают хорошо только из страха перед законом или перед Богом, а не будь этого, они тайком или открыто губят государство. Поэтому все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении, и надо ценить природные качества производителей, а не приданое и обманчивую знатность рода. Ежели какая-нибудь женщина не понесет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется неплодной, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом, как матрона, ни в Совете по деторождению, ни в храме, ни за столом. Это делается с той целью, чтобы ни одна не предотвращала сама беременности ради сладострастия. Те же, которые понесут, в течение двух недель не занимаются физической работой. После этого они переходят к спокойным занятиям для укрепления плода и для притока к нему пищи и затем укрепляют себя, переходя мало-помалу к более усиленной работе. Пищу разрешается им употреблять только здоро-

вую, по предписанию врачей. Когда же они родят, то кормят сами и воспитывают новорожденных в особых общих помещениях; грудью кормят они два года и больше, в зависимости от предписания Физика. Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик. И тут вместе с другими детьми они занимаются, играючи, азбукой, рассматривают картины, бегают, гуляют и борются; знакомятся по изображениям с историей и языками. Одевают их в красивые пестрые платья. На восьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. Дети менее способные отправляются в деревню, но некоторые из них, оказавшиеся более успешными, принимаются обратно в город. Но в большинстве случаев, родившись под одним и тем же расположением звезд, сверстники сходятся и по способностям, и по нраву, и по наружности, отчего проистекает великое согласие в государстве, поддерживаемое неизменной взаимной любовью и помощью друг другу. Имена у них даются не случайно, но определяются Метафизиком в соответствии с особенностями каждого, как это было в обычае у древних Римлян. Поэтому один называется «Красивый», другой — «Носатый», тот — «Толстоногий», этот — «Свирепый», иной — «Худой» и т. д. А ежели кто отличится в своем мастерстве или прославится каким-нибудь подвигом на войне или в мирное время, то к имени прибавляется соответствующее прозвище или сообразно мастерству, например: «Прекрасный Великий Живописец», «Золотой», «Отличный», «Проворный»; или же по подвигам, например: «Носатый Храбрец», «Хитрец», «Великий, или Величайший Победитель», а то и по имени побежденного врага, вроде: «Африканский», «Азиатский», «Тосканский»; или если кто победил Манфреда или Тортелиа, то

и называется: «Худой Манфредий», «Тортелей» и т. д. Даются эти прозвища высшими властями и часто сопровождаются возложением венков, соответственно подвигу, мастерству и т. д. под звуки музыки. Ибо золото и серебро они ценят только как материал для посуды или для прочих всем украшений.

Гостинник. Скажи, пожалуйста, а не бывает ли в их среде зависти или досады у тех, кого не выбрали в начальники или на какую-нибудь другую должность, которой они добивались?

Мореход. Нисколько. Ведь никто из них не терпит никакого недостатка не только в необходимом, но даже и в утехах. На деторождение они смотрят как на религиозное дело, направленное ко благу государства, а не отдельных лиц, при котором необходимо подчиняться властям. И то, что мы считаем для человека естественным иметь собственную жену, дом и детей, дабы знать и воспитывать свое потомство, это они отвергают, говоря, что деторождение служит для сохранения рода, как говорит святой Фома¹, а не отдельной личности. Итак, производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство, и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица. Поэтому производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам, согласно правилам философии. Платон считает, что

¹ Фома Аквинский (1225 — 1274), философ и богослов, систематизатор средневековой схоластики; его учение лежит в основе официальной философии католической церкви — томизма и неотомизма.

этот подбор должен производиться по жребию¹, дабы те, кому не дают красивых жен, в зависти и гнев не взбунтовались против властей, и полагает, что тех, кто не достоин оплодотворять наиболее красивых, надо властям хитро обманывать при жеребьевке, так, чтобы доставались им всегда подходящие, а не те, коих они сами хотят.

Но Соляриям нет надобности прибегать к такой хитрости, чтобы безобразным мужчинам доставались и женщины безобразные, ибо среди них безобразия не встречается, так как у женщин благодаря их занятиям образуется и здоровый цвет кожи, и тело развивается, и они делаются статными и живыми; а красота почитается у них в стройности, живости и бодрости. Поэтому они подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо, или стала бы носить обувь на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом, или длиннополое платье, чтобы скрыть свои дубоватые ноги. Но и при всем желании ни одна не могла бы там этого сделать: кто стал бы все это ей доставать? И они утверждают, что у нас все эти прихоти появились из-за праздности и безделья женщин, отчего портится у них цвет кожи, отчего они бледнеют и теряют гибкость и стройность; и потому приходится им краситься, носить высокие каблуки и добиваться красоты не развитием тела, а ленивой изнеженностью и таким образом вконец разрушать естественное развитие и здоровье не только свое, но и своего потомства. Кроме того, если кто-нибудь страстно влюбится в женщину, то влюбленные могут и разговаривать, и шутить, и дарить друг другу венки из цветов или листьев, и подносить стихи. Однако, если это может быть опасно для потомства, совокупление им ни в коем случае не разрешается, кроме того случая, что женщина беременна (чего и

¹ Платон считает, что этот подбор должен производиться по жребью. — См. Платон, Государство. V, 460 а.

ждет мужчина) или же она неплодна. Но, впрочем, любовь у них выражается скорее в дружбе, а не в пылком любовном вожделии.

Предметы домашнего обихода и пища их мало занимают, так как всякий получает все, что ему нужно, а представляют для них интерес лишь тогда, когда это выдается в качестве почетной награды. А героям и героиням раздаются от государства на празднествах во время трапезы обычно либо красивые венки, либо вкусные блюда, либо нарядная одежда.

Хотя днем и в черте города все они носят белую одежду, то ночью и за городом надевают красную — или шерстяную, или шелковую; черный же цвет для них так же отвратителен, как всякая грязь; поэтому они терпеть не могут японцев за их пристрастие к темному цвету. Самым гнусным пороком считают они гордость, и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению. Благодаря этому никто не считает для себя унизительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными и т. д. Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтенно ногам ходить, заду испражняться, а глазам видеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык — слюни, подобно испражнениям. Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную.

Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами, и даже с избытком. Но у нас, увы, не так; в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные, пребывающие в праздности, пропадают от безделья, скудости, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д., и множество народа портят и развращают, держа его

у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей.

Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами занимаются кое-как, и только немногие, и с величайшим отвращением. Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. Не разрешается лишь играть в кости, камешки, шахматы и другие сидячие игры, а играют там в мяч, в лапту, в обруч, борются, стреляют в цель из лука, аркебузов, метают копья и т. д. Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодьями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т.д., а богатство — надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. И поэтому они всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов.

Г о с т и н н и к. Все это, по-моему, и прекрасно и свято, но вот общность женщин — это вопрос трудный. Святой Климент Римский¹, правда, говорит, что и жены, согласно апостольским правилам, должны быть общими, и одоб-

¹ Святой Климент Римский — один из первых епископов римской церкви. Жил во второй пол. I — в первой пол. II века.

ряет Платона и Сократа¹, которые учат так же, но Глосса² понимает эту общность жен в отношении их общего всем услужения, а не общего ложа. И Тертуллиан³ единомыслен с Глоссою, говоря, что у первых христиан все было общим, за исключением жен, которые, однако, были общими в деле услужения.

М о р е х о д. Сам-то я плохо это знаю. Но я наблюдал, что у Соляриев жены общи и в деле услужения, и в отношении ложа, однако же не всегда и не как у животных, покрывающих первую попавшуюся самку, а лишь ради производства потомства в должном порядке, как я уже говорил. Думаю, однако, что в этом они, может быть, и ошибаются. Но сами-то они приводят в подтверждение себе мнение Сократа, Катона⁴, Платона и святого Климента, хотя, как ты говоришь, и неправильно понятого. Говорят, что святой Августин⁵ весьма одобрял общину, но не общность супру-

¹ Сократ (ок. 469 — 399 г. до н.э.) — древнегреческий философ, в учении которого происходит поворот от философии природы к философии человека. Учитель Платона.

² Глосса — толкование слов из текста Библии. Сведений о толкователе Библии по имени Глосса, существование какого-либо как будто бы подразумевается Т. Кампанеллой, найти не удалось.

³ Тертуллиан — Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155 или 165 — 220 или 240) — выдающийся раннехристианский писатель и богослов. Ему принадлежит знаменитая религиозная максима: «Верую, потому что абсурдно». В его трудах находят интересные сведения о жизни ранних христианских общин.

⁴ Катон — Не ясно, о каком именно Катоне говорит Т. Кампанелла. Катоны — ветвь древнеримского рода Порциев. Известно несколько Катонов: Марк Порций Катон Старший (234 — 149 до н.э.), — римский писатель, основоположник римской литературной прозы и государственный деятель; Марк Порций Катон Младший (95 — 46 до н.э.) или Утический — римский политический деятель, правнук Катон Старшего; Гай Порций Катон — народный трибун в 56 г. до н.э.

⁵ Святой Августин, в православной традиции — Августин Блаженный (354 — 430), епископ Гиппонский (Гиппон близ Карфагена), выдающийся богослов, философ. Один из Отцов христианской церкви. Самый известный теологический и философский труд — «О граде

жеского ложа, так как это ересь Николаитов¹. А наша церковь частную собственность допустила не для достижения большего блага, а во избежание большего зла. Возможно, однако, что когда-нибудь этот обычай у них бы и вывелся, ибо в подчиненных им городах общим является только имущество, а никак не жены, разделяющие лишь общее услаждение и занятия мастерствами. Однако Солярии приписывают подобный порядок несовершенству других людей из-за малой осведомленности в философии. Тем не менее, они посылают узнавать обычаи других народов и всегда усваивают себе лучшие из них. А благодаря навыку женщины приучаются и к военным, и прочим занятиям. Итак, на основании собственных моих наблюдений над ними, я соглашаюсь с Платоном, а доводы Кайеты², и уж особенно Аристотеля, для меня неубедительны. Но вот что у них превосходно и достойно подражания: никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста, когда, впрочем, привлекаются они к совещаниям: хромы несут сторожевую службу, так как обладают зрением; слепые чешут руками шерсть, щиплют пух для тюфяков и подушек; те, кто лишен и глаз

божьем». Автор учения о предопределении, согласно которому человек заранее предопределен Богом к блаженству или проклятию. Видел идеал справедливого общества в христианском государстве в перспективе тысячелетнего царства божия на Земле (т. наз. «милленаризм»).

¹ Ересь Николаитов упоминается в книге Откровения Иоанна (Апокалипсис) Нового Завета (Откровение, 2:6, 2:15) как резко осуждаемое Иисусом Христом. Учение происходит от Николая Антиохийца, который был один из семи человек, выбранных двенадцатью апостолами для служения в Иерусалимской церкви в качестве ответственных за раздачу пищи (Библия, Деяния апостолов, 6: 3 — 6). Он, судя по всему, проповедовал общность жен и соблазнил своим учением кого-то из собратьев.

² Кайетан, он же Якоб Кайетанус (Jacob Cajetanus) — псевдоним Томмазо Де Вио (1469 — 1534), итальянского богослова, философа, одного из видных деятелей римско-католической церкви. Из его работ наиболее известны комментарии к произведениям Аристотеля и Фомы Аквинского, последние считаются особенно авторитетными.

и рук, служат государству своим слухом, голосом и т. д. Наконец, ежели кто-нибудь владеет всего одним каким-либо членом, то он работает с помощью его в деревне, получает хорошее содержание и служит соглядатаем, донося государству обо всем, что услышит.

Г о с т и н н и к. Расскажи теперь, пожалуйста, о военном деле, а потом об искусствах и ремеслах и об их религии.

М о р е х о д. Правителю Мощи подчинены: начальник военного снаряжения, начальники артиллерии, конницы и пехоты, военные инженеры, стратеги и т. д., имеющие, в свою очередь, много подчиненных им начальников и военных мастеров. Кроме того, ведает он атлетами, обучающими всех воинским упражнениям и которые, будучи зрелого возраста, являются опытными руководителями и учат обращаться с оружием мальчиков, достигших двенадцатилетнего возраста и уже до этого приучившихся к борьбе, бегу, метанию камней и т. д. под руководством низших наставников; теперь же начинают они обучаться битве с врагами, конями и слонами, владеть мечом, копьем, стрелами и пращей, ездить верхом, нападать, отступать, сохранять военный строй, помогать соратникам, предупреждать нападение врагов и побеждать их. Женщины также обучаются всем этим приемам под руководством собственных начальников и начальниц, дабы при надобности помогать мужчинам при обороне города и охранять его стены при неожиданном нападении и приступе, по примеру восхваляемых ими Спартанок и Амазонок.

Благодаря этому они отлично умеют стрелять из аркебузов, отливать свинцовые пули, бросать камни с бойниц, отражать нападение и отучаться от всякого страха, тем более что проявление трусости жестоко наказуется. Смерти они совершенно не боятся, так как верят в бессмертие души и считают, что души, выходя из тела, присоединяют-

ся к добрым или злым духам, сообразно своему поведению во время земной жизни. Хотя они и примыкают к брахманам¹ и пифагорейцам, но не признают переселения душ, за исключением только отдельных случаев по воле Бога. И они беспощадно преследуют врагов государства и религии как недостойных почитаться за людей.

Через каждые два месяца делают они смотр войску, а ежедневно производят военное учение или в поле — при кавалерийском учении, — или в самом городе. В эти занятия входят и лекции по военному делу, и чтение историй Моисея, Иисуса Навина², Давида³, Маккавеев⁴, Цезаря, Александра, Сципиона⁵, Ганнибала и т.д., а затем каждый высказывается о том, кто, по его мнению, поступил хорошо, кто дурно, кто с пользой, кто достойно, после чего все эти вопросы разрешаются наставником.

¹ Брахманы — древнее сословие, каста (варна) жрецов в Индии.

² Иисус Навин — легендарный вождь еврейских племен после смерти Моисея. Возглавил завоевание Ханаана (Палестины).

³ Давид — второй царь Израиля, царствовавший 40 лет (1005 — 965 до н.э.), семь лет был царем Иудеи (со столицей в Хевроне), затем 33 года — царем объединенного царства Израиля и Иудеи (со столицей в Иерусалиме). Образ Давида является образом идеального властителя, из рода которого (по мужской линии), согласно пророчествам Ветхого Завета, выйдет Мессия, спаситель еврейского народа. В Новом Завете происхождение Мессии — Иисуса Христа выводится из рода (из дома) Давида.

⁴ Маккавеи — еврейская династия, правившая около ста лет Иудеей (до 37 г. до н. э.). Иуда, происходивший из династии Хасмонеев, но прозванный Маккавеем (от еврейского слова «makkaḇa» — «молот»), возглавил восстание против сирийского царя Антиоха Епифана. Восстание Маккавеев (166—160 гг.) привело к освобождению Иудеи из-под власти эллинистической Сирии. История Маккавеев излагается в трех книгах в конце Ветхого завета, дошла до нас только в греческом тексте Библии.

⁵ Сципион — имя нескольких римских полководцев из одного и того же рода. Неясно, кого из них имеет в виду Кампанелла. Скорее всего, Сципиона Старшего (Публий Корнелий Сципион) — римского военачальника времен Второй Пунической войны, консула 218 года до н.э. или Сципиона Младшего Африканского, прославившихся в войнах с Карфагеном.

Гостинник. Но с кем они воюют и из-за чего, раз они столь счастливы?

Мореход. Да если бы им и никогда не приходилось воевать, они все равно продолжали бы заниматься военным делом и охотой, чтобы не изнеживаться и не быть застигнутыми врасплох при всяких случайностях. А кроме того, на том же острове находятся еще четыре царства, сильно завидующих их благополучию, потому что тамошнее население стремится жить по обычаям Соляриев и предпочитает быть под их властью, чем под властью собственных царей. Из-за этого часто начинается война с Соляриями под тем предлогом, что они захватили пограничные владения и живут нечестиво, не поклоняясь идолам и не следуя суевериям язычников и древних брахманов. Нападают на них индийцы, подданными которых они были раньше, и Тапробанцы, от которых первое время находились они в зависимости.

Тем не менее, победителями всегда выходят Солярии. Как только они подвергаются насилию, оскорблению, разбою, или же когда угнетаются их союзники, или призывают их на помощь другие города, находящиеся под гнетом тирании, — они немедленно собираются на Совет. Тут первым делом они коленопреклоненно молят Бога о внушении им наилучшего решения, а затем обсуждают обстоятельства дела, после чего уже объявляется война. Тотчас снаряжается священник, именующийся ходатаем; он требует от неприятелей возмещения за грабеж или прекращения угнетения союзников, или низложения тирании. В случае отказа он объявляет войну, призывая карающего Бога Саваофа погубить стоящих за неправоное дело. Если же неприятели медлят с ответом, священник дает им время на размышление: царю — один час, а республике — три часа во избежание возможности какого-нибудь обмана. И так начинается война против нарушителей естественного пра-

ва и религии. По объявлении войны все распоряжения отдаются наместником Мощи. Мощь же, подобно римскому диктатору, управляет всем по собственному усмотрению и воле во избежание опасности промедления. В особо же важных случаях совещается с Мудростью и Любовью. Но для этого на Большом совете причины войны и законность похода излагаются Проповедником. В этот Совет входят все, начиная с достигших двадцатилетнего возраста и выше. И таким образом отдаются все необходимые распоряжения. Надо иметь в виду, что у них в оружейных палатах имеется всякого рода вооружение, постоянно применяемое ими при упражнениях в примерных сражениях. Внешние стены отдельных кругов в изобилии снабжены бомбардами, при которых находится наготове прислуга. Есть у них и другие подобного же рода военные метательные орудия, называемые пушками, которые перевозятся на поле битвы на повозках, а прочее снаряжение и припасы перевозятся на мулах, ослах и на телегах. Расположившись лагерем в открытом поле, они помещают в середину обоз, метательные орудия, телеги, лестницы и машины. Сражаются они долго и жестоко, а потом все отходят к своим знаменам. Неприятели поддаются на этот обман, думая, что они отступают или готовы обратиться в бегство, и бросаются за ними, а Солярии, разделившись на два фланга и отряда, собираются с новыми силами и, приказавши артиллерии начать обстрел раскаленными ядрами, снова бросаются в битву со смятанным врагом. Прибегают они и ко многим другим подобным приемам. Своими военными хитростями и машинами они превосходят всех смертных. Лагерь разбивают они по римскому образцу; раскидывают палатки и окапываются рвом и валом с удивительной быстротой. Всякими работами, машинами и метательными орудиями ведают особые начальники, а киркой и топором умеют владеть все солдаты. Пять,

восемь или десять командиров, опытных в деле военного строя и военных хитростей, составляют военный совет и отдают приказания своим отрядам согласно заранее выработанному плану. Принято у них брать с собой и отряд вооруженных мальчиков верхом на лошадях, дабы они приучались к войне и привыкали, как волчата и лвыята, к кровопролитию; в случае же опасности они укрываются в надежное место вместе со многими вооруженными женщинами. А после сражения эти женщины и мальчики ухаживают за воинами, перевязывают им раны, прислуживают им и ободряют ласками и словами. И уж одно это оказывает замечательное действие: воины для доказательства своей храбрости женам и детям бросаются на отчаянные подвиги, и любовь делает их победителями. Тот, кто на приступе первым взберется на неприятельские стены, получает после битвы, при воинственных кликах женщин и детей, венок из травы; выручивший соратника получает гражданский венок из дубовых листьев; убивший тирана жертвует его доспехи в храм, а сам получает прозвище, соответствующее его подвигу. Распределяются между ними и другие венки. Каждый всадник вооружен пикой и двумя подвешенными к чепраку пистолями крепкого закала и суживающимися в отверстии дула, благодаря чему пробивают всякую железную броню; кроме того, носят они меч и кинжал. Другие же, тяжеловооруженные всадники, вооружены железною палицей, с которою, при невозможности пробить железную броню врага ни мечом, ни пистолем, нападают они на него, как Ахилл на Кикна¹, бьют и опро-

¹ Ахиллес, согласно древнегреческим сказаниям, сын смертного — Пелея, царя мирмидонян, и морской богини Фетиды. Храбрейший из героев, предпринявших под предводительством Агамемнона поход против Трои. Кикн, в соответствии с греческой мифологией, сын бога Посейдона, неуязвимый для оружия; во время Троянской войны был убит Ахиллесом, который сбил его наземь и задушил ремнями от шлема (Овидий, «Метаморфозы», кн. XII, ст. 64—145).

кидывают его наземь. С палицы свешиваются две цепи длиною в шесть пядей с железными шарами на концах; при взмахе палицею они обвиваются вокруг шеи врага, за-тягивают его, сбрасывают и валят. А для того чтобы лов-чей орудовать этой палицей, управляют поводьями коня не руками, а ногами: поводья перекрещиваются на чепра-ке седла и концами прикрепляются на застёжках к стре-менам, а не к ногам; с наружной стороны стремян имеет-ся железный шар, а изнутри — треугольник, который по-ворачивается попеременным нажимом ноги и вращает шары, прикрепленные застёжками к путлицам; таким об-разом они натягивают и отпускают узду с удивительной быстротой, правой ногой поворачивая лошадь налево, а левой — направо. Секрет этот неизвестен даже татарам, ибо хотя они и управляют поводьями при помощи ног, од-нако не умеют их направлять, натягивать и отпускать по-средством стремянного блока. Сражение начинает легкая кавалерия стрельбою из аркебузов, затем вступают в бой фаланги копейщиков, за ними — пращники, которые це-нятся очень высоко и которые сражаются, перебегая, как нитки по основе ткани: одни — выбегая, другие — попе-ременно отходя назад.

Кроме того, войско поддерживают отряды воинов, вооруженных длинными копьями. Завершается сражение боем на мечах. По окончании войны празднуются военные триумфы по обычаю римлян и даже еще торжественнее, совершаются благодарственные молебствия Богу, и тут во храме предстает полководец, а поэт или историк, бывший с ним по обычаю в походе, повествует об успехах и неуда-чах. И верховный правитель венчает полководца лавро-вым венком, а храбрым воинам раздают почетные награ-ды и на несколько дней освобождают от исполнения об-щественных работ. Но последнего они не любят, так как не привыкли быть праздными, и поэтому помогают сво-

им друзьям. Наоборот, побежденные по собственной вине или упустившие возможность победы встречаются с позором, и первый, обратившийся в бегство, может избежать смерти лишь в том случае, когда за сохранение ему жизни ходатайствует все войско и отдельные воины принимают на себя часть его наказания. Но это снисхождение применяется редко и лишь при наличии ряда смягчающих обстоятельств. Вовремя не оказавший помощи союзнику или другу наказывается розгами; не исполнивший приказаний бросается в ров на растерзание диким зверям; при этом ему вручается дубинка, и если он одолеет окружающих его львов и медведей, что почти невозможно, то получает помилование. Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение. Города получают гарнизон и должностных лиц из Соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца, общей их столицы, куда отправляют учиться своих детей, не входя для этого ни в какие расходы. Мне было бы трудно рассказывать еще о разведчиках, об их начальнике, о страже и всем распорядке и прочих установлениях в самом городе и за его пределами, — все это ты можешь представить себе сам. Так как должность каждого определяется с детства сообразно с расположением и сочетанием звезд, наблюдавшихся при его рождении, то благодаря этому все, работая каждый в соответствии со своими природными склонностями, исполняют свои обязанности как следует и с удовольствием, так как для всякого они естественны. Это одинаково относится как к военному делу, так и ко всякого рода другим занятиям. Город денно и ночью охраняется стражей, стоящей у четырех его ворот и на внешних укреплениях седьмого круга, на бастионах, башнях и на внутренних залах. Днем сторожевую службу несут женщины, а ночью мужчины. Делается это для того, чтобы не закоснеть в бездействии и всегда быть готовыми

ми на всякий случай. Часовые сменяются, как и у нас, через каждые три часа. На закате солнца стража разводится при звуках тимпана и музыки. Они занимаются охотой как подражанием войне, а также пешими и конными играми на некоторых площадях во время празднеств, после чего играет музыка и т. д. Они охотно прощают вину и оскорбления своим врагам и, одержав над ними победу, оказывают им благодеяния. Если постановлено разрушить неприятельские стены или казнить кого-нибудь из неприятелей, то это производится в самый день победы над врагами, после чего они непрестанно оказывают им благодеяния, говоря, что целью войны является не уничтожение, а совершенствование побежденных. Если между ними возникает ссора за какое-нибудь оскорбление или по другому какому-либо поводу (а спорят они друг с другом почти исключительно по вопросам чести), то правитель и подчиненный ему начальник наказывают виновного тайно, если оскорбление нанесено действием в пылу первого гнева; если же нанесено словесное оскорбление, то решение откладывается до сражения, так как они говорят, что гнев надо извергать на неприятелей; и тот, кто больше отличится на войне, и считается выигравшим дело и восстановившим истину, а противник его этим удовлетворяется. Наказания воздаются по справедливости и соответственно проступку, но поединки не допускаются: тот, кто желает доказать свою правоту, пусть доказывает ее на войне.

Г о с т и н н и к. Это заслуживает всяческого внимания во избежание развития отдельных партий на погибель Отечеству и для уничтожения междоусобных войн, в результате которых часто появляются тираны, как это видно на примере Рима и Афин. Теперь же, прошу тебя, скажи об их работах.

М о р е х о д. Ты, полагаю, уже слышал, что они все принимают участие в военном деле, земледелии и ското-

водстве: знать это полагается каждому, так как занятия эти считаются у них наиболее почетными. А тот, кто знает большее число искусств и ремесел, пользуется и большим почетом; к занятию же тем или иным мастерством определяются те, кто оказывается к нему наиболее способным. Самые тяжелые ремесла, например, кузнечное или строительное и т.п., считаются у них и самыми похвальными, и никто не уклоняется от занятия ими, тем более что наклонность к ним обнаруживается от рождения, а благодаря такому распорядку работ всякий занимается не вредным для него трудом, а, наоборот, развивающим его силы. Менее тяжелыми ремеслами занимаются женщины.

Все должны уметь плавать, и для этого устроены у них водоемы как за стенами города, так и внутри их, около фонтанов. Торговля у них не в ходу, хотя они и знают цену денег и чеканят монету для своих послов и разведчиков. Из разных стран являются к ним в город купцы для закупки излишнего для города имущества, но Солярии отказываются продавать его за деньги, а берут в обмен по соответственной оценке недостающие им товары, которые часто приобретают и за деньги. И дети Соляриев потешаются, смотря, какое множество товара отдают им купцы за ничтожную плату; но старики не смеются этому, ибо опасаются развращения нравов в городе рабами и иностранцами. Поэтому торговля происходит у городских ворот, а рабов, захваченных на войне, они или продают, или употребляют либо на копанье рвов, либо на другие тяжелые работы вне города. Для охраны полей постоянно направляются четыре отряда воинов вместе с работниками. Они выходят четырьмя воротами, откуда идут четыре мощные кирпичом дороги до самого моря для удобства перевозок и передвижения иностранцев. Иностранцев принимают они приветливо и щедро и в продолжение трех дней содержат их на общественный счет. Первым делом омыва-

ют им ноги, затем показывают город и объясняют его устройство, допускают их в Совет и к общественной трапезе. Для услуг и охраны иностранных гостей отряжаются особые люди. Если же находятся желающие стать гражданами Государства Солнца, то их подвергают месячному испытанию за городом, а потом в течение месяца в самом городе. После этого выносят соответствующее постановление и принимают их с соблюдением определенных обрядов, присяги и т.д. Земледелию уделяется исключительное внимание: нет ни одной пяди земли, не приносящей плода. Они сообразуются с ветрами и благоприятными звездами и, оставив в городе только немногих, выходят все вооруженными на поля: пахать, сеять, полоть, жать, собирать хлеб и снимать виноград; идут с трубами, тимпанами, знаменами и исполняют надлежащим образом все работы в самое незначительное число часов. Они пользуются телегами, оснащенными парусами, которые могут двигаться и против ветра, а когда нет ветра, то благодаря удивительно искусно устроенной колесной передаче повозку тянет всего одно животное. Прекрасное зрелище! Между тем вооруженная полевая стража делает обходы, постоянно сменяя друг друга. Землю они не удобряют ни навозом, ни илом, считая, что от этого загнивают семена и при употреблении их в пищу расслабляют тело и сокращают жизнь, подобно тому как женщины прикрашенные, а не прекрасные благодаря своей деятельности, производят хилое потомство. Поэтому и землю они не прикрашивают, а тщательно ее обрабатывают, пользуясь при этом тайными средствами, которые ускоряют всходы, умножают урожай и предохраняют семена. На этот предмет они имеют книгу под названием «Георгика»¹. Потребная часть земли вспахива-

¹ «Георгика» — от *греч.* *Georgos*, земледелец. «Георгики» — знаменитая поэма Вергилия, в которой повествуется о земледелии, плодоводстве, виноградарстве, скотоводстве и пчеловодстве. Опубликовано в 29 году до н.э.

ется, а остальная идет под пастбище скоту. Благородное искусство разведения и выращивания лошадей, крупного и мелкого скота, собак и всякого рода домашних и ручных животных ценится у них так же высоко, как и во времена Авраама. При случке они заботятся, чтобы животные могли давать наилучший приплод, и производят ее перед изображениями породистых быков, лошадей, овец и т. д. Жеребцов-производителей они не припускают к кобылам на пастбище, но случают их во дворе полевых конюшен в надлежащее время, наблюдая за тем, чтобы в гороскопе находился Стрелец в благоприятном аспекте Марса и Юпитера. Для быков они следят за положением Тельца, для овец — за положением Овна и т.д., согласно указаниям науки. Имеются у них и стада кур (под покровительством Плеяд¹), уток и гусей, которых с большим удовольствием пасут женщины за городом, где находятся птичники и где изготавливаются сыр, масло и другие молочные продукты. Выкармливают они и множество каплунов, и племенной птицы, и т.д. В качестве руководства по этой части служит им книга под заглавием «Буколика»². Всего у них избыток, потому что всякий стремится быть первым в работе, которая и невелика и плодотворна, а сами они очень способны. Тот, кто главенствует над другими в каком-нибудь, подобном перечисленным, занятии, называется у них царем; и они говорят, что это наименование присуще именно

¹ Плеяды — группа звезд, входящая в созвездие Тельца.

² «Буколика» — от *греч.* *bucolos*, пастух. «*Bucolica*» называется первое произведение (написано в 43 — 37 гг.), поэма Вергилия в подражание «пастушьим» стихам (любовь пастухов и пастушек на лоне сельской природы) греческого сицилийского поэта Феокрита. Самая знаменитая часть «Буколик» Вергилия — эклога IV, в которой предсказывается будущий золотой век и скорое рождение чудесного младенца, который приведет людей к счастливой жизни на Земле. Христианские писатели видели в этой эклоге пророчество рождения Христа. Вообще же тема золотого века является истоком жанра утопии.

таким людям, а не невеждам. Достоинно удивления как все, и мужчины и женщины, выступают отрядами и во всем подчиняются своему царю, не проявляя при этом (подобно нам) никакого недовольства, ибо почитают его за отца или за старшего брата. Есть у них и рощи, и леса, где они часто охотятся за дикими зверями. Морское дело находится у них в большом почете. У них имеются особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма; но есть и такие, которые движатся посредством ветра и весел. Они прекрасно знакомы со звездами и с морскими приливами и отливами. В плавание они ходят для ознакомления с различными народами, странами и предметами. Сами они никому не причиняют насилия, но и по отношению к себе его не терпят и вступают в бой, если только на них нападают. Они утверждают, что весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям, и поэтому постоянно допытываются, нет ли где-нибудь другого народа, который бы вел жизнь еще более похвальную и достойную. Они находятся в союзе с китайцами и со многими народами на островах и на материке: с Сиамом, Каукакиной¹, Каликутом², — откуда только могут получать какие-либо сведения. В сражениях на суше и на море применяют они искусственные огни и многие другие тайные военные хитрости, благодаря которым всегда почти выходят победителями.

Г о с т и н н и к. Интересно было бы теперь услышать, что они едят и пьют, как проходит их жизнь, и какова ее продолжительность.

М о р е х о д. Они считают, что в первую очередь надо заботиться о жизни целого, а затем уже ее частей. Поэтому, когда они воздвигали свой город, они установили твердые знаки в четырех углах мира. В гороскопе был Юпитер

¹ Каукакина — одна из провинций Индо-Китая (Кохинхина).

² Каликут — город на юго-западном побережье Индии.

на восток от Солнца в созвездии Льва; Меркурий и Венера — в Раке, но поблизости, так что образовывали сопутствие; Марс был в Стрельце, в пятом Доме, счастливым аспектом усиливая афету и гороскоп; Луна находилась в Тельце в благоприятном аспекте к Меркурию и Венере и вместе с тем не поражала квадратным аспектом Солнца; Сатурн стремился в четвертый Дом, нисколько, однако, не вредя Солнцу и Луне, но способствуя устойчивости оснований. Фортуна с Алголом¹ была в десятом Доме, что, по мнению Соляриев, предвещало господство, крепость и величие. Да и Меркурий, будучи в хорошем аспекте Девы и будучи озаряем в абсиде² Луною, не может быть зловещим; а раз он радостен, то их наука не пребывает в ничтожестве; в том же, чтобы ждать его в Деве и в соединении, они мало заботятся. Соображаются они с положением отдельных звезд в смысле влияния их на жизненные силы и долголетие и при зачатии, как уже было указано.

Пищу их составляют мясо, коровье масло, мед, сыр, финики и разные овощи. Сначала они были против того, чтобы убивать животных, так как это представлялось им жестоким, но, рассудив затем, что одинаково жестоко убивать и растения, также одаренные чувством, и что тогда пришлось бы им умирать с голоду, они уразумели, что низшие твари созданы для высших, и поэтому теперь употребляют всякую пищу. Однако животных племенных, как, например, коров и лошадей, убивают они неохотно. Они тщательно различают полезную и вредную пищу и пита-

¹ Фортуна здесь отождествляется с точкой гороскопа, определяемой в астрологии из положения Солнца и Луны. Алгол — одна из переменных звезд в созвездии Персея.

² Абсида, или апсида (от греч. *hapsis*, свод), — в астрономии две экстремальные точки эллиптической орбиты. Апсидами околоземной орбиты являются апогей и перигей — точки соответственно наибольшего и наименьшего удаления планеты от Земли. Линия апсид есть линия, соединяющая точки апогея и перигея.

ются согласно требованиям медицины. Пища непрерывно меняется трижды: один день они едят мясо, другой — рыбу, третий — овощи, а затем возвращаются снова к мясу, дабы и не отягощаться и не изнуряться. Старики употребляют пищу удобоваримую и едят три раза в день и понемногу; община ест дважды в день, а дети — четыре раза, согласно предписанию Физика. Живут они по большей части до ста лет, а некоторые и до двухсот.

Пьют они чрезвычайно умеренно. Юношам не разрешается пить вина вплоть до девятнадцати лет, за исключением тех случаев, когда это необходимо по состоянию здоровья. По достижении этого возраста они пьют вино, разбавленное водой, как и женщины. Старики за пятьдесят лет большею частью воды не добавляют.

Пищу они употребляют наиболее полезную по данному времени года и вообще по предписанию наблюдающего за этим Главного врача. Ничего из того, что создано Богом, не считается вредным, если только не употребляется это в неумеренном количестве. Поэтому летом питаются они плодами, так как они влажны, сочны и освежительны в летнюю жару и засуху; зимою употребляют сухую пищу, а осенью едят виноград, ибо он создан Богом против меланхолии и уныния.

В большом употреблении у них благовония. Вставая утром, все они расчесывают волосы и моют лицо и руки холодной водой; затем либо жуют, либо растирают руками мяту, петрушку или укроп, а старшие растирают ладан. Затем, обратившись на восток, читают краткую молитву, весьма схожую с той, которой научил нас Иисус. После этого одни идут прислуживать старикам, другие — петь в хоре, третьи — исполнять государственные обязанности; затем отправляются на первые лекции, затем идут в храм, затем занимаются физическими упражнениями, затем немало отдыхают и, наконец, завтракают.

У них не бывает ни подагры, ни хирагры¹, ни катаров, ни ишиаса, ни колик, ни вспучиваний, ни ветров, ибо все эти болезни происходят от истечения и вспучивания, а они телесными упражнениями разгоняют всякую влагу и ветры. Поэтому чрезвычайно позорно быть замеченным в плевании и харканье: они утверждают, что это — признак или недостаточных упражнений, или нерадивости и лени, или опьянения и обжорства. Скорее подвержены они воспалениям или сухим спазмам, от чего помогает обильная, сочная и здоровая пища. Изнурительную лихорадку они лечат приятными ваннами и молочной пищей, приятным времяпрепровождением в деревне и спокойными и веселыми упражнениями. Венерическая болезнь не может развиваться среди них, так как они очищают тело частыми омовениями из вина и натираются благовонными маслами, а выделением пота во время упражнений удаляют зловредную испарину, разлагающую кровь и мозги.

Чахоткой они болеют редко, потому что у них не бывает катара в груди, а совсем редко — астмой, развивающейся вследствие скопления влаги. Горячки лечат они питьем холодной воды. Однодневные лихорадки лечат пряностями и жирным бульоном или же сном, или музыкой, или весельем; трехдневные — кровопусканием и приемом ревеня или другими очищающими средствами, или же отваром из послабляющих корней и кислых трав. Но слабительное принимают они редко. Четырехдневные лихорадки они легко излечивают посредством внезапного испуга, а также травами, противодействующими влаге, свойственной четырехдневной лихорадке, или же другими подходящими средствами. Они открыли мне и тайные средства их излечения.

¹ Хирагра (*греч.*, от *cheir* — рука, и *agreo* — схватываю) — ломота в руках и пальцах рук, похожая на подагру в ноге.

Особенно старательно лечат они длительные лихорадки, которых они очень боятся, и борются с ними и наблюдением звезд, и подбором трав, и молитвами Богу. Лихорадки пятидневные, шестидневные, восьмидневные и т.д. среди них совсем почти не встречаются, так как у них не бывает скопления влаги. Они моются в банях, которые у них построены по образцу римских: натираются маслами и открыли еще гораздо больше неведомых средств для поддержания чистоты, здоровья и силы. Этими и другими способами борются они с падучей болезнью¹, которой часто бывают одержимы.

Г о с т и н н и к. Это — признак исключительной одаренности: Геркулес², Скот³, Сократ, Каллимах⁴ и Магомет страдали этой же болезнью.

М о р е х о д. Борются они с нею молитвами, обращенными к небу, укреплением мозга, принимая для этого кислоты, занимаясь изысканными увеселениями и употребляя жирный бульон, приправленный лучшей пшеничной мукой. Кушанья они приправляют мастерски: подбавляют в них корицу, мед, сливочное масло и множество сильно подкрепляющих пряностей. Жирные блюда сдабривают они чем-нибудь кислым во избежание отрыжки. Они не пьют ни остуженных снегом, ни искусственно подогретых напитков, как китайцы, не нуждаясь в таких средствах против влаги для усиления природного тепла, но под-

¹ Падучая болезнь — эпилепсия, в древности считалась знаком духовной избранности, называлась «священной болезнью» (*morbis sacer*).

² Геркулес — древнеримское имя героя древнегреческих мифов Геракла.

³ Иоанн Скот Эриугена ок. 810 — 877), ирландский философ, богослов, поэт и переводчик. Жил и работал при дворе франкского короля Карла Лысого. С 870 г. жил в Англии, в Оксфордской теологической школе. Позже аббат в Мальбери. Автор натурфилософского учения, построенного на началах неоплатонизма.

⁴ Каллимах Киренский (ок. 310 — ок. 240 до н.э.), древнегреческий поэт и хранитель Александрийской библиотеки.

держивают его толченым чесноком, уксусом, тмином, мятой и базиликом, особенно летом и при утомлении. Им известна и тайна обновления жизни через каждые семь лет безо всякого ущерба, способом приятным и прямо удивительным.

Г о с т и н н и к. Ты до сих пор не сказал еще о науках и властях.

М о р е х о д. Нет, я говорил, но раз ты этим так интересуешься, я добавлю еще. Каждое новолуние и полнолуние собирается Совет по совершении богослужения. В нем присутствуют все от двадцати лет и старше, и всем предлагается поодиночке высказаться о том, какие есть в государстве недочеты, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие — дурно. Также каждый восьмой день собираются все должностные лица, именно Верховный и вместе с ним Мощь, Мудрость и Любовь, из которых каждому подчинены три начальника, так что всех их — тринадцать. Все они ведают соответствующей отраслью управления: Мощь — военным делом, Мудрость — науками, Любовь — продовольствием, одеждой, деторождением и воспитанием. Собираются и все начальники отрядов — как женских, так и мужских, — десятиники, полусотники и сотники для обсуждения государственных дел и выбора должностных лиц, которые на Большом совете только намечаются заранее. Точно так же, ежедневно и трое главных правителей совещаются о текущих делах; проверяют, утверждают и приводят в исполнение постановленное на выборах и обсуждают другие необходимые мероприятия. К жеребьевке не прибегают, кроме тех случаев, когда совершенно не знают, какое следует принять решение. Должностные лица сменяются по воле народа. Но четверо высших несменяемы, если только сами на совещании между собою не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают мудрейшим,

умнейшим и безупречнейшим. Они действительно настолько разумны и честны, что охотно уступают мудрейшему и сами у него поучаются, но такая передача власти случается редко.

Лица, стоящие во главе отдельных наук, подчинены правителю Мудрости, кроме Метафизика, который есть заместитель, главенствующий над всеми науками, как архитектор: для него было бы постыдно не знать чего-либо доступного смертным. Таким образом, под началом Мудрости находятся: Грамматик, Логик, Физик, Медик, Политик, Этик, Экономист, Астролог, Астроном, Геометр, Космограф, Музыкант, Перспективист, Арифметик, Поэт, Ритор, Живописец, Скульптор. Под началом правителя Любви: Заведующий деторождением, Воспитатель, Медик, Заведующий одеждой, Агроном, Скотовод, Стадковод, Заведующий приручением животных, Главный кухмистр, Откормщик и т. д. В распоряжении триумвира Мощи находятся: Стратег, Начальник единоборцев, Кузнечных дел мастер, Начальник арсенала, Казначей, Заведующий чеканкой монеты, Инженер, Начальник разведки, Начальник конницы, Конюший, Главный гладиатор, Начальник артиллерии, Начальник пращников и Юстициарий¹. А этим всем подчинены особые специалисты.

Г о с т и н н и к. Ну, а что ты скажешь об их судьях?

М о р е х о д. Как раз я хотел сказать об этом. Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом, все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами. К насильникам приме-

¹ Юстициарий — по-видимому, чиновник, осуществляющий контроль за военной подготовкой с тем, чтобы она проводилась надлежащим образом (от *лат.* *justa* — 1) надлежащее, причитающееся по праву; необходимое, полагающееся; 2) общепринятые обряды, обычаи, церемонии).

няется смертная казнь или наказание — око за око, нос за нос, зуб за зуб и т.д., согласно закону возмездия, если преступление совершено сознательно и с заранее обдуманном намерением. Если же это случилось во время ссоры и совершенно непредумышленно, то приговор смягчается, но не самим судьей, а тремя правителями, от которых можно апеллировать, но не в порядке судопроизводства, а в порядке просьбы о помиловании, которое он может даровать. Тюрем у них нет, кроме только башни для заключения мятежных неприятелей и др. Письменного судопроизводства (того, что называется процессом) у них не ведется, но перед судьей и Мощью излагается обвинение, приводятся свидетели и говорит в свою защиту ответчик, которого судья тут же или оправдывает, или осуждает; если же он апеллирует к одному из трех правителей, то оправдание или осуждение переносится на следующий день. На третий день ответчик может быть или помилован и отпущен, или же приговор вступает в законную силу, причем ответчик примиряется со своими обвинителями и свидетелями, как с врачами своей болезни, обнимая их, целуя и т.д.

Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносят обвинитель и свидетели. Палачей и ликторов¹ у них нет, дабы не осквернять государства. Иным дается право самим лишать себя жизни: тогда они обкладывают себя мешочками с порохом и, поджегши их, сгорают, причем присутствующие поощряют их умереть достойно. Все граждане при этом плачут и молят

¹ Ликторы — государственные служащие в Древнем Риме, сопровождавшие высших чиновников, выполняя при них парадные и охранные функции. Были вооружены фасциями — пучком вязовых или березовых прутьев, в которые вкладывался топор. В период ранней республики ликторы приводили в исполнение смертный приговор над римскими гражданами.

Бога смягчить свой гнев, скорбя о том, что дошли до необходимости отсечь загнивший член государства. Однако же виновного они убеждают и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен. Но если преступление совершено или против свободы государства, или против Бога, или против высших властей, то без всякого сострадания приговор выносится немедленно. И только такие преступники караются смертью. Повинный смерти обязуется перед лицом народа по совести объяснить причины, по которым, по его мнению, он не должен был бы умирать, объявить проступки других, заслуживающие смерти, и преступления властей, приведя доказательства того, что они заслуживают еще более тяжкого наказания, ежели только он в этом уверен. И если доводы его окажутся убедительными, он сам отправляется в изгнание, а Город очищают молитвами, богослужениями и покаянием. Однако выданных обвиняемых не истязают, а лишь делают им внушения. Прегрешения, совершенные по слабости или неведению, караются лишь выговорами и принудительными уроками воздержания или же изучением той науки или мастерства, к которым относилось прегрешение. По своим взаимоотношениям они представляются совершенно как бы членами одного и того же тела. Желательно, чтобы ты обратил внимание на то, что если кто-либо, совершив проступок, сам, не дожидаясь обвинения, добровольно повинится в нем, явившись к начальству, и принесет покаяние, пока его не обвинили, то наказание как за сокрытое преступление к нему не применяется и изменяется на другое. Они ревностно следят, чтобы никто не оклеветал другого, так как ведь клеветник должен подвергнуться наказанию по закону возмездия. И так как они всегда ходят и работают отрядами, то для уличения преступника требуется пять свидетелей; иначе его отпус-

кают под присягой и с предостережением. Если же он будет обвинен вторично или в третий раз при двух или трех свидетелях, то несет сугубое наказание. Законы их немногочисленны, кратки и ясны. Они вырезаны все на медной доске у дверей храма, то есть под колоннадой; и на отдельных колоннах можно видеть определение вещей в метафизическом, чрезвычайно сжатом стиле; именно: что такое Бог, что такое ангел, мир, звезда, человек, рок, доблесть и т. д. Все это определено очень тонко. Там же начертаны определения всех добродетелей, и у каждой колонны, на которой начертано соответствующее определение, находятся кресла или судилища судей всех этих добродетелей. Во время судопроизводства судьи сидят там и говорят обвиняемому: «Сын мой, ты прегрешил против этого священного определения (благотворительности, великодушия и т.д.). Читай». И по обсуждении дела приговаривают обвиняемого к наказанию за проступок, им совершенный (то есть за злодеяние, малодушие, гордость, нерадивость и т. д.). А обвинительные приговоры являются истинными и верными лекарствами и воспринимаются скорее как нечто приятное, а не наказание.

Г о с т и н н и к. Теперь ты должен рассказать мне об их священниках, жертвоприношениях, религии и вере.

М о р е х о д. Первосвященник у них есть, а из должностных лиц священниками являются только высшие; на их обязанности лежит очищать совесть граждан, а весь Город на тайной исповеди, которая принята и у нас, открывает свои прегрешения властям, которые одновременно и очищают души, и узнают, каким грехам наиболее подвержен народ. Затем сами священноначальники исповедуют трем верховным правителям и собственные, и чужие грехи, обобщая их и никого при этом не называя по имени, а указывая главным образом на наиболее тяжкие и вредные для государства. Наконец, трое правителей исповедуют эти же

грехи вместе со своими собственными самому главному, который узнает отсюда, какого рода прегрешениям наиболее подвержен Город, и заботится об искоренении их надлежащими средствами. Он приносит Богу жертвы и молитвы и прежде всего всенародно исповедует перед Богом грехи всех граждан в храме перед алтарем всякий раз, когда это необходимо для очищения, не называя, однако, по имени никого из согрешивших. И так он отпускает народу его грехи, вразумляя предостерегаться от них впредь, а затем исповедует всенародно свои собственные грехи и, наконец, приносит жертву Богу, моля о прощении Города и его грехов, о наставлении его и защите.

Также и верховные правители отдельных подчиненных городов один раз в год исповедуют, каждый в отдельности, их грехи. Отсюда становятся ему известны недостатки провинции, и он равным образом врачует и их всеми человеческими и божественными средствами и т.д.

Жертвоприношение совершается так: верховный спрашивает у народа, кто желает принести себя в жертву Богу за своих сограждан, и более праведный отдает себя добровольно. По совершении установленных обрядов и молитв его кладут на четырехугольную доску, прикрепленную четырьмя крюками к четырем канатам, спускающимся на четырех блоках с малого купола, и взывают к Богу о милосердии, да будет ему угодна эта добровольная жертва человеческая, а не насильственная животная, какую приносят язычники. Затем приказывает тянуть канаты, приносимый в жертву поднимается кверху, к середине малого купола, и там отдается горячим молитвам. Пища доставляется ему через окно живущими вокруг купола жрецами, но пища скудная, до тех пор, пока не искупятся грехи Города. Сам же он в молитве и посте молит Бога, да примет он его добровольную жертву. По прошествии же двадцати или тридцати дней, по умилостивлении гнева Божия,

он становится жрецом или же (но в редких случаях) возвращается вниз, но уже по наружному, жреческому сходу. И муж этот пользуется впоследствии великим уважением и почетом за то, что сам обрек себя на смерть за отечество. Бог же не желает смерти. Кроме того, наверху храма пребывают двадцать четыре жреца, которые в полночь, в полдень, утром и вечером, четыре раза в сутки, поют Богу псалмы. На их обязанности лежит наблюдать звезды, отмечать их движения при помощи астролябии¹ и изучать их силы и воздействие на дела человеческие. Таким образом знают они, какие изменения произошли или имеют произойти в отдельных областях земли и в какое время, и посылают проверять, действительно ли там случилось, отмечая и верные, и ложные предсказания, дабы иметь возможность предсказывать впредь с наибольшей точностью на основании этих данных. Они определяют часы для оплодотворения, дни посева, жатвы, сбора винограда и являются как бы передатчиками и связующим звеном между Богом и людьми. Из их среды по большей части и выходит верховный. Они записывают замечательные события и занимаются научными изысканиями. Вниз сходят они лишь завтракать и обедать, подобно духу, нисходящему из головы к желудку и печени. С женщинами сношений они не имеют, за исключением редких случаев, когда это необходимо для здоровья. Ежедневно к ним поднимается верховный и рассуждает с ними о том, что они измыслили нового на благо Города и всех народов мира. Внизу в храме постоянно находится кто-нибудь из народа, молясь перед алтарем; каждый час он сменяется другим, подобно тому, как принято это у нас на торжественном сорокачасовом молебствии. Обычай такой молитвы называется у них «непрестанным жертвоприношением». После трапезы они

¹ Астролябия — угломерный прибор для определения положения светил на небосводе.

воздают хвалу Богу музыкой, а затем воспевают подвиги доблестных христиан, евреев, язычников и всяких других народов, что доставляет им большое наслаждение, ибо они никому не завидуют. Воспевают они и любовь, и мудрость и всяческие добродетели под управлением своего царя. Каждый выбирает себе женщину, которая ему больше нравится, и начинается стройная и прекрасная пляска под колоннадами. Женщины носят длинные волосы, собирая и связывая их все узлом на затылке и заплетая в одну косу; мужчины же — только один локон, выстригая кругом него все остальные волосы, повязывая платком и поверх него надевая круглую шапочку чуть пошире головы. В походе носят они шляпы, а дома — береты: белые, красные или пестрые, сообразно со своим мастерством или занятием; у должностных лиц они больше и пышнее. Они празднуют четыре великих праздника при вступлении Солнца в четыре поворотные точки мира, то есть в, знаки Рака. Весов, Козерога и Овна. При этом они разыгрывают глубоко продуманные и прекрасные представления, вроде комедий. Празднуют они и каждое полнолуние, и новолуние, и день основания Города, и годовщины побед, и т.п. Празднества сопровождаются пением женского хора, звуками труб и тимпанов и пальбою из бомбард, а поэты воспевают славных полководцев и их победы. Однако же тот, кто что-нибудь при этом присочинит от себя, даже и к славе кого-либо из героев, подвергается наказанию. Недостойн имени поэта тот, кто занимается ложными вымыслами, и они считают это за распущенность, гибельную для всего человеческого рода, ибо допускающий это похищает награду у достойнейших и часто доставляет ее людям порочным либо из страха, либо из лести, низкопоклонства и жадности. Памятники в честь кого-нибудь ставятся лишь после его смерти. Однако еще при жизни заносятся в книгу героев все те, кто изобрел или открыл что-ни-

будь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле. Тела умерших не погребаются, а во избежание моровых болезней сжигаются и обращаются в огонь, столь благородную и живую стихию, которая исходит от Солнца и к Солнцу возвращается. Этим исключается возможность возникновения идолопоклонства. Остаются, однако, изваяния и изображения героев, на которые часто взирают красивые женщины, предназначенные государством для деторождения.

Молитвы совершают они, обращаясь на четыре стороны света: утром сначала на восток, затем на запад, затем на юг и затем на север, а вечером наоборот: сначала на запад, затем на восток, затем на север и затем на юг. При этом повторяют одну и ту же молитву, в которой просят для себя и для всех народов здорового тела, здорового духа, блаженства, заключая ее словами: «как будет угодно Богу». Впрочем, всенародная молитва пространна, и изливается она к небу. Для того и алтарь у них круглый и разделен крестнакрест идущими под прямым углом проходами, по которым входит главный священник после каждой из четырех повторных молитв и молится, взирая на небо. Это почитается у них за великое таинство. Первосвященнические облачения отличаются великолепием и осмысленностью, подобно облачению Аарона¹. Счет времени ведется у них по тропическому, а не по сидерическому году², но ежегод-

¹ Облачение древнееврейского первосвященника Аарона, брата Моисея, описано в Библии (Исход, 28).

² Тропический год (иначе — солнечный год) — это отрезок времени, за который Солнце завершает один цикл смены времен года, как это видно с Земли, а именно, время от одного весеннего равноденствия до следующего, или от одного дня летнего солнцестояния до другого. Сидерический год (от *лат.* *sidus*, звезда) — время полного оборота Солнца, в нашем случае — вокруг Земли, т. е. возвращения Солнца к одной и той же точке неба. Вследствие явления так называемой прецессии сидерический год на 20 минут продолжительнее тропического.

но они отмечают, насколько первый предвещает второй. Они считают, что Солнце непрерывно снижается и поэтому, описывая все более низкие круги, достигает Тропиков и Равноденствий раньше, чем в предыдущем году, или же нашему глазу, наблюдающему его все ниже в наклонности¹, представляется, что оно достигает и склоняется к ним раньше. Месяцы они исчисляют по движению Луны, а год по движению Солнца; и ввиду того, что одно совпадает с другим только на девятнадцатый год, когда и голова Дракона² завершит свой цикл, создали они новую астрономию. Они восхваляют Птоломея³ и восхищаются Коперником⁴, хотя ему и предшествовали Аристарх⁵ и Филолай⁶, но они говорят, что один производит расчет движе-

¹ По всей вероятности, речь идет об изменении наклона эклиптики (видимого с Земли круга годового движения Солнца) к экватору.

² Головой дракона (Caput Draconis) называется восходящий лунный узел, т.е. точка пересечения восходящей лунной орбиты с эклиптикой. В астрологии Голову Дракона сопоставляют по своему действию с благодетельными планетами: Юпитером и Венерой.

³ Клавдий Птолемей (ок. 87—ок.165) — древнегреческий астроном, астролог, математик, механик, оптик, теоретик музыки и географ. Жил и работал в Александрии, где проводил астрономические наблюдения. Автор классического астрономического труда «Великое математическое построение по астрономии в 13 книгах» или, кратко, «Мэгистэ» (греч. «мэгистос» — величайший). В Европе этот труд стал известен под названием на арабском языке: «Альмагест» (с *араб.* Великое построение). «Альмагест» подвел итог развитию античной геоцентрической астрономии.

⁴ Николай Коперник (1473 — 1543) — польский астроном, математик, врач, каноник. Автор первой научной гелиоцентрической астрономической теории. Учился в Краковском, Болонском и Падуанском университетах. Главный труд — «Об обращениях небесных сфер».

⁵ Аристарх Самосский (конец IV — первая пол. III в. до н.э.), древнегреческий астроном и математик, ему принадлежит уникальная для античности попытка разработки гелиоцентрической астрономической теории.

⁶ Филолай — Древнегреческий философ и астроном-теоретик (конец V — IV в. до н.э.), ученик Пифагора, жил в южноиталийском («Великая Греция») городе Таренте (или в Кротоне, или в Гераклее — тоже

ний камешками, а другой — бобами, а ни тот, ни другой не рассчитываются настоящими деньгам и расплачиваются с миром счетными марками, а не чистой монетой. Поэтому сами они тщательно расследуют это дело, ибо это необходимо для познания устройства и строения мира и того, суждено ему погибнуть или нет и когда именно. И они твердо верят в истинность пророчества Иисуса Христа о знаменьях в Солнце, Луне и звездах¹, чего не признают среди нас многие безумцы, которых и застигнет гибель мира, как вор ночью. Посему ожидают они обновления века, а может быть, и конца. Они признают, что чрезвычайно трудно решить, создан ли мир из ничего, из развалин ли иных миров или из хаоса, но считают не только вероятным, а, напротив, даже несомненным, что он создан, но существовал от века. Поэтому и здесь, как и во многом другом, ненавидят они Аристотеля, которого называют логиком, а не философом², и извлекают множество доказательств против вечности мира на основании аномалий. Солнце и звезды они почитают как живые существа, как изваяния Бога, как храмы и живые небесные алтари, но не поклоняются им. Наибольшим же почетом пользуется у них Солнце. Но ни-

южноиталийские города). Первым опубликовал пифагорейское учение, ранее бывшее тайным. Пользовался большим уважением Платона, который приобрел его книгу. Согласно Аристотелю, Филолай первым предположил движение Земли.

¹ См.: Библия, Евангелие от Луки, 21:25 и др.

² Аристотель отрицал возникновение, в частности, творение мира (космоса), считал, что космос существует вечно. Это учение противоречит философскому мировоззрению о возникновении космоса из хаоса (либо путем сотворения, либо путем самопорождения вселенским хаосом космоса), аристотелевская позиция противоречит также христианскому учению о сотворении мира Богом (креационизм) и астрологическим представлениям. Аристотеля, в отличие от Платона, в основном не принимала исследовательская мысль Возрождения и Нового времени, поскольку аристотелевская физика была преградой на пути формирования научной физики.

какое творение не считают они достойным поклонения и обожания, которое воздают одному лишь Богу, и потому ему одному служат, дабы не подпасть, в возмездие за служение творениям, под иго тирании и бедствия. И под видом Солнца они созерцают и познают Бога, называя Солнце образом, ликом и живым изваянием Бога, от коего на все находящееся под ним истекает свет, тепло, жизнь, животительные силы и всякие блага. Поэтому и алтарь у них воздвигнут наподобие Солнца, и священнослужители их поклоняются Богу в Солнце и звездах, почитая их за его алтари, а небо — за его храм, и зывают к добрым ангелам как к заступникам, пребывающим в звездах — живых их обиталищах: ибо, говорят они, Бог явил свое нескончаемое великолепие в небе и Солнце — своим трофеем и изваянием. Они отвергают Птолемеи и Коперниковы эксцентрики и эпициклы¹ и утверждают, что существует только одно небо и что планеты сами движутся и поднимаются, когда приближаются к Солнцу и приходят с ним в соединение; поэтому они по большому кругу двигаются вперед, в направлении общего движения, медленнее, а когда

¹ В геоцентрическом астрономическом учении Птолемея противоречие античной астрономии между представлением о правильных круговых движениях планет вокруг Земли и наблюдаемым изменением яркости некоторых планет (Меркурий и Венера), а также неравенством астрономических времен года разрешалось за счет идеи эксцентра — нахождения Земли не в центре, а в эксцентре того круга, по которому вокруг нее движутся планеты и идеи двойного движения планет: они движутся по кругу вокруг Земли («деферент») и малым кругом по так называемому эпициклу — вокруг центра, который сам движется по деференту. Недостатком гелиоцентрической астрономии Коперника было то, что он считал движения планет вокруг Солнца так же, как в античной астрономии, равномерными круговыми движениями, вследствие чего для решения указанного противоречия он также ввел в свою систему идеи эксцентра и эпициклов. Кампанелловские солярии, не соглашаясь в этом с Птолемеем и Коперником, стоят на передовой научной позиции. Другое дело, что развиваемая им далее собственная альтернативная астрономическая картина представляется очень невнятной.

подходят к Солнцу, то несколько отклоняются, дабы получить от него свет, и начинают движение по кратчайшему пути, так как находятся ближе к Земле, благодаря чему и движутся вперед быстрее. Когда они идут с тою же скоростью, что и неподвижные звезды, они называются стоящими; когда скорее — идущими вспять, как говорят обыкновенные астрономы; когда медленнее — идущими прямо к большому свету, который они воспринимают, к которому поднимаются и т. д., ибо из квадратур и в противостояниях они снижаются, чтобы от него не отдаляться. Луна же и в противостоянии, а тем более в соединении¹, поднимается потому, что находится под Солнцем. Таким образом, все светила, хотя и движутся от востока к западу, кажутся идущими в обратном направлении, так как все звездное небо быстро обращается в двадцать четыре часа, а они не так быстро, но задерживаются на пути, благодаря чему, упреждаемые небом, видны движущимися в обратном направлении. Луну же, которая к нам всего ближе, ни в противостоянии, ни в соединении никогда не видно бегущей обратно, но она только немного уходит вперед, когда полностью освещена сверху или снизу, ибо первое небо² обладает в сравнении с нею такой скоростью, что ее движение вперед не может выйти за пределы тринадцати градусов, на которые она от него отходит. Итак, она не движется, а лишь замедляет и ускоряет движение вперед и вспять, из чего становится очевидно, что не надо прибегать ни к эпикалам, ни к эксцентрикам для объяснения подъема, по-

¹ Различные положения планет относительно Земли и Солнца: квадратура — положение планеты, при котором прямые, соединяющие Землю и планету, и Землю и Солнце, образуют прямой угол; противостояние — это положение, в котором она с Земли наблюдается в точке, противоположной Солнцу (в случае такой «планеты» как Луна это положение, когда наблюдается полнолуние); соединение — положение, в котором планета наблюдается как находящаяся перед Солнцем или — за Солнцем (в случае Луны — это ее новолуние).

² Первое небо — речь идет о небе (сфере) неподвижных звезд.

нижения, понятного и замедленного движения. Действительно, Солярии доказывают, что блуждающие светила¹ в определенных частях мира связываются симпатией с явлениями вышними и потому задерживаются там дольше, почему и говорится, что они поднимаются в абсиде. Далее, тому явлению, что Солнце дольше задерживается в северной области, чем в южной², они дают физическое объяснение, а именно: оно поднимается, чтобы накалить Землю там, где ей выпали на долю большие силы, когда оно устремилось на полдень при своем появлении вместе с миром. Поэтому они утверждают вместе с Халдеями³ и древними евреями (а не так, как полагают в позднейшее время), что мир возник во время нашей осени и весны южного полушария. Таким образом, поднимаясь для возмещения того, что оно утратило, Солнце больше дней остается на севере, чем на юге, и видно восходящим по эксцентрику. При этом, однако, они не уверены ни в том, является ли Солнце центром нижнего мира, ни в том, неподвижны или нет центры орбит других планет, ни в том, обращаются ли вокруг других планет луны, подобные обращающейся вокруг нашей Земли, но непрестанно доискиваются тут истины.

Они признают два физических начала всех земных вещей: Солнце — отца и Землю — мать. Воздух считают они

¹ Блуждающие светила — планеты, которые видны с Земли как отклоняющиеся от правильного кругового движения.

² Речь идет о неравной продолжительности астрономических времен года. Весна и лето длятся приблизительно 186 суток, а осень и зима — приблизительно 179 суток. Если говорить о северном полушарии, то здесь астрономические весна и лето равны приблизительно 186 суткам, а если о южном полушарии — то здесь весна и лето то же самое, что в северном полушарии осень и зима, т.е. здесь весна и лето короче — длятся приблизительно 179 суток.

³ Халдеи — семитский народ, обитавший в Вавилоне, в области устьев рек Тигра и Евфрата и на северо-западном берегу Персидского залива. С халдеями связывают особенный интерес к культивированию магии, гаданий астрологии.

нечастою долею неба, а весь огонь — исходящим от солнца. Море — это пот Земли или истечение раскаленных и расплавленных ее недр и такое же связующее звено между воздухом и землею, как кровь между телом и духом у живых существ. Мир — это огромное живое существо, а мы живем в его чреве, подобно червям, живущим в нашем чреве. И мы зависим, не от промысла звезд. Солнца и Земли, а лишь от промысла Божия, ибо в отношении к ним, не имеющим иного устремления, кроме своего умножения, мы родились и живем случайно, в отношении же к Богу, которого они являются орудиями, мы в его предвидении и распорядке созданы и предопределены к великой Цели. Поэтому единственно Богу обязаны мы, как отцу, и памятуем, что всем ведает он. Они непреложно веруют в бессмертие душ, которые после смерти присоединяются к сонму добрых или злых ангелов, в зависимости от того, каким из них уподобились в делах своей земной жизни, ибо все устремляется к себе подобному. О местах наказания и награды в будущей жизни они держатся почти одинаковых с нами воззрений. Относительно существования иных миров за пределами нашего они находятся в сомнении, но считают безумием утверждать, что вне его ничего не существует, ибо, говорят они, небытия нет ни в мире, ни за его пределами, и с Богом, как с существом бесконечным, никакое небытие не совместимо. Начал метафизических полагают они два: сущее, то есть высшего Бога, и небытие, которое есть недостаток бытийности и необходимое условие всякого физического становления; ибо то, что есть, не становится, и, следовательно, того, что становится, раньше не было. Далее, от склонности к небытию рождаются зло и грех; грех имеет, таким образом, не действующую причину, а причину недостаточную. Под недостаточной же причиной понимают они недостаток мощи, или мудрости, или воли. Именно в этом и полагают они грех: ибо тот, кто знает и может творить добро, должен иметь и волю к нему,

ибо воля возникает из первых двух способностей, а не наоборот. Изумительно то, что они поклоняются Богу-троице, говоря, что Бог есть высшая мощь, от которой исходит высшая мудрость, которая точно так же есть Бог, а от них — любовь, которая есть и мощь, и мудрость; ибо исходящее непременно будет обладать природой того, от чего оно исходит. При этом, однако, они не различают поименно отдельных лиц троицы, как в нашем христианском законе, потому что они лишены откровения, но они знают, что в Боге заключается исхождение и отнесение самого себя к себе, в себя и от себя. Таким образом, все существа метафизически состоят из мощи, мудрости и любви, поскольку они имеют бытие, и из немощи, неведения и ненависти, поскольку причастны небытию; и посредством первых стяжают они заслуги, посредством последних — грешат: или грехом природным — по немощи и неведению, или грехом вольным и умышленным, либо трояко: по немощи, неведению и ненависти — либо по одной ненависти. Ведь и природа в своих частных проявлениях грешит по немощи или неведению, производя чудовищ. Впрочем, все это предусматривается и устраняется Богом, ни к какому небытию не причастным, как существом всемогущим, всеведущим и всеблагим. Поэтому в Боге никакое существо не грешит, а грешит вне Бога. Но вне Бога мы можем находиться только для себя и в отношении нас, а не для него и в отношении к нему; ибо в нас заключается недостаточность, а в нем — действенность. Поэтому грех не есть действие Бога, поскольку он обладает существенностью и действенностью; поскольку же он обладает несущественностью и недостаточностью, в чем и состоит самая природа греха, он в нас и от нас, ибо мы по своему неустроению уклоняемся к небытию.

Г о с т и н н и к. Господи, какие тонкости!

М о р е х о д. Уверяю тебя, что если бы я все запомнил и не боялся сейчас опоздать, я бы нарассказал тебе изу-

мительных вещей, но я пропущу корабль, ежели не потороплюсь.

Г о с т и н н и к. Умоляю тебя, не утай от меня только одного: что говорят они о грехопадении Адама?

М о р е х о д. Они ясно сознают, что в мире царит великая испорченность, что люди не руководствуются истинными высшими целями, что достойные терпят мучения, что им не внимают, а что господствуют негодяи, хотя их благополучную жизнь они называют несчастьем, ибо она есть как бы ничтожное и показное бытие, так как ведь на самом деле не существует ни царей, ни мудрецов, ни подвижников, ни святых, раз они поистине не таковы. Из этого они заключают, что в делах человеческих из-за какого-то случая возникло великое смятение. Сначала они как будто были склонны считать вместе с Платоном, что небесные сферы в прежние времена вращались с нынешне-го запада туда, где, мы теперь считаем, находится восток, а впоследствии стали двигаться в обратном направлении. Считали они возможным и то, что делами низшего мира управляет некое низшее божество по попущению первого божества, но теперь полагают, что это мнение нелепо. Но еще нелепее считать, что сначала хорошо правил миром Сатурн, затем уже хуже Юпитер, а затем — последовательно остальные планеты, хотя они и признают, что мировые эпохи распределяются по планетам. Уверены они и в том, что из-за перемещения абсид через каждые тысячу или тысячу шестьсот лет во всем происходят значительные изменения.

Наш век, очевидно, надо считать веком Меркурия, хотя он и перебивается великими соединениями, и роковое действие оказывают возвращения аномалий. В конце концов они признают, что счастлив христианин, довольствующийся верою в то, что столь великое смятение произошло из-за грехопадения Адама. Они полагают также, что от отцов на детей переходит скорее зло возмездия за

вину, чем сама вина. Но от сыновей вина переходит обратно на их отцов, поскольку те с небрежением относились к деторождению и совершали его не в надлежащее время и не в надлежащем месте, пренебрегали подбором и воспитанием родителей и дурно обучали и наставляли детей. Поэтому сами они тщательно следят за деторождением и воспитанием, говоря, что наказание и вина как сыновей, так и родителей затопляет государство. Из-за этого в теперешние времена все города погрязли в бедствиях и, что еще хуже, ныне называют миром и благоденствием самые эти бедствия, пребывая в неведении истинных благ, а мир представляется управляемым случаем. На самом же деле тот, кто созерцает устройство мира и изучает анатомию человека (которую сами они часто изучают на приговоренных к смерти), растений и животных, как и применение отдельных их частей и частиц, неизбежно принужден будет признать во всеуслышание мудрость и провидение Бога. Итак, человек должен быть всецело предан религии и всегда почитать своего творца. Но это невозможно исполнить подобающим образом и без затруднений никому, кроме того, кто исследует и постигает творения Бога, соблюдает его заповеди и, будучи правильно умудрен в своих действиях, помнит: чего не хочешь самому себе, не делай этого другому, и что вы хотите, чтобы делали люди вам, делайте и вы им¹. Откуда следует, что как мы от сыновей и от людей, к которым сами не щедры, требуем уважения и добра, так мы сами гораздо больше должны Богу, от которого все получаем, которому обязаны всем нашим существованием и всюду пребываем в нем. Ему же слава вовеки.

Г о с т и н н и к. Поистине, раз они, знающие только закон природы, настолько близки к христианству, которое не добавляет сверх природных законов ничего, кроме таинств, способствующих их соблюдению, то для меня это

¹ См.: Библия, Евангелие от Матфея, 7:12; Евангелие от Луки, 6:31.

служит весьма веским доказательством в пользу христианской религии, как самой истинной из всех и той, которая, по устранении злоупотреблений, будет господствовать на всем земном круге, как учат и уповают славнейшие богословы, которые утверждают, что потому и открыт Новый Свет Испанцами (хотя первым открывшим его был доблестнейший наш генуэзец — Колумб), чтобы все народности объединились в едином законе. Итак, эти твои философы будут свидетелями истины, избранными Богом. Вижу я отсюда, что мы сами не ведаем, что творим, но служим орудиями Бога: люди ищут новые страны в погоне за золотом и богатством, а Бог преследует высшую цель; Солнце стремится спалить Землю, а вовсе не производить растения, людей и т.д., но Бог использует самую битву борющихся к их процветанию. Ему хвала и слава.

М о р е х о д. О, если бы ты только знал, что говорят они на основании астрологии, а также и наших пророков о грядущем веке и о том, что в наш век совершается больше событий за сто лет, чем во всем мире совершилось их за четыре тысячи; что в этом столетии вышло больше книг, чем вышло их за пять тысяч лет; что говорят они об изумительном изобретении книгопечатания, аркебузов и применении магнита — знаменательных признаках и в то же время средствах соединения обитателей мира в единую паству, а также о том, как произошли эти великие открытия во время великих синодов¹ в треугольнике Рака, при прохождении абсиды Меркурия через Скорпиона и под влиянием Луны и Марса, способствующих в этом треугольнике новым плаваниям, новым царствам и новому оружию. Но как только абсида Сатурна пройдет по Козерогу, абсида Меркурия — по Стрельцу, а абсида Марса —

¹ Синоды — астрологический термин для обозначения соединения планет в определенных знаках зодиака.

по Деве, после первых великих синодов и явления новой звезды в Кассиопее¹, возникнет новая монархия, произойдет преобразование и обновление законов и наук, появятся новые пророки, и, утверждают они, предвещает все это великое торжество христианству. Но сначала ведь все исторгается и искореняется, а потом уже создается, насаждается и т.д.

— Отпусти меня: у меня еще много дел! — Но вот только, что ты должен знать: они уже изобрели искусство летать — единственно, чего, кажется, недоставало миру, а в ближайшем будущем ожидают изобретения подзорных труб², при помощи которых будут видимы скрытые звезды, и труб слуховых³, посредством которых слышна будет гармония неба.

Г о с т и н н и к. Неужели? Ах-ах-ах, это же замечательно! Но ведь Рак — это же женский знак Венеры и Луны, так как же может быть он благодетелен в воздухе, раз он — знак водный?

¹ Внезапное появление новой звезды в созвездии Кассиопеи в 1572 г. заметил датский астроном Тихо Браге. Она постепенно ослабевала и через шестнадцать месяцев перестала быть видимой. В настоящее время известно, что это была сверхновая звезда, представлявшая собой один из последних взрывов звезд, наблюдавшихся в галактике Млечного пути.

² Проект подзорной трубы разрабатывался Роджером Бэконом, английским схоластом-натурфилософом XIII века. В 1509 г. первую детальную схему подзорной трубы разработал великий итальянский изобретатель и художник Леонардо да Винчи. Однако и его проект не нашел практического воплощения. Подзорная труба была создана вскоре после написания Т. Кампанеллой «Города Солнца» (1602 г.), а именно в 1608 г. Галилео Галилеем. Так что данное предсказание Кампанеллы оправдалось (в отличие от чуть ниже предсказываемого изобретения неких слуховых труб для прослушивания «гармонии неба»).

³ Мысль о звучании «неба», а точнее — небесных сфер, высказал древнегреческий философ VI века до н.э. Пифагор. Поскольку солярии справедливо отрицают существование небесных сфер в пользу существования одного-единственного неба, то тем самым становится неоправданным ожидание события изобретения соответствующих слуховых труб.

Мореход. А они говорят, что женское начало действует плодотворно в небе и над ними начинается господство менее устойчивых сил. Откуда и понятно, что в этом веке начало преобладать правление женщин. Так, между Нубией¹ и Монопотай² явились новые Амазонки, а среди европейцев воцарились: Русская в Турции, Бона в Польше, Мария в Венгрии, Елизавета в Англии, Екатерина во Франции, Бьянка в Тоскане, Маргарита в Бельгии, Мария в Шотландии и в Испании Изабелла³, при которой открыт был Новый Свет. Да и поэт этого века начинает с женщин:

*Le donne, i cavalier l'arme e gli amori*⁴.

¹ Нубия — страна и историческая область в долине Нила южнее Асуана в Египте и севернее Хартума, суданской столицы.

² Монопотамы — государство в южной Африке, существовавшее в VI — XVIII веках. На территории этого государства позже сложились ныне существующие государства Зимбабве и Мозамбик.

³ Русская в Турции — султанша Роксолана, любимая жена Сулеймана II Великолепного (1520 — 1566). Имела сильное влияние на политику султана. Бона в Польше — королева польская, жена Сигизмунда I (1506 — 1548). Мария в Венгрии — венгерская королева Мария (1505 — 1558), дочь Бургундского короля Филиппа I Красивого, бывшая женою венгерского короля Людовика II (ум. в 1522 г.). Елизавета в Англии. — Елизавета Тюдор (1558—1603), королева английская, при которой была разбита «Непобедимая армада», флот короля испанского Филиппа II. Екатерина во Франции — Екатерина Медичи (1519 — 1589), королева французская, жена Генриха II, после смерти которого в царствование своих сыновей Франциска II, Карла IX и Генриха III была полновластной правительницей Франции. По ее распоряжению произошло избиение гугенотов 24 августа 1572 г. («Варфоломеевская ночь»). Бьянка в Тоскане. — Бьянка Капелли (ум. в 1587 г.), дочь венецианского сенатора, вторая жена великого герцога тосканского Франциска. Маргарита в Бельгии (тогда в Нидерландах) — Маргарита Пармская (1522—1586), побочная дочь Карла V, воспитывавшаяся при дворе венгерской королевы Марии. В 1558 г. была назначена Филиппом II Испанским наместницей в Нидерландах. Мария в Шотландии. Вероятно, Мария Гиз (1515 — 1560), жестоко преследовавшая протестантов. Изабелла — королева кастильская (1450—1504), жена короля испанского Фердинанда V.

⁴ *Le donne...* — первый стих поэмы Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд» («Я воспеваю дам, рыцарей, битвы и любовь»).

Развелись и зловредные поэты, и еретики из-за треугольника Марса и предстояния Меркурия в апогее, и под влиянием Венеры и Луны все время говорят они о распутстве и непристойностях; все мужчины стремятся стать женоподобными и в смысле пола, и в выражениях, называемая друг друга «Vossignoria»¹.

И в Африке, где главенствует Рак и Скорпион, помимо Амазонок в Феце и Марокко, существуют публичные лупанары женоподобных мужчин и другие бесчисленные мерзости. Но это еще не значит, что треугольник Рака (знак тропика, и место экзальтации Юпитера, и апогей Солнца, и тройственность Марса), как бы посредством Луны, Марса и Венеры, привел к открытию нового полушария, удивительному пути вокруг всего земного шара и владычеству женщин, а посредством Меркурия и Марса — к изобретению книгопечатания и огнестрельного оружия. И не треугольник Рака был причиной великой перемены законов. Эта перемена заключается в том, что в Новом Свете и по всему побережью Африки и Азии, особенно южному, укоренилось христианство при воздействии Юпитера и Солнца, которые в делах божественных и произвольных склоняют и указуют, а в делах человеческих и естественных даже служат определяющими причинами. В Африке же посредством Луны и Марса укоренилась секта Сетифа², в Персии посредством Венеры и Юпитера — секта Али, восстановленная Софием³, одновременно с переменой прав-

¹ Vossignoria — *итал.* Ваша Милость.

² Данных о такой секте разыскать не удалось. Возможно, что речь идет о какой-то секте из города Сетифе, расположенного в северо-восточной части Алжира.

³ Али, приемный сын и зять Пророка Мухаммеда. Его сторонники и сторонники его убитого в 680 г. сына Хосейна образовали секту шиитов. С 1499 г. шиитское направление в мусульманстве утвердилось в Персии как официальная религия. В свою очередь в шиитстве самой значительной является секта суфиев, культивирующая мистико-аскетическую веру. Суфий («софий» у Кампанеллы) — не основатель секты,

ления в этих странах. А в Германию, Францию, Англию и во всю почти Северную Европу проникает из-за господствующих там Марса, Венеры и Луны зловещая ересь, спутница похоти и скотства и искоренительница свободной человеческой воли. Испания же и Италия благодаря их знакам Стрельца и Льва твердо сохранились в истинном христианском законе во всей его чистоте. О, если бы и в чистоте нравов!

Благодаря же Луне и Меркурию Солярии изобрели новые искусства при содействии абсиды Солнца, ибо эти планеты способствуют искусству летать по воздуху, который, будучи водянистым и расплывчатым в наших странах, на экваторе легок и летуч благодаря тому, что земля там расположена под небом, сильнее освещаемым Солнцем.

И они создали новую астрономию, так что в другом полушарии, к югу от экватора, Домом Солнца оказывается Водолей, Домом Луны — Козерог и т.д. И все знаки с их силами они, таким образом, перевертывают. И это необходимо, согласно законам природы. О, чего только я не узнал от этих мудрецов о перемещениях абсид, эксцентриситетов, наклона эклиптики, равноденствий, солнцестояний, полюсов, о смещениях в небесных фигурах при колебаниях небесного механизма на необъятном пространстве времени; о символических соотношениях между предметами нашего мира и того, что находится вне его, о том, сколько изменений последует после великого синода в равноденственных знаках Овна и Весов, при восстановлении аномалий, и какие изумительные явления последуют за великим соединением при утверждении того, что определено при изменении кругового движения.

Но, прошу тебя, не задерживай меня дольше, у меня еще много дела, ты знаешь, как я беспокоюсь. До другого раза. Вот только, чтобы не забыть: они неоспоримо дока-

как думает Кампанелла, а член мистико-аскетического сообщества секты суфиев (от *араб.* носящий власяницу).

зывают, что человек свободен, и говорят, что если в течение сорокачасовой жесточайшей пытки, какую мучили одного почитаемого ими Философа враги, невозможно было добиться от него на допросе ни единого словечка признания в том, чего от него добивались, потому что он решил в душе молчать, то, следовательно, и звезды, которые воздействуют издали и мягко, не могут заставить нас поступать против нашего решения. Но так как они хотя и неощутимо и мягко, но все-таки воздействуют на наше чувство, то тот, кто следует больше чувству, чем божественному разуму, и оказывается у них в порабощении. Ведь то же самое расположение звезд, которое из трупов еретиков испустило зловонные испарения, одновременно с этим из основателей ордена Иезуитов¹, Миноритов² и Капуцинов³ источило благоухание добродетели. И под тем же расположением звезд Фернанд Кортес⁴ насадил божественную религию Христа в Мексике.

¹ Иезуиты — Иезуиты или Орден Иезуитов, мужской монашеский орден римско-католической церкви, основанный священником и богословом Игнатием Лойолой в 1534 г. и утвержденный папой римским Павлом III в 1540 г. Официальное название — Общество Иисуса, а также Орден св. Игнатия (по имени основателя). Цель ордена — распространение и укрепление католицизма, борьба с протестантизмом и ересями в католицизме. Иезуиты активно занимались наукой, образованием и миссионерской деятельностью. Был распущен в 1773 г. папою Климентом XIV, но восстановлен в 1814 г. Пием VII.

² Минориты — Францисканцы или Минориты (*лат.* меньшие братья), католический нищенствующий монашеский орден, основанный в 1208 г. близ Спалето в Италии нищим странником и проповедником (в будущем — святым) Франциском Ассизским с целью проповеди в народе апостольской бедности, аскетизма, любви к ближнему.

³ Капуцины, или Орден Братьев Меньших Капуцинов, — католический монашеский орден, ветвь ордена францисканцев (миноритов). Основан в 1525 г. миноритом Басси в итальянском городе Урбино, утвержден в 1528 г. папой Климентом VIII. Орден получил очень строгий устав. Бедность часто соединялась у капуцинов с недостатком образования. Особенно известны их шутовские народные проповеди — т. наз. капуцинады.

⁴ Кортес — Фернандо Кортес (1485—1554), испанский конкистадор, завоеватель Мексики.

А о многом другом, что теперь ожидает мир, я еще расскажу тебе в другой раз.

— Ересь апостол Павел¹ относит к делам плоти; звезды же чувственных людей склоняют к ереси, сообразно характеру склоняемого, а людей разумных — к разумному, истинному и святому закону изначального разума и слова Божия.

Богу же хвала вовеки.

Аминь.

Г о с т и н н и к. Подожди, подожди еще немного.

М о р е х о д. Не могу, не могу.

¹ Апостол Павел — Павел лично не знал Христа, но, согласно Новому завету, был сопричислен к апостолам в акте божественного откровения.

КОММЕНТАРИИ

Томас Мор. Краткая биография

Томас Мор (1478—1535) — английский мыслитель, писатель, гуманист святой Католической церкви.

Томас Мор родился 7 февраля 1478 г. в семье сэра Джона Мора, судьи Высшего королевского суда, известного своей честностью. Начальное образование Томас получил в школе Св. Антония. В 13 лет по протекции отца оказался знаком с кардиналом, епископом Кентерберийским Джоном Мортонем, служил у него пажом. Стремление юного Томаса Мора к знаниям, его веселый и остроумный нрав произвели на Мортоня большое впечатление, он предсказал, что юноша станет «изумительным человеком».

В 1492 г. Мор поступил в Оксфордский университет, где обнаружил блестящие способности, изучая древние языки, литературу, богословие. Вошел здесь в кружок гуманистов, противников средневековой богословской схоластики. В 1494 г. по настоянию отца ушел из университета, чтобы частным порядком изучать право. В 1501 году получил в Лондоне высокую адвокатскую квалификацию (барристер). Одно время собирался стать монахом. Хотя это намерение он так и не исполнил, но всю жизнь придерживался аскетических правил.

К 1497 г. относится его знакомство со знаменитым эрудитом, писателем-гуманистом из Нидерландов Эразмом Роттердамским, тогда впервые посетившим Англию. Дружба с Эразмом еще сильнее сблизила Мора с кружком гуманистов Оксфорда, где Эразм занял кафедру древнегреческо-

го языка. Десятилетием позже в доме Мора и под его влиянием Эразм напишет свое знаменитое сочинение «Похвала глупости». Благодаря сообщению Эразма стало известным, что еще в юности Т. Мор увлекся коммунистическими идеями Платона, изучал его «Государство».

Как адвокат Т. Мор приобрел широкую известность и даже славу. В 1504 г. его избрали в Парламент. Но, работая в Парламенте, Мор вызвал ненависть короля Генриха VII речью против субсидии, которую король требовал для проведения бракосочетания дочери и посвящения сына в рыцарство. Субсидию королю Парламент урезал. В отместку Томасу Мору король, поскольку сам Мор как член Парламента обладал неприкосновенностью, велел оштрафовать на крупную сумму его отца. Томасу Мору под таким давлением пришлось уйти из Парламента, он вновь стал вести адвокатскую практику.

В 1505 г. Томас Мор женился на Джейн Кольт. У Томаса и Джейн родились четверо детей. Но в 1511 г. Джейн умерла. Мор женился вторым браком на Элис Мидлтон. Этот брак Мора тоже был счастливым. У Мора с Элис не было детей, но Мор воспитывал ее дочь от первого брака как свою собственную. Кроме того, он стал опекуном молодой девушки, которая вышла потом замуж за его сына. Мор был любящим отцом. Отлучаясь по делам, он вел переписку со своими детьми. Его всерьез интересовали вопросы образования женщин. Он выступал за социальное равенство женщин и мужчин, настаивал, чтобы дочери, как и сыновья, получили высшее образование.

Когда в 1509 г. умер Генрих VII, Мор возвратился к общественной деятельности. В том же году его избрали судьей в Линкольн-инн, а в следующем — помощником шерифа Лондона. Он получил такое широкое доверие сограждан, что английские купцы дважды добивались от короля, чтобы Мор улаживал их конфликты с купцами в Нидерландах. Во время одного из посольств в Нидерланды Т. Мор начал писать

«Утопию», обрамлением повествования в которой является как раз событие его посольства. В 1518 г. высокий общественный авторитет Мора подтолкнул короля назначить его членом тайного совета и докладчиком прошений на имя короля. Карьера Мора быстро пошла вверх. В 1521 г. он получил должность хранителя королевской казны и посвящен в рыцари. В 1523 г. избран Председателем палаты общин. В 1525 г. назначен канцлером герцогства Ланкастерского. Наконец, в 1529 г. его назначают лордом-канцлером Англии, первым после короля должностным лицом в государстве. Он проявил себя как очень принципиальный политик, проводя свою линию так, что она могла вызвать немилость короля. Через несколько лет это и случилось — в результате столкновения на религиозной почве.

В 1520 г. Мартин Лютер, инициатор Реформации в Германии, выступил с работами «Обращение к христианскому дворянству немецкой нации», «О вавилонском пленении церкви», «О свободе христианина», в которых излагал учение о спасении через веру, отвергал таинства и обряды католической церкви, разоблачал ее злоупотребления и пр. В следующем году король Англии Генрих VIII дал Лютеру отповедь, опубликовав манифест «В защиту семи таинств». Текст манифеста, как предполагается, был написан или, по крайней мере, отредактирован Мором. Лютер ответил Генриху VIII грубой статьей, в которой называл короля «свиньей, болваном и лжецом», «бессмысленным шутком, не понимающим, что значит вера» и т.п. В 1523 году вышел в свет «Ответ Томаса Мора на глумления, которыми Мартин Лютер осыпает английского короля Генриха Восьмого». Этот ответ, в свою очередь, был усыпан грубыми инвективами в адрес «пьяницы и невежды» Лютера. Мор остался верен той своей позиции, с которой он защищал короля и католическую церковь, до конца. Иное дело король. Генрих VIII через несколько лет поссорился с папой римским, когда тот, находясь в полной зависимости от испанского короля, не дал согласие на рас-

торжение Генрихом VIII его брака с испанской принцессой. Истинная причина была не в том, что у Генриха VIII была новая любовница, с которой он хотел бы связать свою жизнь, а в том, что династический брак с испанским королевским домом стал ненужным, поскольку мешал разрыву с папством и отделению английской церкви от католицизма с целью отнять у католических монастырей их богатства — ценности и земли. Мор считал, что намерение короля ничем не лучше лютеровской реформации и не мог согласиться с происходящим. В 1532 г., когда король особенно ждал от него поддержки, Томас Мор подал в отставку. Это вызвало гнев короля.

В 1533 г. Парламент провозгласил Генриха VIII главой английской церкви. Все виднейшие люди государства должны были присягнуть на верность королю в этом его церковном звании. Мор отказался от присяги, за что был заключен в Тауэр. Он был приговорен специальной комиссией Суда королевской скамьи к ужасной казни с пытками и четвертованием. Король смиловился, заменив приговор на отсечение головы. Томаса Мора казнили 6 июля 1535 г. Католическая церковь в 1935 г. за верность ей канонизировала Мора, причислив его к лику святых.

Кроме «Утопии» Томас Мор написал художественно-историческое произведение «История Ричарда III», 280 латинских эпиграмм и несколько небольших поэм. Он занимался также переводами с древнегреческого языка.

Примечания к «Утопии» Т. Мора

Рукописный оригинал «Утопии» («*Libellus aureus nec minus salutaris quam festivus de optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia*»), написанной на латинском языке, не сохранился. Первое печатное издание вышло в 1516 году, в бельгийском городе Лувене под надзором друзей Томаса Мора Эразма Роттердамского и Петра Эгидия. Поскольку это первое издание было не удовлетворительным — с опечатками и

ошибками, последовали перепечатки 1517 и 1518 гг. Последнее, базельское, было наиболее исправным. Остальные издания вышли уже после смерти автора. Было много изданий разных по качеству. В России первые два перевода на русский были изданы в конце XVIII в. В 1903 г. «Утопия» вышла в переводе с латинского на русский А.Т. Генкель при участии Н.А. Макшеевой. В 1935 г. «Утопия» вышла в переводе А.И. Малеина в издательстве «Academia», в 1947 г. тот же перевод вышел в издательстве Академии наук СССР. В 1953 г. перевод А.И. Малеина был отредактирован и исправлен Ф.А. Петровским. В 1978 г. вышло академическое издание в серии «Литературные памятники» в переводе Ю.М. Кагана в составе книги Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. (Научно-изд. центр М.: «Ладомир», «Наука») Второе, исправленное и дополненное издание этой книги вышло в 1998 г.

В настоящей книге текст «Утопии» печатается с издания в переводе А.И. Малеина и Ф.А. Петровского: Томас Мор. Утопия. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Томмазо Кампанелла. Краткая биография

Томмазо Кампанелла (1568—1639) — итальянский философ и писатель.

Джиан Доменико Кампанелла родился 5 сентября 1568 г. в семье сапожника в селении Стеньяно близ города Стило в Калабрии, находившейся в то время под властью Испании. В ранней молодости Джиан вступил в доминиканский орден, где в 15 лет принял имя Томмазо (Тома или Фома в честь Фомы Аквинского). С детства проявил большие способности; в тринадцать лет писал стихи. Первоначальное образование получил под руководством монаха-доминиканца, под влиянием которого Кампанелла и пошел в монастырь. В монастыре Плакиник неподалеку от города Урбино он увлекся изучением философии и богословия, изучает труды столпов схоластики Альберта Великого и Фомы Аквинского, сочинения Аристотеля.

В Сан-Джорджо, куда Кампанеллу отправили для углубления образования, произошло событие, имевшее поворотное значение в его жизни. Монахи-францисканцы устроили диспут, в котором от доминиканцев должен был участвовать престарелый монах. Поскольку он заболел, участвовать в диспуте поручили Кампанелле. Совсем юный монах, почти мальчик, убедительно и с блеском победил в богословском споре умудренных монахов. Видимо, успех подтолкнул его к занятию самостоятельной позиции в богословии и философии. Он, усомнившись в самом Аристотеле, присоединяется к критикам его физики и метафизики. Он с огромным интересом изучает труды Телезия (1509—1558), итальянского естествоиспытателя и философа, противника схоластически толкуемого Аристотеля. Тогда же он начинает самостоятельно и глубоко изучать Платона. Диалог Платона «Государство» произведет на его социально-политические взгляды, как ранее и на взгляды Т. Мора, неизгладимое впечатление. Изучает он также других античных специалистов и мыслителей: писателя-эрудита, автора «Естественной истории» Плиния, римского медика и философа Галена, философов-стоиков, Демокрита и др.

В двадцать три года Т. Кампанелла издает свою первую работу «Философия, основанная на ощущениях». Поводом послужила появившаяся в 1587 г. книга Якова Антония Марта «Крепость Аристотеля против принципов Бернардина Телезия». Кампанелла проводит позицию, что исследование природы следует строить не на отвлеченных принципах, а на данных опыта, убедительно отстаивая тем самым Телезия и критикуя Аристотеля.

Однако вскоре Кампанелла временно отклоняется от позиции Телезия. В 1591 г. он, находясь под впечатлением вышедшего тогда труда делья Порто, выпускает в Неаполе сочинение «О смысле вещей». Она посвящена вопросам так называемой «натуральной магии» и астрологии, не признаваемым Телезием. Но в дальнейшем своем творчестве, в том

числе при создании «Города Солнца», Кампанелла умудряется совмещать сенсуалистическую, близкую к материализму позицию, идущую от Телезия, с «натуральной магией» и астрологией.

Взгляды Т. Кампанеллы уже в это время отличались неприемлемым для церкви свободомыслием. Достаточно сказать, что не признаваемый им Аристотель был первым авторитетом для схоластического богословия, а книги обожаемого им Телезия обсуждались инквизицией на предмет включения в «Индекс запрещенных книг», астрология квалифицировалась церковью как язычество. Кроме того, он нарушил запрет, грозивший даже отлучением: брал из монастырской библиотеки книги без разрешения папы. Результатом стали донос, арест и отправка в тюрьму инквизиции в Рим. В первый раз обошлось — хотя и остался под сильным подозрением, но через год был выпущен из тюрьмы. После скитаний по городам Италии оказывается в монастыре св. Августина в Падуе. Но и здесь он становится жертвой доносов. Один состоял в том, что будто бы Кампанелла оскорбил генерала ордена. От этого доноса он легко оправдался. Но были еще доносы, в которых ему приписывалось авторство богохульных сочинений и в недоносительстве на богохульника. Он был вновь заключен в тюрьму в Риме. Но через два года ему все-таки удалось оправдаться и от этих обвинений благодаря двум новым сочинениям: «О христианской монархии» и «О правлении церкви», в которых он резко выступает против реформационного движения как горячий сторонник папской власти. Тогда Кампанелла считал, что для прекращения раздоров и установления международного мира папа должен стать главой всех христиан. В таком настроении он, живя уже в Риме, даже выступает с политическим трактатом «Речи к итальянским князьям», в которых убеждает подчиниться власти испанцев и тем самым способствовать созданию мировой монархии, в которой Италия под владичеством папы будет играть главную роль. Однако дальнейшие события по-

казали, что от призыва к подчинению испанцам он решительно отказался.

В 1559 г. он возвращается на родину в Калабрию и готовится осуществить выношенный им замысел восстания против испанской власти. Астрологические предсказания сулят успех, предвещают возвращение золотого века, картина которого направляет утопическую мысль. Кампанелла уже увлечен идеей коммунистического устройства. Кроме изученного еще в ранней юности «Государства» Платона он, судя по всему, знает теперь и «Утопию» Т. Мора. В духе задуманной им самим коммунистической утопии он хотел бы после восстания устроить государство в Калабрии. Тяжелое положение трудовых масс, возмущение всех категорий населения бандитскими разбоями и нищенством способствуют успеху агитации, которую повел Кампанелла и его соратники, главным образом, монахи. Восстание было назначено на 10 сентября 1599 г. Но заговорщики были выданы предателями испанским властям. Кампанелла был схвачен и по приказу папы отправлен в неаполитанскую тюрьму.

От смертной казни его спасло то, что кроме обвинения в подготовке восстания, он был обвинен и в ереси, а решение по последнему делу не могли принять испанские власти, оно подлежало юрисдикции папы. Тюремщики удовлетворились тем, что подвергли Кампанеллу ужасным пыткам, одна из которых продолжалась сорок часов. Имея в виду себя, он в «Городе Солнца» пишет: граждане этого города «неоспоримо доказывают, что человек свободен, и говорят, что если в течение сорокачасовой жесточайшей пытки, какую мучили одного почитаемого ими философа враги, невозможно было добиться от него на допросе ни единого словечка признания в том, чего от него добивались, потому что он решил в душе молчать, то, следовательно, и звезды, которые воздействуют издали и мягко, не могут заставить нас поступать против нашего решения». После семикратных пыток он наконец был приговорен трибуналом инквизиции к пожизненному

заклучению. В заключении, несмотря на очень плохие условия, Кампанелла написал большую часть своих трудов, среди них — «Город Солнца». Поскольку в своих трудах, читаемых цензорами инквизиции, Кампанелла высказывал протестантские взгляды, спустя годы ему разрешили свидания и беседы с интересовавшимися его судьбой людьми. Среди таких был и лютеранин Товий Адами, издавший в 1623 г. «Город Солнца» во Франкфурте.

В 1626 году, более чем через двадцать пять лет заключения папа Урбан VIII, руководствуясь антииспанской политикой, добивается перевода Кампанеллы в римскую тюрьму. Ему разрешают публиковать после цензуры его труды. По слаблению способствовало также то, что папа сам был приверженцем астрологии, знатоком которой слыл и был Кампанелла. Кампанеллу освободили через два года после перевода в Рим и после того, как он написал статью «Как избежать судьбы, предрекаемой звездами». Но когда, будучи уже на воле, его враги без его ведома опубликовали его книгу «Астрология», Кампанелле снова грозили преследования. Положение еще ухудшилось во время известного процесса над Галилеем, в защиту которого Кампанелла стал выступать. К тому же его вновь стали обвинять в заговоре против испанского присутствия в Италии. С негласного соизволения папы Кампанелла бежит во Францию, где господствуют антииспанские настроения и где его радушно принимают. Кардинал Ришелье назначил ему пенсию. Скончался Томмазо Кампанелла в Париже 21 мая 1639 г.

Примечания к «Городу Солнца» Т. Кампанеллы

Сочинение «Город Солнца» первоначально было написано Томмазо Кампанеллой на итальянском языке. В 1613 г. он сделал перевод на латинский. Первым изданием «Города Солнца» стал латинский перевод, изданный в 1623 г. Т. Адами в Германии, во Франкфурте. Эта книга на латинском пере-

издавалась затем в 1637 году самим Кампанеллой в Париже, а в 1643 году парижское издание (уже после смерти автора) было перепечатано в Утрехте в Нидерландах. В эти два последние издания автором были внесены дополнения. Притом в целом латинские издания заметно отличаются от итальянского текста. Итальянский текст впервые был издан в 1904 г. Е. Сольми в Модене, в Италии. В 1920 г. в Италии вышло критическое издание итальянского текста. На русском языке «Город Солнца» в 1918 г. был издан в переводе с латинского А.Г. Генкеля, в 1834 г. — в переводе Ф.А. Петровского.

В настоящей книге текст перепечатывается из книги: Кампанелла Т. Город Солнца. (*Civitas Solis*, 1623) Перевод с латинского и комментарии Ф.А. Петровского. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. Комментарии Ф.А. Петровского не используются (кроме одного примечания, авторство которого указано в соответствующем месте).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Томас Мор

УТОПИЯ.

**Золотая Книга, столь же полезная, как забавная,
о наилучшем устройстве государства
и новом острове «Утопия»**

Первая книга	40
Вторая книга	86
<i>О городах и преимущественно об Амауроте</i>	90
<i>О должностных лицах</i>	93
<i>О занятии ремеслами</i>	94
<i>О взаимном общении</i>	101
<i>О путешествиях утопийцев</i>	107
<i>О рабах</i>	132
<i>О военном деле</i>	142
<i>О религиях утопийцев</i>	154

<i>Томмазо Кампанелла. ГОРОД СОЛНЦА</i>	175
---	-----

Комментарии

<i>Томас Мор. Краткая биография</i>	245
<i>Примечания к «Утопии» Т. Мора</i>	248
<i>Томмазо Кампанелла. Краткая биография</i>	249
<i>Примечания к «Городу Солнца» Т. Кампанеллы</i>	253

Томас Мор
Томмазо Кампанелла

УТОПИЯ. ГОРОД СОЛНЦА

Редактор О. И. Грейгъ
Художник Б.Б. Протопопов
Верстка А.А. Кувшинников

ООО «Издательство Алгоритм»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-08-25
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 27.10.13. Подписано в печать 20.12.13.
Формат 84x108/32. Бумага тип.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Печ. л. 8. Тираж 2000 экз. Заказ №